Zbiory Stowarzyszenia I. F. C.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ФР. ШОПЕНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Л. К. Давыдовой.

Съ портретомъ Шопена и музыкальнымъ приложеніемъ, состоящимъ изъ выбора его произведеній для фортепіано.

INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA-NARODOWY BIBLIOTEKA

ЦѢНА 25 КОП.

Zbiory Stowarzyszenia I. F. C. 1044

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1892.

Книги для дѣтей и юношества.

Иллюстрированные романы Диккенса въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой*. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго романа **40** к. Въ папкѣ **50** к., въ переплетѣ по 6 ром. вмѣстѣ—**3** р. **25** к.

Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. **1** р. **25** к., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ пер. **2** р.

Дѣтскій маскарадъ. *Азбелева.* Съ 16 рис Ц. **20** к.

Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *Бажиной.* Съ 44 рисунками. Ц. 1 р. Въ папкѣ Ц. **1** р. **25** к. Въ переплетѣ Ц. **1** р. **60** к.

Два проказника. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша.* 100 рис. Ц. **60** к., въ папкѣ **75** к., въ переплетѣ **1** р. **25** к.

Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Ц. **2** р., въ папкѣ **2** р. **50** к., въ переплетѣ **3** р.

Въ добрый часъ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. **75** к., въ папкѣ **1** р., въ переплетѣ **1** р. **25** к.

Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* Два тома съ 135 рис. Цѣна каждаго въ папкѣ **1** р. **60** к. Въ переплетѣ **2** р.

Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рисунками. 2-е изданіе. Цѣна **1** р., въ папкѣ **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **60** к.

Изъ жизни и исторіи. *А. Арсеньева.* Съ рис. Цѣна въ папкѣ **1** р. **50** к., въ переплетѣ **2** р.

Послушаемъ! Дѣт. разсказы. *Нольде.* Съ 28 рис. въ папкѣ **1** р., въ переплетѣ **1** р. **35** коп.

Наглядныя несообразности. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ). *Ф. Павленкова.* 10 листовъ (на каждомъ по 20 рис.). Ц. **1** р. „Объясненіе“ къ нимъ **5** к.

Робинзонъ. Его жизнь и приключенія. *Гейбнера.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 107 рис. Ц. **30** к., въ папкѣ **40** к., въ перепл. **60** к.

Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта. въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой.* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ Рой 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ и др. Ц. каждаго романа **40** к., въ папкѣ **50** к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. **2** р. **80** к.

Черные богатыри. *Е. Конради.* Со множествомъ рис. Цѣна **2** р., въ перепл. **2** р. **75** коп.

Математическіе софизмы. 50 теоремъ доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и проч. Составилъ *В. Обреимовъ.* Ц. **40** к.

Математическія развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ франц. Съ 35 фигурами и таблицами. Ц. **1** р. въ перепл. **1** р. 75 к.

Тройная головоломка. *В. Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. и 30 кастетами. Ц. **1** р.

Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. *С. Ворисюфера.* 2-е изд. Съ 73 рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ перепл. **2** р. **25** к.

Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. *С. Ворисюфера.* Съ иллюстр. Ц. **2** р., въ папкѣ **2** р. **25** к., въ перепл. **2** р. **75** к.

Сказочная страна Приключенія двухъ матросовъ. *С. Ворисюфера.* Съ иллюстр. Ц. **2** р., въ папкѣ **2** р. **25** к., въ переплетѣ **2** р. **75** к.

Приключенія контрабандиста. *С. Ворисюфера.* Съ иллюстраціями. Цѣна **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ переплетѣ **2** р. **25** к.

Мученики науки. *Г. Тисандье.* Переводъ подъ редакціей *Ф. Павленкова.* Съ 55 рисунками 3-е изд. Ц. **1** р. **50** к. Въ переплетѣ **2** р.

Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. **1** р. **25** к., въ папкѣ **1** р. **50** к., въ переплетѣ **2** р.

Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Пер. подъ редак. *Ф. Павленкова.* 3-е изд., съ 353 рисун. Ц. **1** р. **50** к., въ переплетѣ **2** р. **25** к.

Сказки Густафсона. Съ рис. Цѣна **1** р. **25** к. въ папкѣ **1** р. **50** к., въ переплетѣ **1** р. **75** к.

На землѣ и подъ землей. Сборникъ разсказовъ *Галузьева.* Съ 40 рис. Ц. **1** р. **25** к., въ папкѣ—**1** р. **50** к., въ перепл. **2** р.

Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Ц. каждой книжкѣ по **35** к.

Живыя картинки. *А. Смирнова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 50-ю рис. Ц. **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ пер. **2** р.

Янки Вологодскаго уѣзда. *А. Круглова.* Съ 6 рисунк. Ц. **25** к.

Незабудки. *А. Круглова.* Съ 50-ю рисун. Ц **1** р. **50** к., въ папкѣ **1** р. **75** к., въ перепл. **2** р.

Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. **2** р., въ пап. **2** р. **25** к., въ пер. **2** р. **50** к.

Исторія открытія Америки. Ламе-Флери. Съ 52 рис. Ц. **75** к., въ пап. **1** р., въ пер. **1** р. **30** к.

Двадцать біографій образцовыхъ русск. писателей. Сост. *В. Острогорскій.* Съ 20 портр. Ц. **50** к. Въ папкѣ **75** к. Въ перепл. **1** р.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ. Ц. **1** р. **50** к., 2) **Психологія вниманія.** *Д-ра Рибо.* Ц. [illegible] к., 3) **Берегите легкія.** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. **75** к., 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. **1** р. **50** к., 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Даллe.* Съ рис. Ц. **1** р. **25** к., 6) **Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. **1** р., 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли,* 2-е изд. Ц. **1** р., 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. **60** коп., 9) **Міръ грезъ.** *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. **1** р., 10) **Первобытные люди.** *Дебьера.* Со многими рис. Ц. **1** р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. **1** р. **50** к., 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. **1** р., 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. **1** р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц. **50** к., 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. **1** р.

Дозволено цензурою. Спб., 1 марта 1892 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. стр.

Дѣтство Шопена.—Его ранняя склонность къ музыкѣ.—Занятія въ Лицеѣ.—Первыя заграничныя поѣздки 5

ГЛАВА II.

Жизнь Шопена въ Варшавѣ.—Его душевное состояніе.—Дружба съ Титомъ Войцѣховскимъ.—Первая любовь Шопена.—Отъѣздъ изъ Польши 18

ГЛАВА III.

Жизнь Шопена въ Вѣнѣ.—Польское возстаніе и впечатлѣніе, произведенное имъ на Шопена.—Переѣздъ въ Парижъ.—Сближеніе съ мѣстными музыкантами.—Характеристика Шопена, сдѣланная Листомъ.—Шопенъ какъ виртуозъ.—Его отношенія къ женщинамъ 25

ГЛАВА IV.

Шопенъ и Ж. Зандъ.—Характеристика ихъ отношеній.—Первое знакомство.—Зима на Майоркѣ 39

ГЛАВА V.

Совмѣстная жизнь Шопена и Ж. Зандъ въ Парижѣ.—Артистическая среда, среди которой вращался Шопенъ. Листъ, Гейне, Делакруа.—Лѣтнія пребыванія въ Ноганѣ.—Процессъ творчества у Шопена.—Его взгляды на музыку и музыкантовъ.—Шопенъ, какъ композиторъ 48

ГЛАВА VI.

Разрывъ Шопена съ Ж. Зандъ.—Психологическіе мотивы, обусловливавшіе этотъ разрывъ.—Поводъ къ нему.—Отъѣздъ Шопена въ Англію.—Состояніе его духа въ послѣдній годъ жизни.—Разстроенное здоровье.—Послѣдняя болѣзнь Шопена.—Его смерть 64

Источниками для этой біографіи послужили слѣдующія сочиненія:

Karosovsky. Chopin, sein Leben, seine Werke und Briefe

F. Liszt. Frédéric Chopin.

Niecks. Frédéric Chopin. (2 v.).

Schumann. Briefe über Musik und Musiker.

George Sand. Histoire de ma vie.

ГЛАВА I.

Дѣтство Шопена.—Его ранняя склонность къ музыкѣ.—Занятія въ лицеѣ.—Первыя заграничныя поѣздки.

Фредерикъ Шопенъ родился 1 марта 1809 г. въ имѣніи графа Скарбека, Жасова Воля, подъ Варшавой. Отецъ его, Николай Шопенъ, былъ французъ, родомъ изъ Лотарингіи. Въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія онъ пріѣхалъ въ Варшаву въ качествѣ служащаго при одной французской фирмѣ, торговавшей табакомъ. Когда дѣла фирмы разстроились, онъ началъ давать уроки французскаго языка и въ скоромъ времени получилъ мѣсто учителя въ одномъ польскомъ семействѣ. Польша ему очень нравилась: онъ женился на полькѣ, принималъ дѣятельное участіе въ политической жизни страны и чувствовалъ себя совсѣмъ дома въ своемъ новомъ отечествѣ. Будучи однимъ изъ участниковъ возстанія Костюшки, онъ, только благодаря счастливой случайности, избѣгъ участи, постигшей большинство его товарищей. Послѣ подавленія возстанія, когда нечего было и думать ни о какой общественной дѣятельности, Шопенъ удалился въ частную жизнь и жилъ уроками французскаго языка и тѣмъ, что держалъ пансіонеровъ—по большей части дѣтей изъ польскихъ аристократическихъ семей. Онъ былъ невыдающимся, но хорошимъ, честнымъ и развитымъ человѣкомъ, интересующимся искуствомъ и литературой. Въ домѣ его собирались многіе представители варшавской интеллигенціи.

Жена его была кроткая, любящая женщина, очень набожная и всецѣло погруженная въ свою домашнюю жизнь и заботы о семьѣ.. Мужъ и жена очень любили другъ друга и вкладывали всю свою душу въ воспитаніе дѣтей. Въ этой мирной атмосферѣ семейной любви прошло дѣтство и первая молодость Шопена, что оставило неизгладимые слѣды на всемъ его харак-

терѣ. Онъ страстно любилъ свою семью и всегда говорилъ, что время, проведенное «дома», было лучшимъ временемъ въ его жизни. Его письма къ роднымъ дышатъ самой искренней нѣжностью и почтительностью. Онъ подробно описываетъ все, что ему приходится переживать, мѣстности, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, людей, съ которыми встрѣчался. Видно, что между ними существовало самое тѣсное общеніе. Съ особенной любовью относился онъ къ своей матери: Жоржъ Зандъ говоритъ даже, что мать была его единственной страстью, единственной женщиной, которую онъ дѣйствительно любилъ, но это конечно сильное преувеличеніе, что доказывается прежде всего его отношеніями къ той же самой Жоржъ Зандъ. Но объ Ж. Зандъ еще много придется говорить впослѣдствіи, а теперь вернемся къ дѣтству Шопена.

Будучи совсѣмъ маленькимъ ребенкомъ, Фредерикъ не могъ выносить музыки: какъ только онъ слышалъ звуки игры или пѣнія, онъ принимался отчаянно плакать и много труда стоило всегда успокоить его. Но это отвращеніе вскорѣ замѣнилось совершенно другимъ отношеніемъ къ музыкѣ. Онъ рано началъ бренчать на фортепьяно и обнаруживалъ такія выдающіяся музыкальныя способности, что его, еще совсѣмъ маленькимъ мальчикомъ, 5—6 лѣтъ, заставили брать уроки игры на фортепіано, чему онъ впрочемъ подчинился очень охотно. Учителемъ его былъ Цивни, одинъ изъ лучшихъ варшавскихъ учителей того времени. Мальчикъ дѣлалъ поразительно быстрые успѣхи и слылъ въ Варшавѣ за маленькаго «enfant prodigue». Ему часто приходилось играть въ аристократическихъ домахъ, съ которыми отецъ его имѣлъ сношенія черезъ своихъ учениковъ.

Фредерику не было еще 9-ти лѣтъ, когда онъ въ первый разъ выступилъ публично въ одномъ благотворительномъ концертѣ. Можно себѣ представить, какимъ событіемъ въ семьѣ былъ его первый публичный выходъ. Мальчика одѣли въ красивый костюмчикъ, съ большимъ кружевнымъ воротникомъ, который доставлялъ маленькому артисту несказанное удовольствіе. Когда послѣ концерта мать спросила его: «какъ ты думаешь, что больше всего понравилось публикѣ?», онъ отвѣтилъ: «знаешь, мама, всѣ они смотрѣли на мой воротникъ»! Этотъ наивный отвѣтъ показываетъ, что, не смотря на ранніе тріумфы въ салонахъ, Шопенъ въ 9 лѣтъ былъ еще настоящимъ ребенкомъ. Но частыя посѣщенія варшавской аристократіи имѣли большое вліяніе на развитіе его характера: тамъ онъ пріобрѣлъ изящныя аристократическія манеры настоящаго «джентльмена»; тамъ онъ выработалъ себѣ умѣніе обращаться съ людьми и житейскій тактъ; тамъ же онъ научился придавать такое большое значеніе внѣшнимъ формамъ приличія и съ такимъ ужасомъ относиться ко всему яркому, грубому, рѣзкому, какъ это обнаружилось у него впослѣдствіи. Шопенъ очень любилъ аристократическіе салоны, чувствовалъ себя тамъ въ своей сферѣ и всегда, въ какой бы городъ не пріѣзжалъ, въ скоромъ времени попадалъ въ аристократическій кругъ.

Маленькій Фредерикъ былъ слабымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ, и уже въ силу своей болѣзненности былъ лишенъ разныхъ свойственныхъ его возрасту, игръ и физическихъ упражненій. Онъ росъ вмѣстѣ со своими тремя сестрами и почти исключительно находился въ женскомъ обществѣ, чѣмъ отчасти объясняется та почти женственная мягкость, которая всегда составляла отличительную черту его характера.

Сочинять Фредерикъ началъ почти въ одно время со своими первыми опытами игры на фортепьяно и раньше, чѣмъ онъ выучился писать. Онъ просилъ своего учителя музыки записывать за него разныя, приходившія ему въ голову, мелодіи. Сочинялъ онъ тогда большей частью мазурки, вальсы и полонезы. Когда ему было 10 лѣтъ, онъ посвятилъ великому князю Константину маршъ, который былъ напечатанъ (но безъ имени автора) и нѣсколько разъ исполнялся военнымъ оркестромъ. Эти первые опыты въ композиціи, во всякомъ случаѣ свидѣтельствующіе о недюжинномъ дарованіи мальчика, побудили отца дать ему учителя теоріи музыки. Но въ то время никто еще не думалъ о томъ, что Фредерикъ можетъ сдѣлаться музыкантомъ: родители смотрѣли на его страстную любовь къ музыкѣ какъ на естественное увлеченіе ребенка, которому недоступны разныя шумныя мальчишескія игры, требующія прежде всего ловкости и силы. Учителемъ его былъ выбранъ Эльснеръ, директоръ варшавской консерваторіи. Онъ скоро замѣтилъ, что имѣетъ дѣло съ выдающимся ученикомъ, и съ большой любовью относился къ своимъ занятіямъ съ нимъ. Дружескія отношенія между ними продолжались и тогда, когда ученикъ сдѣлался взрослымъ человѣкомъ и далеко переросъ своего учителя, и были прерваны только смертью Шопена.

Дѣтство Шопена, какъ мы уже говорили, было очень счастливое. Онъ былъ ласковымъ, кроткимъ ребенкомъ, уже съ раннихъ лѣтъ обнаруживавшимъ удивительную способность привлекать

къ себѣ людей. Его любили всѣ, кто съ нимъ сталкивался. Не смотря на свою болѣзненность и мягкій характеръ, онъ вовсе не былъ вялымъ, флегматичнымъ мальчикомъ, и вмѣстѣ со своими сестрами всегда готовъ былъ на всякія шалости и продѣлки. Однимъ изъ любимыхъ занятій дѣтей была игра въ театръ, причемъ они сами сочиняли пьесы для своего репертуара. Фредерикъ всегда игралъ первую роль въ этихъ домашнихъ спектакляхъ и игралъ такъ хорошо, что извѣстные въ то время актеры, бывавшіе въ домѣ его отца, предсказывали ему блестящую будущность на поприщѣ драматическаго искуства. Въ особенный восторгъ всѣхъ приводила его мимика; мимическій талантъ сохранился у него и впослѣдствіи.

До 15 лѣтъ Шопенъ учился дома, вмѣстѣ съ пансіонерами своего отца, а затѣмъ поступилъ въ одинъ изъ старшихъ классовъ Варшавскаго лицея. Онъ учился очень хорошо и постоянно переходилъ изъ класса въ классъ съ наградами; но особенной любви къ наукамъ никогда не чувствовалъ, а учился хорошо, потому что при его даровитой натурѣ все давалось ему очень легко, и къ тому же, дома ему помогали заниматься.

Среди товарищей онъ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ за свой веселый, привѣтливый характеръ. Особенную популярность въ лицеѣ онъ пріобрѣлъ за свое умѣніе передразнивать и рисовать каррикатуры, главной темой для которыхъ конечно служили учителя лицея и его директоръ.

Изъ своихъ товарищей по лицею Шопенъ особенно подружился съ нѣкіимъ Дзевановскимъ и на каникулы поѣхалъ съ его семьей въ ихъ имѣніе Сцаварнію, расположенную неподалеку отъ Варшавы. На юношу, воспитаннаго въ городѣ, это первое пребываніе въ деревнѣ произвело необыкновенно сильное впечатлѣніе: первое время, когда онъ туда пріѣхалъ, онъ цѣлыми днями бродилъ по лѣсу и по полямъ, лежалъ подъ деревьями, смотрѣлъ на небо и чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ. Въ 15 лѣтнемъ мальчикѣ уже сказывался будущій великій поэтъ звуковъ.

Но разные эпизоды изъ его жизни въ Сцаварніи показываютъ, что, не смотря на свои поэтическіе порывы и любовь къ природѣ, Шопенъ былъ большимъ шалуномъ и что шалости его не всегда имѣли безобидный характеръ. Такъ напр., разсказываютъ слѣдующую его мальчишескую продѣлку: владѣлецъ Сцаварніи велъ переговоры съ однимъ евреемъ относительно продажи ему ржи. Переговоры кончились обоюднымъ соглашеніемъ и еврей уѣхалъ, обѣщавъ черезъ нѣкоторое время привезти деньги. Шопенъ, узнавши объ этомъ, написалъ старику Дзевановскому письмо, въ которомъ, отъ имени еврея, отказывался отъ заключеннаго между ними условія. Поддѣлка подъ еврейскій жаргонъ была такъ хороша и письмо было написано такимъ ужаснымъ почеркомъ и съ такимъ обиліемъ грамматическихъ ошибокъ, что Дзевановскій попался въ ловушку. Не подозрѣвая никакой мистификаціи, онъ пришелъ въ необычайную ярость и хотѣлъ тотчасъ же послать за несчастнымъ, ни въ чемъ неповиннымъ евреемъ и хорошенько задать ему за его мнимое вѣроломство, но Шопенъ, видя, что дѣло заходитъ такъ далеко, поспѣшилъ вывести его изъ заблужденія.

Свои письма къ роднымъ Шопенъ составлялъ въ видѣ еженедѣльной газетки, называемой «Сцаварнскій курьеръ». Сохранилось нѣсколько нумеровъ этой газетки. Въ нихъ довольно остроумно описываются разныя мелочи повседневной деревенской жизни. Цензоромъ «Сцаварнскаго курьера», неизмѣнно прилагавшимъ къ нему свою печать, была Луиза Дзевановская, сестра товарища Шопена.

Занятія въ лицеѣ не мѣшали ему посвящать много времени своей музыкѣ. Онъ дѣлалъ такіе быстрые успѣхи въ фортепьянной игрѣ, что съ 12 лѣтъ Цивни пересталъ давать ему уроки, находя, что онъ больше ничему не можетъ научить его. Будучи предоставленъ самому себѣ, Шопенъ продолжалъ очень много работать. Разсказываютъ, что еще въ дѣтствѣ, для того, чтобы быть въ состояніи брать разные, особенно нравившіеся ему аккорды, онъ рѣшилъ растянуть свои руки и съ этой цѣлью устроилъ себѣ между пальцами какое-то приспособленіе, которое не снималъ даже ночью. Эти аккорды, ради которыхъ онъ въ дѣтствѣ подвергалъ себя такимъ истязаніямъ, были тѣ самые, которые впослѣдствіи сдѣлались одной изъ характеристическихъ особенностей его сочиненій.

Съ самой ранней молодости у него начала проявляться его удивительная способность къ импровизаціи, благодаря которой онъ впослѣдствіи пожиналъ такъ много лавровъ. Игра его тогда уже оказывала необыкновенно-обаятельное дѣйствіе на слушателей. Для маленькихъ дѣтей, пансіонеровъ его отца, не было большаго удовольствія, чѣмъ когда Фредерикъ садился за фортепьяно и подъ музыку разсказывалъ имъ разныя исторіи, по большей части тоже своего собственнаго сочиненія.

Однажды, когда отца его не было дома, дѣти подняли страшную возню и учитель не зналъ, что ему съ ними дѣлать. Фре-

дерикъ случайно вошелъ въ это время въ комнату и, увидя взволнованнаго и разсерженнаго учителя, тщетно старающагося водворить порядокъ въ своемъ маленькомъ царствѣ, рѣшилъ придти ему на помощь.

Созвавъ вокругъ себя дѣтей, онъ сказалъ имъ, чтобы они всѣ усѣлись и сидѣли смирно и онъ раскажетъ имъ на фортепьяно сказку. Дѣти тотчасъ же послушались и вскорѣ въ залѣ воцарилась полная тишина. Фредерикъ сѣлъ за фортепьяно, потушилъ свѣчи (онъ всегда импровизировалъ въ темнотѣ) и началъ играть, сопровождая свою игру разсказомъ. Онъ разсказывалъ, какъ разбойники приближались къ дому, какъ они хотѣли влѣзть въ окно, но испугались начавшагося въ домѣ движенія и ушли въ темный лѣсъ и тамъ заснули подъ звѣзднымъ небомъ. Онъ игралъ все тише и тише, точно хотѣлъ убаюкать своихъ слушателей и дѣйствительно, всѣ эти, разгоряченные возней, ребятишки мало-по-малу начали засыпать, какъ вдругъ громкій, звенящій аккордъ снова пробудилъ ихъ.

1825 годъ былъ знаменательнымъ годомъ въ жизни Шопена. Въ этомъ году 16-ти лѣтній мальчикъ второй разъ выступилъ публично въ одномъ концертѣ и кромѣ того игралъ въ присутствіи императора Александра I, который остался очень доволенъ игрой молодого артиста и подарилъ ему на память перстень съ большимъ брилліантомъ. Наконецъ въ этомъ же году было напечатано его первое музыкальное произведеніе. Въ посмертномъ изданіи сочиненій Шопена есть вещи, написанныя раньше этого времени, напр. полонезъ, помѣченный 1822 г., когда ему слѣдовательно было всего 13 лѣтъ. Но первой вещью, которую онъ самъ и его учитель сочли достойной появиться въ печати, было Rondeau C-moll, посвященное г-жѣ Линде, женѣ одного изъ пріятелей его отца, съ которой Шопенъ часто игралъ въ 4 руки.

Страсть къ композиціи все болѣе и болѣе овладѣвала юношей. Когда передъ нимъ вставали какіе-нибудь музыкальные образы, онъ совсѣмъ преображался, уходилъ въ себя, дѣлался молчаливымъ и задумчивымъ, и по цѣлымъ днямъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, весь погруженный въ таинственный процессъ творчества, происходившій въ его душѣ. Иногда ночью, когда всѣ въ домѣ спали, онъ внезапно вскакивалъ съ постели, подбѣгалъ къ своему фортепіано и бралъ одинъ за другимъ отрывочные аккорды. Это приводило въ большое недоумѣніе прислугу, которая никакъ не могла понять, зачѣмъ это молодой господинъ ночью по нѣскольку разъ

принимается играть. Они рѣшили между собой, что онъ навѣрное начинаетъ сходить съ ума.

Фредерикъ такъ много работалъ, занимаясь музыкой и проходя въ тоже время курсъ въ лицеѣ, что въ 17 лѣтъ у него сдѣлалось нервное переутомленіе и онъ на лѣто поѣхалъ съ матерью и сестрами на воды въ Рейнерцъ. Здѣсь ему пришлось дать свой первый собственный концертъ. Случилось это такъ: въ Рейнерцѣ умерла одна бѣдная вдова, оставивъ двоихъ дѣтей буквально ни съ чѣмъ, такъ что не на что было даже похоронить ее. Услышавъ объ этомъ, Фридерикъ рѣшился помочь сиротамъ и далъ въ ихъ пользу концертъ, который выручилъ довольно порядочную сумму.

Изъ Рейнерца Шопенъ поѣхалъ на нѣкоторое время въ имѣніе къ своей крестной матери, г-жѣ Веселовской, и тамъ познакомился съ княземъ Радзивилломъ, представителемъ одной изъ самыхъ древнихъ аристократическихъ фамилій Польши и большимъ любителемъ и знатокомъ музыки. Въ его домѣ собирались всѣ, пріѣзжавшіе въ Польшу, выдающіеся артисты. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ игры Шопена, приглашалъ его къ себѣ и будучи въ Варшавѣ, самъ нѣсколько разъ заходилъ къ нему. Шопенъ раза два ѣздилъ погостить въ его помѣстье Антонинъ въ Познани. Затѣмъ они встрѣтились уже въ Парижѣ. Этимъ и ограничиваются всѣ сношенія Шопена съ княземъ Радзивилломъ. Никакого покровительства или денежной поддержки онъ ему не оказывалъ. Листъ въ своей книгѣ о Шопенѣ, написанной вскорѣ послѣ смерти послѣдняго, писалъ, что Шопенъ воспитывался на средства князя Радзивилла, который будто бы тоже далъ ему денегъ на поѣздку за границу. Но это совершенно невѣрно и всѣ позднѣйшіе біографы Шопена рѣшительно отрицаютъ этотъ фактъ. Родители Шопена были люди небогатые, но вполнѣ достаточные и во всякомъ случаѣ были въ состояніи дать своему сыну надлежащее образованіе. Изъ заграничныхъ писемъ его къ отцу ясно видно, что онъ жилъ только на его средства: онъ часто упоминаетъ о томъ, что ему стыдно брать такъ много денегъ, что родные должны такъ много на него тратить и т. д. Послѣ выхода въ свѣтъ книги Листа, семья Шопена печатно заявила, что они никогда не пользовались никакой матеріальной поддержкой отъ князя Радзивилла.

Восемнадцати лѣтъ Шопенъ окончилъ Варшавскій лицей. Выпускные экзамены онъ сдалъ не такъ блистательно, какъ обыкновенно сдавалъ переходные экзамены изъ класса въ классъ: музыка поглощала у него слишкомъ много времени. Родители его,

которые сначала смотрѣли на своего сына какъ на даровитаго дилетанта и не придавали особеннаго значенія его музыкальнымъ занятіямъ, мало по малу пришли къ убѣжденію, что онъ рожденъ быть артистомъ и рѣшили дать ему возможность выработать изъ себя настоящаго музыканта. По окончаніи лицея, Шопенъ могъ всецѣло отдаться музыкѣ. Столъ его былъ заваленъ множествомъ новыхъ произведеній, частью уже отдѣланныхъ, частью только набросанныхъ.

Онъ вскорѣ переросъ всѣхъ варшавскихъ музыкантовъ и его страшно начало тянуть въ какой-нибудь крупный, музыкальный центръ, гдѣ бы онъ могъ увидѣть и услышать великихъ музыкантовъ своего времени и у нихъ поучиться. Но родители сначала никакъ не могли рѣшиться надолго отпустить своего болѣзненнаго и изнѣженнаго сынка одного за границу, а послали его только на двѣ недѣли въ Берлинъ, вмѣстѣ съ ихъ старымъ другомъ, профессоромъ Яроцкимъ, который отправлялся туда на конгрессъ естествоиспытателей. Поѣздка эта рѣшилась совершенно неожиданно для самого Шопена и онъ былъ въ необычайномъ восторгѣ отъ такого внезапнаго осуществленія его завѣтной мечты.

Онъ пишетъ своему другу Войцѣховскому, (о которомъ еще будетъ рѣчь ниже): «Пишу тебѣ какъ сумасшедшій, потому что я самъ не понимаю, что со мной дѣлается. Сегодня я ѣду въ Берлинъ! Я пробуду тамъ всего двѣ недѣли, но этого достаточно, чтобы услышать хорошую оперу въ законченномъ исполненіи.»

Поѣздка въ Берлинъ была первымъ большимъ путешествіемъ молодого Шопена, который до сихъ поръ никогда не выѣзжалъ изъ предѣловъ Польши. Поэтому все, что попадалось ему на пути, было для него ново и казалось интереснымъ и занимательнымъ. Онъ сообщаетъ роднымъ свои наблюденія надъ попутчиками и пишетъ, что за эту дорогу коллекція его каррикатуръ значительно увеличилась. Попутчики казались ему актерами,—разыгрывавшими смѣшную комедію, и онъ, съ сознаніемъ своего превосходства надъ ними, потѣшался этой комедіей.

Берлинъ не вполнѣ оправдалъ его ожиданія: ему не удалось познакомиться ни съ кѣмъ изъ мѣстныхъ выдающихся музыкантовъ. Профессоръ Яроцкій оказался не особенно пріятнымъ спутникомъ для молодого человѣка, жаждавшаго прежде всего услышать какъ можно больше музыки и увидать какъ можно больше музыкантовъ. Яроцкій-же былъ совершенно поглощенъ конгрессомъ естествоиспытателей и вмѣсто концертовъ водилъ Шопена по зоологическимъ кабинетамъ и доставалъ ему билеты на обѣды членовъ конгресса, что было тому совсѣмъ не по душѣ. Естественныя науки его совершенно не интересовали, а жрецы науки казались скучными и односторонними и шокировали его эстетическое чувство своими неизящными манерами. Онъ пишетъ роднымъ: «Сегодня будетъ обѣдъ у Гумбольдта. Яроцкій хотѣлъ достать и для меня пригласительный билетъ, но я отказался, потому что не нахожу особеннаго интереса для себя въ такихъ собраніяхъ: я для этого недостаточно ученъ. Къ тому-же записные ученые навѣрное съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ стали-бы смотрѣть на меня, непосвященнаго, и думали-бы: какимъ образомъ очутился Саулъ среди пророковъ? Уже за первымъ обѣдомъ мнѣ казалось, что мой сосѣдъ, извѣстный гамбургскій профессоръ ботаники, нѣсколько странно на меня посматривалъ. Меня поражали его сильныя руки: онъ съ необыкновенной легкостью разламывалъ громадный кусокъ бѣлаго хлѣба, съ которымъ я еле справлялся при посредствѣ обѣихъ своихъ рукъ и ножа. Онъ разговаривалъ черезъ столъ съ профессоромъ Яроцкимъ и въ пылу увлеченія дошелъ до такой разсѣянности, что по ошибкѣ вмѣсто своей тарелки залѣзъ въ мою и началъ по ней барабанить пальцами. Настоящій ученый, неправда-ли? И носъ у него соотвѣтственный—огромный, безобразный. Во время этой барабанной игры я сидѣлъ какъ на иголкахъ и, какъ только онъ кончилъ, старательно принялся вытирать слѣды его пальцевъ на своей тарелкѣ».

Этотъ отрывокъ очень характеренъ. Онъ показываетъ, какъ даже въ ранней молодости, когда люди обыкновенно не придаютъ особеннаго значенія разнымъ внѣшнимъ пріемамъ вѣжливости и приличія, Шопенъ былъ щепетиленъ на этотъ счетъ и какъ его шокировали разныя мелкія неловкости и угловатости. Вмѣсто того, чтобы просто посмѣяться надъ разсѣянностью старика-профессора, онъ «сидитъ какъ на иголкахъ», и по тону письма видно, что онъ чувствовалъ къ нему даже нѣкоторую враждебность. Такое отношеніе къ людямъ всегда было одной изъ отличительныхъ чертъ его натуры. Ж. Зандъ говоритъ, что онъ способенъ былъ возненавидѣть человѣка изъ-за какого-нибудь совершеннѣйшаго пустяка, на который никто, кромѣ него, не обратилъ-бы и вниманія.

Отъ берлинской музыки Шопенъ былъ въ восторгѣ. Онъ нѣсколько разъ бывалъ въ оперѣ и въ концертахъ и въ первый разъ услышалъ тутъ одну изъ ораторій Генделя, которая произвела на него громадное впечатлѣніе; по его словамъ, эта орато-

рія болѣе всего изъ слышаннаго имъ до сихъ поръ приближается къ его идеалу возвышенной музыки.

На возвратномъ пути въ Варшаву, по случаю перепряжки лошадей, Шопену и его спутнику пришлось ждать цѣлый часъ въ маленькомъ городкѣ Цулишау. Шопенъ, отъ нечего дѣлать, принялся бродить по гостиницѣ, въ которой они остановились, и вдругъ, къ своему большому удивленію и радости, наткнулся въ одной изъ пріемныхъ комнатъ на рояль. За весь длинный путь отъ Берлина до Варшавы Шопенъ былъ лишенъ возможности играть на фортепьяно и, увидя здѣсь инструментъ, который къ тому же оказался хорошо настроеннымъ, онъ тотчасъ же усѣлся за него и принялся играть. Звуки его игры мало по малу начали привлекать слушателей: пришелъ одинъ изъ его попутчиковъ по омнибусу, который во время дороги увѣрялъ, что самое большое наслажденіе въ жизни—это куреніе и что онъ скорѣе готовъ умереть, чѣмъ разстаться со своей трубкой; пришли другіе попутчики; наконецъ пришелъ самъ хозяинъ гостиницы со своей толстой какъ шаръ супругой и двумя хорошенькими дочерьми. Всѣ замерли какъ очарованные, слушая увлекательную, поэтическую игру незнакомаго имъ человѣка. У любителя куренія потухла его возлюбленная трубка, и онъ былъ такъ поглощенъ музыкой, что даже не замѣчалъ этого.

Шопенъ весь отдался своей импровизаціи и игралъ все нѣжнѣе и вдохновеннѣе, какъ вдругъ раздался рѣзкій окрикъ кондуктора: «лошади поданы, господа». Всѣ слушатели съ негодованіемъ набросились на кондуктора за его непрошенное появленіе. Шопенъ вскочилъ со своего мѣста и хотѣлъ идти, но всѣ обступили его и начали упрашивать продолжать игру.

...«Но вѣдь мы и такъ сидимъ здѣсь болѣе часа и скоро должны уже быть въ Познани» отговаривался молодой пьянистъ. «Останьтесь и поиграйте еще немного» убѣждалъ его хозяинъ. «Я дамъ вамъ курьерскихъ лошадей и вы поспѣете какъ разъ во время». Хозяйка, ея хорошенькія дочки и прочіе попутчики присоединились къ этой просьбѣ. Шопену не оставалось ничего другого, какъ согласиться. Онъ сѣлъ опять за рояль и продолжалъ игру, къ великому удовольствію своихъ слушателей. Когда онъ кончилъ, всѣ наперерывъ стали выражать ему свой восторгъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ подошелъ къ нему и со слезами на глазахъ сказалъ: «я старый музыкантъ и тоже немного играю на фортепіано, и поэтому могу оцѣнить вашу удивительную игру.

BIBLIOTEKA INSTYTUTU FRYDERYKA CHOPINA-NARODOWY

Еслибы Моцартъ слыхалъ васъ, онъ пожалъ бы вамъ руку и сказалъ: браво! Я же, незначительный человѣкъ, не смѣю этого сдѣлать».

Хозяинъ на радостяхъ угостилъ всѣхъ виномъ и пирожнымъ, а дочери его наполнили дорожную сумку артиста всевозможными лакомствами. Когда же онъ на прощаніе сыгралъ еще мазурку, то восторгъ публики достигъ крайнихъ предѣловъ: хозяинъ, который былъ громаднаго роста, схватилъ молодого Шопена на руки и на рукахъ отнесъ въ омнибусъ.

Впослѣдствіи Шопенъ очень любилъ вспоминать про этотъ эпизодъ и считалъ его за хорошее предзнаменованіе для своей начинающейся музыкальной карьеры. Композиторъ часто разсказывалъ, какъ онъ, подобно минестрелямъ стараго времени, странствовавшимъ съ лютней изъ города въ городъ, своей игрой заработалъ себѣ въ Цулишау пирожки, фрукты и вино. Онъ говорилъ также, что самыя большія восхваленія печати не были ему такъ пріятны, какъ наивный восторгъ того любителя куренія, который въ увлеченіи его игрой даже забылъ про свою трубку.

Вернувшись въ Варшаву, Шопенъ опять принялся за свои занятія, но ему уже не сидѣлось дома. Берлинъ съ его чудной музыкой не выходилъ у него изъ головы; его скоро опять начало тянуть за границу и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, снова отправился путешествовать. Цѣлью его странствованія на этотъ разъ была Вѣна. Отецъ и Эльснеръ убѣждали молодого пьяниста дать въ Вѣнѣ свой концертъ, но онъ не могъ сразу на это рѣшиться. Перспектива играть въ городѣ, который слышалъ Бетховена и Моцарта, нѣсколько смущала его.

Вѣна встрѣтила его очень привѣтливо. У него были рекомендательныя письма ко многимъ представителямъ вѣнскаго музыкальнаго міра, которые всѣ отнеслись къ нему очень дружески и остались въ восторгѣ отъ его игры. «Я не могу понять, что это значитъ, но здѣсь многіе мнѣ удивляются, а я удивляюсь этимъ людямъ, которые находятъ чему удивляться во мнѣ»,—пишетъ Шопенъ своимъ роднымъ. Онъ скоро ознакомился съ разными выдающимися вѣнскими музыкантами и проникъ въ аристократическіе салоны, гдѣ его вездѣ принимали очень любезно и восхищались его игрой. Свѣтскіе успѣхи чрезвычайно радовали молодого артиста и онъ съ наивнымъ, мальчишескимъ тщеславіемъ пишетъ роднымъ: «Всѣ журналисты съ удивленіемъ разѣваютъ на меня глаза и музыканты изъ оркестра почтительно кланяются

мнѣ, видя, какъ я гуляю подъ руку съ директоромъ итальянской оперы».

Новые знакомые въ одинъ голосъ уговаривали Шопена дать свой концертъ. Издатель его сочиненій особенно настаивалъ на этомъ, находя, что для успѣха музыкальныхъ произведеній очень важно, чтобы авторъ самъ сыгралъ ихъ въ публикѣ. Шопенъ долго колебался, но наконецъ рѣшился. Концертъ прошелъ съ блестящимъ успѣхомъ, хотя многіе изъ публики нашли, что онъ играетъ слишкомъ нѣжно и тихо. Эти качества всегда остались отличительными чертами Шопена, какъ виртуоза. Въ его игрѣ не было той могучей силы, тѣхъ рѣзкихъ, яркихъ эффектовъ, которые создаютъ успѣхъ въ большой публикѣ.Онъ былъ артистомъ «для немногихъ». Хотя всегда, когда онъ выступалъ, онъ имѣлъ большой успѣхъ, но это былъ скорѣе succès d'estime: публика чувствовала въ немъ оригинальный, большой талантъ и ей нравилось изящество и поэтичность его игры, но увлечь за собою массу, наэлектризовать ее и заставить, какъ одного человѣка, разразиться восторженными аплодисментами—этого Шопену никогда не удавалось. Поэтому онъ такъ рано отказался отъ карьеры виртуоза.

Но какъ-бы то ни было, а въ Вѣнѣ Шопенъ имѣлъ, для начинающаго пьяниста, большой успѣхъ и самъ былъ имъ вполнѣ доволенъ. Особенно дамы были въ восторгѣ отъ молодого артиста и его игры: Шопенъ всегда очень нравился женщинамъ. Онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ ожидалъ отзывовъ прессы и писалъ родителямъ: «Если газеты меня такъ разбранятъ, что мнѣ будетъ стыдно показываться людямъ на глаза, то я рѣшилъ сдѣлаться маляромъ. Это очень легкое искуство и, занимаясь имъ, все-таки остаешься художникомъ».

Но осуществить это скромное рѣшеніе не оказалось надобности, потому что газеты его чрезвычайно расхвалили, и подъ вліяніемъ общихъ одобреній и убѣжденій друзей, Шопенъ далъ въ Вѣнѣ второй концертъ, который тоже прошелъ съ большимъ успѣхомъ.

Вообще Шопенъ остался доволенъ своимъ пребываніемъ въ Вѣнѣ. Онъ завязалъ массу знакомствъ, проводилъ время очень разнообразно и пріятно и наслушался многихъ лестныхъ для себя вещей. Успѣхъ его концертовъ совершенно опьянилъ его. Въ письмѣ къ роднымъ, написаннымъ на другой день послѣ второго концерта, онъ подробно описываетъ все, что ему пришлось пережить за это время и въ концѣ прибавляетъ: «Право, я хотѣлъ писать совсѣмъ о другомъ, но вчерашній день не выходитъ у меня изъ головы».

На возвратномъ пути въ Варшаву Шопенъ съ товарищами заѣзжалъ въ Прагу и Дрезденъ. Тамъ онъ тоже познакомился съ мѣстными музыкантами, вездѣ находилъ самый радушный привѣтъ и писалъ роднымъ веселыя, счастливыя письма. Вообще это путешествіе было однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ періодовъ въ его жизни.

ГЛАВА II.

Жизнь Шопена въ Варшавѣ.—Его душевное состояніе.—Дружба съ Титомъ Войцѣховскимъ.—Первая любовь Шопена.—Отъѣздъ изъ Польши.

Вернувшись въ Варшаву, Шопенъ опять зажилъ прежней жизнью, т. е. игралъ, сочинялъ и много бывалъ въ обществѣ.

Онъ жилъ въ маленькой комнаткѣ въ верхнемъ этажѣ, въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ. Тамъ стоялъ его рояль и старый письменный столъ, заваленный нотной бумагой. Впослѣдствіи онъ часто вспоминалъ эту маленькую комнатку, гдѣ проводилъ столько хорошихъ часовъ за работой или въ обществѣ друзей, приходившихъ къ нему поболтать и послушать его новыя произведенія. У него было много товарищей и друзей. Листъ описываетъ Шопена сдержаннымъ, замкнутымъ въ себѣ человѣкомъ, который былъ милъ и привѣтливъ со всѣми, но друженъ не былъ ни съ кѣмъ и никому не давалъ заглянуть въ свою душу. Но Шопенъ не всегда былъ такимъ, какимъ зналъ его Листъ. Этотъ загадочный, всегда проникнутый какой-то тихой грустью, человѣкъ въ свои молодые годы былъ живымъ, увлекающимся юношей и имѣлъ близкихъ людей, съ которыми былъ вполнѣ откровененъ. Дружба его носила даже восторженный, романтическій характеръ. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Шопена къ его лучшему другу, Титу Войцѣховскому, съ которымъ онъ остался друженъ втеченіе всей своей жизни. Еслибы не знать, къ кому относятся эти письма, можно было-бы подумать, что это пишетъ страстно-влюбленный предмету своей любви:

Декабрь 1818 г.

...«Если я пишу сегодня такъ много глупостей, то дѣлаю это только, чтобы напомнить тебѣ, что ты попрежнему близокъ моему сердцу и что для тебя я все тотъ же Фредерикъ, какимъ былъ раньше».

Май 1830 г.

...«Ты не имѣешь понятія о томъ, какъ я люблю тебя! Еслибы я только какъ нибудь могъ доказать тебѣ это! Чего бы я не далъ, чтобы опять быть съ тобой и хорошенечко разцѣловать тебя!»

Сентябрь 1830 г.

...«Я не хотѣлъ бы путешествовать съ тобой, потому что съ особеннымъ наслажденіемъ думаю о томъ моментѣ, когда мы съ тобой встрѣтимся въ дорогѣ. Одна эта минута будетъ стоить тысячи однообразныхъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ въ путешествіи».

Апрѣль 1830 г.

«Когда я пишу что нибудь, мнѣ всегда ужасно хочется знать, какъ оно тебѣ понравится. Мой второй концертъ не будетъ имѣть для меня никакого значенія до тѣхъ поръ, пока ты его не услышишь и не одобришь».

Первая любовь Шопена имѣла такой же романтическій, мечтательный характеръ, какъ его дружба. Предметомъ этой любви была одна молоденькая ученица варшавской консерваторіи, Констанція Гладковская. Она была очень хороша собой и ея чистый, дѣвическій обликъ наполнялъ душу малодого артиста восторженнымъ поклоненіемъ. Въ первый разъ онъ упоминаетъ о своей любви въ одномъ письмѣ къ Войцѣховскому (3 октября 1829 г.). Онъ пишетъ ему:

...«Не думай, что я влюбленъ въ m-lle Блахетка (одна молодая піанистка, жившая въ Вѣнѣ). Я уже нашелъ—можетъ быть къ моему несчастью—свой идеалъ, которому глубоко и благоговѣйно поклоняюсь. Уже 6 мѣсяцевъ я влюбленъ въ нее и до сихъ поръ не сказалъ съ ней ни единого слова, но вижу ее во снѣ каждую ночь. Думая о ней, я писалъ Adagio своего концерта и сегодня утромъ она вдохновила меня для этого вальса, который я тебѣ посылаю».

Уже по этимъ строчкамъ видно, сколько романтизма было въ первой любви Шопена: онъ втеченіе шести мѣсяцевъ довольствовался молчаливымъ обожаніемъ издалека и даже не пытался познакомиться съ ней, хотя для него это было бы совсѣмъ не трудно, потому что она была ученицей варшавской консерваторіи, и Шопенъ былъ хорошо знакомъ съ ея профессоромъ пѣнія. Черезъ него онъ впослѣдствіи съ ней и познакомился. Повидимому онъ не столько любилъ самую молодую дѣвушку, сколько свою любовь къ

ней, тѣ страданія, которыя она ему доставляла. Для него она была предлогомъ «для тайныхъ думъ, мученій и блаженства», которыя были ему необходимы для творчества. Онъ любилъ ходить въ ту церковь, гдѣ она обыкновенно бывала и тамъ смотрѣть на нее, пока она молилась. Часто потомъ онъ вспоминалъ объ этихъ минутахъ.

Ни одинъ изъ біографовъ Шопена ничего не сообщаетъ о самой Констанціи Гладковской. Что она была за личность — неизвѣстно. Извѣстно только, что она была очень красива и что у нея былъ прекрасный голосъ. Съ любовью къ ней въ жизни Шопена начинается новый періодъ: талантливый мальчикъ превращается въ великаго артиста и тоскующаго поэта и пишетъ свой безсмертный концертъ F-moll. (Op. 21) *). Самъ Шопенъ писалъ объ Adagio этого концерта:

«Adagio имѣетъ романтическій, спокойный, частью меланхолическій характеръ. Оно должно производить такое впечатлѣніе, какъ будто видишь передъ собой любимый пейзажъ, вызывающій въ душѣ дорогія воспоминанія, какъ напримѣръ въ тихую, озаренную луннымъ свѣтомъ, весеннюю ночь». Концертъ F-moll—одно изъ лучшихъ, наиболѣе поэтическихъ сочиненій Шопена. Листъ выражается про него, что тамъ есть мѣста «поразительнаго величія» («d'une grandeur surprenante»), а Шуманъ восклицаетъ: «Что значатъ десять премированныхъ сочиненій по сравненію съ однимъ такимъ Adagio!»

Настроеніе Шопена въ этотъ періодъ его жизни было самое перемѣнчивое. Никакихъ сколько нибудь основательныхъ причинъ для мрачности у него не было: онъ былъ молодъ, привлекателенъ, талантливъ, творчество доставляло ему величайшія наслажденія; всѣ кругомъ любили его, онъ былъ влюбленъ и пользовался взаимностью—словомъ, все ему улыбалось. Но Шопенъ былъ слишкомъ талантливъ, у него была слишкомъ тонкая, болѣзненно-впечатлительная нервная организація, чтобы быть вполнѣ счастливымъ. Несмотря на всѣ благопріятныя внѣшнія условія, у него бывали тяжелыя минуты, когда онъ казался себѣ самымъ несчастнымъ человѣкомъ на свѣтѣ и впереди ему рисовались одни безконечныя страданія. И онъ не гналъ отъ себя такое настроеніе; напротивъ того, онъ любилъ погружаться въ него и испытывалъ при этомъ какое-то особенное, мучительное блаженство. Все это было необходимо для его творчества.

*) Этотъ концертъ былъ написанъ въ 1823 г., но напечатанъ только въ 1836 г., послѣ E-moll концерта, напечатаннаго въ 1833 г. Поэтому, хотя онъ былъ написанъ раньше, онъ называется вторымъ.

Что безъ страданій жизнь поэта
И что безъ бури океанъ?

Онъ пишетъ Войцѣховскому: «Я кажусь веселымъ, особенно когда нахожусь среди людей, но внутри меня что-то грызетъ, тяжелыя предчувствія, безпокойство, нехорошіе сны, безсонница, тоска, равнодушіе ко всему на свѣтѣ... Потомъ опять является жажда жизни, хочется работать, стремиться къ чему-то. Часто мнѣ кажется, что духъ мой замираетъ, я испытываю невыразимо-блаженную тишину въ душѣ, передо мной проносятся картины, отъ которыхъ я не могу оторваться, и это мучаетъ меня безмѣрно. Вообще—смѣсь всевозможныхъ чувствъ, трудно поддающихся описанію». Черезъ нѣкоторое время онъ опять пишетъ Войцѣховскому: «О, какъ грустно не имѣть никого, съ кѣмъ бы можно было дѣлить радости и горе! Какъ ужасно чувствовать свое сердце удрученнымъ, когда некому излить своихъ жалобъ! Какъ часто я разсказываю своему роялю то, что хотѣлъ бы разсказать тебѣ!.. Какъ я былъ радъ, когда получилъ письмо отъ тебя! Твои письма всегда успокаиваютъ меня, а сегодня мнѣ это было нужнѣе, чѣмъ когда либо. Я хотѣлъ бы прогнать отъ себя мысли, которыя отравляютъ мою жизнь и въ тоже время мнѣ почему-то нравится погружаться въ нихъ... Какъ часто я обращаю ночь въ день и день въ ночь, живу во снѣ и сплю днемъ, нѣтъ не сплю, а мучаюсь, потому что и во снѣ я испытываю тоже самое, и вмѣсто освѣженія эти сны только еще болѣе изнуряютъ и томятъ меня».

Если судить по вышеприведеннымъ отрывкамъ, то можно было бы думать, что жизнь Шопена была непрерывнымъ рядомъ терзаній. А между тѣмъ это было совсѣмъ не такъ. Грустное настроеніе, которое временами овладѣвало душою Шопена, не мѣшало ему въ другое время искренно веселиться, давать концерты и радоваться своимъ успѣхамъ, болтать всякій вздоръ и даже съ увлеченіемъ танцовать мазурку. Нельзя не подивиться необыкновенной подвижности его настроенія, когда читаешь напримѣръ слѣдующее письмо, написанное въ томъ же самомъ году какъ и тѣ мрачныя письма, выдержки изъ которыхъ только что были приведены. Онъ пишетъ Войцѣховскому:

...«Часто случается, что, когда человѣкъ хочетъ улучшить мнѣніе другихъ о себѣ, онъ только ухудшаетъ его; но мнѣ кажется, что касается нашихъ съ тобой отношеній, я не могу ни улучшить, ни ухудшить твоего мнѣнія обо мнѣ. Любовь моя къ тебѣ должна возбуждать и въ твоемъ сердцѣ такія же чувства ко мнѣ. Если кто нибудь вошелъ въ мою душу, я не допущу, чтобы его отъ меня взяли, какъ деревья не отдаютъ своего покрова изъ зеленыхъ листьевъ, который придаетъ имъ прелесть молодости. У меня всегда будетъ зелено, даже и зимой, т. е. я хочу сказать въ моей душѣ... Но—да поможетъ мнѣ Богъ!—въ душѣ у меня величайшій жаръ, поэтому не удивляйся, что получается такая роскошная растительность. Ну, довольно... твой на всегда... Я только теперь замѣтилъ, что наговорилъ кучу глупостей. Это потому, что я еще нахожусь подъ впечатлѣніемъ вчерашняго вечера. Я чувствую себя усталымъ и соннымъ, оттого что слишкомъ много танцовалъ мазурку... Твои письма я перевязываю ленточкой, которую мой идеалъ однажды далъ мнѣ. Я радъ, что эти два безжизненные предметы—письма и ленточка — такъ хорошо подходятъ другъ къ другу; очевидно, хотя они и не знаютъ другъ друга, они оба чувствуютъ, что пришли ко мнѣ отъ двухъ самыхъ дорогихъ для меня людей».

Трудно представить себѣ, чтобы это безсвязное, мальчишески-веселое письмо было написано тѣмъ самымъ Шопеномъ, который въ томъ же году писалъ свой концертъ F-moll.

Уже черезъ годъ послѣ своего возвращенія изъ Вѣны, Шопенъ началъ поговаривать объ отъѣздѣ за границу. Онъ чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ въ Варшавѣ, для развитія его таланта ему необходимо было жить въ какомъ нибудь музыкальномъ центрѣ. Родители его тоже понимали это и изъ любви къ сыну соглашались на разлуку съ нимъ. Отъѣздъ его принципіально былъ рѣшенъ, но Шопенъ долгое время не могъ никакъ собраться уѣхать. Съ марта 1830 г. онъ постоянно пишетъ Войцѣховскому, что уѣзжаетъ на слѣдующей недѣлѣ и въ концѣ концовъ остается въ Варшавѣ до 1 ноября 1830 г. Эти длинныя проволочки, кромѣ свойственной Шопену нерѣшительности, объясняются и тѣмъ, что ему дѣйствительно было очень трудно разстаться съ Варшавой. Несмотря на то, что онъ постоянно жаловался на нее и находилъ, что она не выдерживаетъ никакого сравненія съ Берлиномъ и Вѣной, ему все-таки очень хорошо жилось здѣсь въ кругу боготворившей его семьи и многочисленныхъ друзей. Ему страшно было уѣзжать изъ своего теплаго гнѣздышка и поселиться гдѣ нибудь въ далекомъ, чужомъ городѣ. Въ Варшавѣ онъ считался однимъ изъ лучшихъ виртуозовъ, публика очень любила его и въ концертахъ онъ всегда выступалъ съ большимъ успѣхомъ.

Любовь къ Констанціи тоже была одной изъ причинъ, удерживающихъ Шопена въ Варшавѣ. Сначала онъ непремѣнно хотѣлъ дождаться ея дебюта въ операѣ. Дебютъ прошелъ съ большимъ успѣхомъ и Шопенъ восторженно писалъ Войцѣховскому, что со сцены она была прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, что голосъ ея звучалъ восхитительно и игра не оставляла желать ничего лучшаго. Послѣ этого дебюта влюбленность его еще возросла и онъ опять сталъ откладывать свой отъѣздъ, хотя самъ сознавалъ, что медлить ему нечего. Все это приводило его въ самое дурное настроеніе духа. Онъ пишетъ Войцѣховскому: «Я говорю тебѣ, что съ каждымъ днемъ дѣлаюсь все болѣе и болѣе сумасшедшимъ. Я все еще сижу здѣсь и не могу рѣшиться назначить окончательно день отъѣзда. У меня какое-то предчувствіе, что я уѣзжаю изъ Варшавы, чтобы больше не вернуться сюда; я убѣжденъ, что навсегда прощаюсь съ моимъ домомъ. О, какъ грустно должно быть умирать не въ томъ мѣстѣ, гдѣ родился! Какъ мнѣ было-бы тяжело вмѣсто родныхъ, дорогихъ мнѣ лицъ видѣть около себя въ предсмертный часъ равнодушнаго доктора и наемнаго лакея! Еслибы ты зналъ, какъ мнѣ иногда хочется придти къ тебѣ, чтобы успокоить свою удрученную душу! Но такъ какъ это невозможно, то я часто, самъ не знаю зачѣмъ, иду бродить по улицамъ. Но и тамъ тоска моя не утихаетъ и я опять возвращаюсь домой, чтобы снова начать томиться».

Предчувствія не обманули Шопена: онъ дѣйствительно навсегда прощался со своей родиной.

Къ внутренней нерѣшительности Шопена присоединились еще и внѣшнія обстоятельства, затруднявшія его отъѣздъ за границу. Дѣло было въ 1830 г. и вслѣдствіе политическихъ неурядицъ, наступившихъ послѣ Іюльской революціи, поѣздка за границу была сопряжена съ разными препятствіями: получить заграничный паспортъ было не легко.

Наконецъ Шопенъ собирается съ духомъ и дѣйствительно рѣшается уѣхать. Онъ пишетъ Войцѣховскому: «Я твердо и безповоротно рѣшилъ уѣхать въ субботу, черезъ недѣлю; съ нотами въ чемоданѣ, съ нѣкоей ленточкой на груди и печалью въ сердцѣ—

въ такомъ видѣ я сяду въ почтовую карету. Само собой разумѣется, что по городу будутъ течь ручьи слезъ отъ Коперника до Фонтана и отъ банка до колонны Сигизмунда, но я буду холоденъ и безчувственъ, какъ камень».

Передъ отъѣздомъ Шопенъ далъ въ Варшавѣ прощальный концертъ, который былъ настоящимъ тріумфомъ для молодого артиста. Въ немъ принимала участіе и Гладковская и, по мнѣнію Шопена, никогда она не пѣла такъ хорошо, какъ въ тотъ разъ. Необыкновенный успѣхъ концерта нѣсколько смягчилъ для него горечь разлуки съ родиной, семьей и любимой дѣвушкой.

1 ноября 1830 г. онъ уѣхалъ наконецъ изъ Варшавы и, самъ того не зная, уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы никогда больше сюда не возвращаться. Проводы молодого артиста были очень горячіе и сердечные. Эльснеръ и многіе друзья проводили его до ближайшей деревни. Тамъ ихъ ждали ученики консерваторіи, которые пропѣли отъѣзжающему кантату, сочиненную для этого случая Эльснеромъ. За устроеннымъ тутъ же торжественнымъ завтракомъ, Шопену, отъ имени всѣхъ присутствующихъ, поднесли золотой бокалъ, наполненный землей, который онъ долженъ былъ взять съ собой на память объ родинѣ. Эльснеръ сказалъ ему напутственную рѣчь, которую закончилъ слѣдующими словами: «Никогда не забывайте своей родины, никогда не переставайте любить ее, гдѣ бы вы не жили и не странствовали. Помните Польшу, помните своихъ друзей, которые съ гордостью считаютъ васъ своимъ соотечественникомъ, и ждутъ отъ васъ великихъ дѣлъ, и чьи молитвы и пожеланія всюду будутъ сопровождать васъ».

Будущее показало, насколько Шопенъ оправдалъ эти надежды, возлагаемыя на него друзьями и соотечественниками.

ГЛАВА III.

Жизнь Шопена въ Вѣнѣ.—Польское возстаніе и впечатлѣніе, произведенное имъ на Шопена.—Переѣздъ въ Парижъ.—Сближеніе съ тамошними музыкантами. — Характеристика Шопена, сдѣланная Листомъ. — Прекращеніе карьеры виртуоза.—Отношеніе къ женщинамъ.

По дорогѣ въ Вильну Шопенъ встрѣтился съ Войцѣховскимъ и они вмѣстѣ продолжали путь. Они проѣхали черезъ Бреславль и на нѣсколько дней остановились въ Дрезденѣ. Дрезденъ имъ очень понравился. У Шопена были рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ жившимъ тамъ полякамъ, и онъ вскорѣ познакомился со всей польской колоніей. Онъ весело описываетъ родителямъ музыкальный вечеръ у одного изъ дрезденскихъ меценатовъ: «Когда я вошелъ въ залу, то мнѣ бросилось въ глаза не сверканіе брилліантовъ, а болѣе скромный блескъ вязальныхъ спицъ, которые съ невѣроятной быстротой двигались въ рукахъ у сидѣвшихъ вокругъ стола дамъ. Количество дамъ и вязальныхъ спицъ было такъ велико, что еслибы эти дамы задумали сдѣлать нападеніе на мущинъ, то послѣднимъ пришлось бы потерпѣть постыдное пораженіе. Имъ не осталось бы другого выхода, какъ пустить въ ходъ свои очки, превративъ ихъ въ оружіе. Очковъ и лысинъ на этомъ вечерѣ тоже было достаточно».

Очень понравилась ему Дрезденская опера и въ особенности знаменитая картинная галерея. Онъ говорилъ, что еслибы жилъ здѣсь, то каждую недѣлю ходилъ-бы въ картинную галерею, «потому что тамъ есть такія удивительныя картины, смотря на которыя кажется, что слышишь музыку».

Шопенъ такъ пріятно проводилъ время въ Дрезденѣ, гдѣ у него вскорѣ образовался довольно обширный кругъ знакомствъ, что пробылъ тамъ дольше, чѣмъ предполагалъ, и пріѣхалъ въ Вѣну только въ концѣ ноября. Здѣсь онъ разсчитывалъ дать нѣсколько

концертовъ и затѣмъ поѣхать мѣсяца на два въ Италію. Но обстоятельства сложились иначе. Успѣхъ его первыхъ двухъ концертовъ нѣсколько вскружилъ ему голову и онъ воображалъ, что Вѣна встрѣтитъ его съ распростертыми объятіями. Но впереди его ждали горькія разочарованія: впечатлѣніе, которое онъ произвелъ въ первый свой пріѣздъ, оказалось не такъ сильно, какъ онъ этого ожидалъ, и съ тѣхъ поръ его успѣли совсѣмъ забыть. Ему предстояло еще создавать себѣ репутацію, а на это онъ былъ совершенно неспособенъ. Шопенъ не былъ созданъ для борьбы; пробиваться впередъ, дѣлать себѣ карьеру, преодолѣвать препятствія—все это было совершенно не въ его натурѣ. Малѣйшая непріятность раздражала его, малѣйшая неудача повергала въ полнѣйшее уныніе.

Первое время послѣ своего пріѣзда онъ былъ очень доволенъ Вѣной: шумная уличная жизнь и особенно хорошенькія вѣнки чрезвычайно ему нравились. Но вскорѣ начались непріятности: прежде всего, издатель его сочиненій, Газлингеръ, которому онъ привезъ еще двѣ вещи, принялъ его очень любезно, но заявилъ, что новыхъ вещей печатать не будетъ. Шопенъ пишетъ по этому поводу своимъ роднымъ: «Газлинеръ, очевидно, думаетъ, что если онъ будетъ такъ пренебрежительно относиться къ моимъ сочиненіямъ, то я буду ему благодаренъ уже за то, что онъ ихъ напечатаетъ, не платя мнѣ за нихъ денегъ. Но я рѣшилъ, что больше ничего не буду дѣлать даромъ. Отнынѣ моимъ девизомъ будетъ: плати, животное»! Но этотъ рѣшительный девизъ не помогъ молодому артисту: «животное» ничего ему не заплатило и не напечатало его сочиненій.

Это была первая неудача, постигшая Шопена въ Вѣнѣ. За ней послѣдовали другія. Многихъ изъ его прежнихъ знакомыхъ не было въ городѣ, другіе были больны и всѣ, такъ по крайней мѣрѣ казалось Шопену, охладѣли къ нему. Музыкальный сезонъ былъ въ самомъ разгарѣ, въ Вѣну наѣхала масса пьянистовъ и Шопенъ мало по малу пришелъ къ убѣжденію, что ему лучше на время отложить мысль о своемъ концертѣ.

Въ это время вспыхнуло польское возстаніе 30-го года. Шопенъ былъ страшно потрясенъ этимъ событіемъ. Войцѣховскій тотчасъ же уѣхалъ въ Польшу. Шопенъ хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и тоже присоединиться къ «повстанцамъ», но потомъ уступилъ просьбамъ родныхъ, умолявшихъ его остаться за границей, доказывая ему, что при его слабомъ здоровьѣ онъ-бы не вынесъ

военной службы. Шопенъ покорился и рѣшилъ остаться, когда же Войцѣховскій уѣхалъ, его такъ потянуло на родину, что онъ взялъ почтовыхъ лошадей и поѣхалъ въ догонку за своимъ другомъ; но не успѣлъ догнать его и долженъ былъ вернуться обратно.

Тяжелое время настало для Шопена. Онъ былъ большой патріотъ и мысль о томъ, что дѣлается теперь въ его родной сторонѣ, не давала ему покою; о концертѣ своемъ онъ не могъ уже хлопотать: не до того ему было. Онъ пишетъ родителямъ: «Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ объ ужасныхъ событіяхъ, происходящихъ на родинѣ, мысли мои исключительно заняты ею и безпокойствомъ за васъ, мои дорогіе. Мальфати тщетно старается доказать мнѣ, что артистъ долженъ быть космополитомъ. Еслибы даже это было и такъ, то какъ артистъ я еще новорожденный ребенокъ, а какъ взрослый человѣкъ—я полякъ и поэтому вы конечно поймете, что я не могу теперь думать объ устройствѣ своего концерта». Черезъ нѣкоторое время онъ пишетъ Войцѣховскому. «Я могъ бы умереть за васъ! О, почему я долженъ оставаться здѣсь, одинокимъ и покинутымъ! Вы тамъ по крайней мѣрѣ можете дѣлиться другъ съ другомъ своими чувствами и находить въ этомъ удовлетвореніе. Воображаю, какъ твоя флейта теперь плачетъ! Но мое фортепьяно имѣетъ еще болѣе причинъ для рыданій!»

Онъ былъ въ совершенной нерѣшительности относительно того, что ему теперь дѣлать. Въ это трудное время свойственный ему недостатокъ энергіи и иниціативы выразился особенно рѣзко. Онъ находился въ самомъ безпомощномъ состояніи и рѣшительно не зналъ, куда ему ѣхать и какъ ему быть: «Долженъ-ли я ѣхать въ Парижъ? Долженъ-ли я вернуться домой? Долженъ-ли я остаться въ Вѣнѣ? Долженъ-ли я убить себя?»—пишетъ онъ Матущинскому, который послѣ Войцѣховскаго былъ его самымъ близкимъ другомъ.

Изъ всѣхъ этихъ представлявшихся ему путей Шопенъ выбралъ самый легкій—остался въ Вѣнѣ. У него вскорѣ завелось очень много знакомыхъ, особенно среди поляковъ; онъ часто бывалъ въ обществѣ, надѣясь тамъ разсѣяться и заглушить гнетущую его тоску по родинѣ. Свѣтская жизнь отнимала у него такъ много времени, что онъ совсѣмъ не успѣвалъ заниматься и за всѣ 8 мѣсяцевъ, проведенные въ Вѣнѣ, не написалъ почти ничего, кромѣ нѣсколькихъ бездѣлушекъ. Но свѣтскія развлеченія не могли заставить его забыть о томъ, что происходитъ на родинѣ. Онъ пишетъ Матущинскому: «Безчисленное множество обѣдовъ, вечеровъ, концертовъ и баловъ, гдѣ я долженъ бывать, только раздражаютъ меня. Мнѣ

ужасно грустно и я чувствую себя такимъ одинокимъ и несчастнымъ! Я не могу жить такъ, какъ мнѣ бы хотѣлось. Я долженъ одѣваться и съ веселымъ видомъ появляться въ салонахъ. Когда же я возвращаюсь къ себѣ, я сажусь за фортепьяно, которое здѣсь въ Вѣнѣ является моимъ лучшимъ другомъ, и открываю ему всѣ свои страданія. У меня нѣтъ никого, съ кѣмъ я могъ-бы быть откровеннымъ, и все-таки я долженъ привѣтствовать всѣхъ какъ друзей.

Любовь его къ Констанціи очень усилилась отъ разлуки. Разстояніе, которое раздѣляло ихъ, дѣлало ее еще болѣе привлекательною въ его глазахъ. Письма его къ Матущинскому, бывшему посредникомъ между ними, полны самой нѣжной заботливости и любви къ ней. Онъ очень безпокоится объ ея здоровьѣ, говоритъ, что ему до боли хочется ее видѣть, что онъ не знаетъ, какъ будетъ жить безъ нея. Всегда нѣсколько склонный къ меланхоліи, Шопенъ теперь, подъ вліяніемъ всѣхъ гнетущихъ его обстоятельствъ, все болѣе и болѣе поддается мрачному настроенію. Слѣдующій отрывокъ изъ его письма къ Матущинскому лучше всего характеризуетъ состояніе его духа: «...Вчера я обѣдалъ у г-жи Бейеръ, которую тоже зовутъ Констанціей. Я люблю бывать у нея уже потому, что она называется этимъ безконечно-дорогимъ для меня именемъ; я всегда бываю счастливъ, когда мнѣ попадается въ руки ея салфетка, или носовой платокъ, на которомъ написано «Констанція». Вчера, т. е. въ сочельникъ, мы со Славикомъ провели у нея весь вечеръ. Когда я ночью ушелъ отъ нея и простился со Славикомъ, я пошелъ совсѣмъ одинъ, тихими шагами, къ церкви Св. Стефана. Въ воздухѣ было такъ тепло, какъ бываетъ весной. Церковь была еще совсѣмъ пуста. Я всталъ въ темный уголъ и весь отдался созерцанію этого величественнаго зданія. Словами передать красоту и величіе этого свода — невозможно. Вокругъ меня царствовала глубочайшая тишина, которая была прервана громко раздававшимися шагами сторожа, пришедшаго зажечь свѣчи. За мной и предо мной были могилы, только надо мной ихъ не было. Въ эти минуты я живѣе чѣмъ когда-либо чувствовалъ свое одиночество и сиротливость».

Читая эти строки, невольно вспоминаешь поэтичные, дышащіе какой-то тихой грустью, ноктюрны и прелюдіи Шопена: вѣроятно они возникали въ его душѣ, когда онъ находился въ такомъ настроеніи, какое высказалось въ вышеприведенномъ отрывкѣ.

Въ концѣ концовъ Шопенъ рѣшился таки дать свой концертъ, но концертъ этотъ былъ очень неудаченъ. Музыкальный сезонъ уже

кончился и многіе уѣхали на лѣто изъ Вѣны. Къ тому же, вслѣдствіе польскаго возстанія, обитатели Вѣны не чувствовали склонности особенно восторгаться молодымъ польскимъ артистомъ. Народу собралось немного и Шопенъ даже не покрылъ издержекъ. Это было ему очень непріятно, потому что деньги, взятыя изъ дому, приходили къ концу и онъ долженъ былъ просить отца выслать ему еще денегъ. Деликатному, самолюбивому до щепетильности Шопену было тяжело сознавать, что въ 22 года онъ все еще живетъ на средства отца, который и безъ того истратилъ такъ много денегъ на его музыкальное образованіе. Но въ то время ему было очень трудно заработать денегъ.

Изъ Вѣны онъ сдѣлалъ экскурсію въ Мюнхенъ и Штутгардъ и тамъ съ большимъ успѣхомъ игралъ въ концертахъ. Въ Штутгардѣ онъ получилъ извѣстіе о печальномъ исходѣ польскаго возстанія и, подъ вліяніемъ тоски за свой народъ, тамъ же написалъ свой знаменитый этюдъ C-moll.

Послѣ неудачнаго концерта ему совсѣмъ уже нечего было больше дѣлать въ Вѣнѣ, но по свойственной ему нерѣшительности, онъ всетаки пробылъ тамъ еще нѣкоторое время. Наконецъ онъ рѣшился уѣхать и досталъ себѣ паспортъ въ Англію, проѣздомъ черезъ Парижъ (A Londres passant par Paris). Впослѣдствіи, когда онъ окончательно поселился въ Парижѣ, онъ часто говорилъ смѣясь: «Я здѣсь только проѣздомъ».

Пріѣхавши въ Парижъ, Шопенъ первое время былъ совершенно опьяненъ кипѣвшей тамъ шумной уличной жизнью. Въ это время обычная шумная жизнь Парижа имѣла еще болѣе напряженный, лихорадочный характеръ: прошелъ только годъ со времени воцаренія Луи-Филиппа и народъ еще не могъ придти въ себя послѣ іюльской революціи; все было неспокойно и малѣйшаго повода было достаточно, чтобы вызвать уличные безпорядки, грозившіе принять серьезные размѣры. Общественные и политическіе вопросы такъ волновали всѣхъ, что даже Шопенъ, обыкновенно столь равнодушный къ политикѣ, былъ нѣсколько увлеченъ общимъ теченіемъ. Онъ пишетъ Войцѣховскому о разныхъ политическихъ новостяхъ и подробно описываетъ ему уличную манифестацію по случаю пріѣзда въ Парижъ польскаго генерала Раморино. Живя въ пятомъ этажѣ на бульварѣ Poissonnière, противъ квартиры генерала Раморино, онъ имѣлъ возможность изъ окна наблюдать за собравшейся толпой и это зрѣлище произвело на него потрясающее впечатлѣніе. Особенно подѣйствовали на него «грубые го-

лоса и крики» столпившагося народа. Шопенъ, со своимъ нерѣшительнымъ, мягкимъ характеромъ, невыносившимъ даже самыхъ пустыхъ неловкостей и шероховатостей въ обращеніи, со своей чуткостью ко всему изящному и утонченному и болѣзненнымъ отвращеніемъ къ рѣзкимъ, яркимъ краскамъ, Шопенъ, съ дѣтства вращавшійся въ аристократическихъ салонахъ, не могъ конечно сочувствовать демократическому движенію. Величіе народныхъ возстаній и поэзія борьбы не увлекали его, а возбуждали въ немъ только ужасъ. Онъ слишкомъ былъ поглощенъ своей внутренней жизнью и по самому складу своей натуры, по своему артистическому темпераменту оставался чуждъ всѣмъ тѣмъ идеямъ, волновавшимъ его современниковъ: онъ былъ слишкомъ большимъ «эстетикомъ», чтобы побѣдить въ себѣ предубѣжденіе противъ неэстетичности проявленія этихъ новыхъ идей. Въ этомъ отношеніи онъ является прямой противоположностью другого великаго артиста, дѣйствовавшаго въ одно время съ нимъ и бывшаго его большимъ другомъ—знаменитаго Франца Листа. Энергичный, мужественный, Листъ былъ большимъ демократомъ и въ молодости даже увлекался с.-симонизмомъ.

Въ литературѣ и въ искусствѣ вообще въ то время тоже кипѣла оживленная борьба. Тридцатые годы во Франціи были эпохой разцвѣта романтизма, когда въ литературѣ дѣйствовали Викторъ Гюго, Жоржъ Зандъ, Дюма, Альфредъ де Мюссе, Готье; въ живописи — Делакруа, Анри Шиффферъ, Орасъ Верне, Деларошъ; въ музыкѣ — Берліозъ. Но и въ искуствѣ, какъ въ политикѣ, Шопенъ стоялъ въ сторонѣ отъ идейнаго движенія. Характерно, что будучи самъ однимъ изъ типичнѣйшихъ представителей романтизма, будучи романтикомъ по натурѣ и романтикомъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, онъ въ тоже время въ теоріи не признавалъ романтизма. Онъ не любилъ Берліоза, находилъ его сочиненія слишкомъ дикими и необузданными и выше всѣхъ композиторовъ ставилъ Моцарта, сочиненія котораго своимъ яснымъ, классическимъ стилемъ являлись прямой противоположностью его собственнымъ сочиненіямъ. Разговаривая однажды со своимъ ученикомъ Гутманомъ о Берліозѣ, Шопенъ сдѣлалъ перомъ нѣсколько чернильныхъ пятенъ на бумагѣ, потомъ сложилъ ее пополамъ и сказалъ: «вотъ такимъ образомъ Берліозъ пишетъ свои произведенія. Онъ брызгаетъ чернила на нотную бумагу и въ результатѣ получаются случайныя соединенія нотъ».

Рекомендательныхъ писемъ въ Парижъ у Шопена было немного,

и то большая часть изъ нихъ относилась къ музыкальнымъ издателямъ, но тѣмъ не менѣе онъ вскорѣ познакомился со всѣми наиболѣе выдающимися представителями парижскаго музыкальнаго міра. Онъ часто бывалъ у Керубини, у котораго собирались многія музыкальныя звѣзды какъ напримѣръ, Листъ, Мошелесъ, Оберъ, Россини, Мейерберъ, Мендельсонъ, Гиллеръ и др. Шопенъ вскорѣ освоился съ этимъ кругомъ и сдѣлался тамъ своимъ человѣкомъ.

Самымъ замѣчательнымъ пьянистомъ того времени былъ Калькбреннеръ. Теперь онъ уже почти забытъ, но тогда одно имя его наполняло благоговѣніемъ сердца молодыхъ музыкантовъ. Нѣсколько освоившись въ Парижѣ, Шопенъ отправился къ нему, намѣреваясь просить его взять его на время къ себѣ въ ученики. Но этотъ планъ неудался, потому что Калькбреннеръ брался быть его учителемъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ обязался учиться у него 3 года, на что Шопенъ не согласился, полагая, что три года ученія будетъ для него слишкомъ много. Но съ Калькбреннеромъ у нихъ сохранились хорошія отношенія и послѣдній вскорѣ самъ призналъ, что Шопенъ не нуждался въ его трехъ-годичномъ курсѣ. Калькбреннеру Шопенъ посвятилъ свой второй концертъ. Вотъ что пишетъ Шопенъ своему учителю Эльснеру по поводу этого инцидента съ Калькбреннеромъ: «Трехъ лѣтъ ученія для меня слишкомъ много. Я конечно сталъ-бы учиться и болѣе трехъ лѣтъ, еслибы думалъ, что этимъ достигну той цѣли, которая у меня постоянно въ виду. Но для меня ясно, что я никогда не могу сдѣлаться копіей Калькбреннера: ему не удастся сломить мое можетъ быть и дерзкое, но высокое и твердое рѣшеніе—открыть новую эру въ музыкѣ. Если я теперь продолжаю работать надъ своей фортепьянной игрой, то только для того, чтобы быть въ состояніи потомъ стоять на своихъ ногахъ. Когда Рисъ былъ уже извѣстенъ какъ пьянистъ, ему не трудно было пожинать лавры своей оперой «Невѣста разбойника». И какъ долго Шоръ былъ уже извѣстенъ какъ скрипачъ, прежде чѣмъ онъ написалъ Фауста и другія свои знаменитыя вещи. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ своемъ благословеніи, узнавши, на какомъ основаніи и съ какими намѣреніями я отказался отъ уроковъ Калькбреннера» Это письмо очень любопытно: въ немъ Шопенъ является не мечтательнымъ, поэтичнымъ юношей, а человѣкомъ, поставившимъ себѣ извѣстныя задачи и рѣшившимся осуществить ихъ. Но во всѣхъ, сохранившихся для потомства, письмахъ это единственное такое

мѣсто. Потомъ онъ, повидимому, не заботился больше о томъ, чтобы открывать новую эру въ музыкѣ.

Первый концертъ его въ Парижѣ прошелъ съ большимъ успѣхомъ, но сборъ съ него былъ не великъ и не могъ поправить разстроившихся финансовъ Шопена. Послѣднее обстоятельство ужасно его заботило. Въ Парижѣ въ то время артисту трудно было пробиться, потому что всѣ были слишкомъ поглощены политикой, чтобы интересоваться музыкой. Шопенъ, не разсчитывая на успѣхъ въ Парижѣ, началъ было помышлять о переселеніи въ Америку, но родители очень отсовѣтывали ему это и звали его вернуться въ Варшаву. Шопенъ совсѣмъ рѣшился уѣхать домой и сдѣлалъ всѣ нужныя приготовленія къ путешествію, но въ тотъ самый день, который онъ назначилъ для своего отъѣзда изъ Парижа, онъ случайно встрѣтился съ княземъ Радзивилломъ. Тотъ уговорилъ его остаться еще на нѣкоторое время и вечеромъ повелъ его къ Ротшильду. Въ этотъ вечеръ судьба Шопена была рѣшена: своей игрой онъ привелъ въ такой восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ, что тутъ-же получилъ нѣсколько предложеній уроковъ музыки. Матерьяльное положеніе его было такимъ образомъ обезпечено и онъ навсегда утвердился въ Парижѣ.

Въ 1832 г. Шопенъ былъ уже однимъ изъ самыхъ популярныхъ парижскихъ пьянистовъ. Онъ вскорѣ сдѣлался избраннымъ учителемъ фортепьянной игры среди аристократіи и былъ очень доволенъ этимъ положеніемъ. Онъ пишетъ Дзевановскому: «Я вращаюсь въ самомъ высшемъ обществѣ—среди посланниковъ, князей и министровъ. Какимъ образомъ я къ нимъ попалъ—я и самъ не знаю: это случилось какъ-то само собой. Но для меня это теперь положительно необходимо, потому что какъ-бы то ни было, а настоящій хорошій вкусъ исходитъ оттуда. Вы сразу начинаете пользоваться репутаціей талантливаго пьяниста, если васъ слышали у англійскаго или австрійскаго посланника... Сегодня я долженъ дать пять уроковъ. Ты вѣроятно думаешь—я вскорѣ сдѣлаюсь богачемъ, но увы! кабріолетъ и бѣлыя перчатки съѣдаютъ почти всѣ мои заработки, а безъ этихъ вещей нельзя поддерживать «bon ton». Въ этомъ письмѣ Шопенъ старается дать понять, что онъ посѣщаетъ салоны высшаго свѣта ради своей артистической карьеры, но едва-ли это было такъ. Конечно онъ сознавалъ, что великосвѣтскіе знакомые могутъ быть ему полезны и въ этомъ смыслѣ, но главная причина того, что онъ постоянно вращался среди аристократіи, заключалась просто въ его личномъ тяготѣніи къ ней, которое обусловливалось всей его натурой и воспитаніемъ. Въ этомъ была конечно и нѣкоторая доля тщеславія, недостойнаго такого великаго артиста, какимъ былъ Шопенъ. Въ вышеприведенномъ письмѣ характерно также его сообщеніе о бѣлыхъ перчаткахъ, поглощающихъ большую часть его доходовъ. Шопенъ, этотъ «уроженецъ волшебнаго міра поэзіи», какъ называетъ его Гейне, былъ въ тоже время большимъ франтомъ. Въ письмахъ къ своему парижскому другу, Юлію Фонтану, онъ даетъ ему разныя порученія къ своему портному и съ необычайной обстоятельностью распространяется насчетъ цвѣта брюкъ и выбора матеріи для жилетки. Онъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы все было сдѣлано по самой послѣдней модѣ.

Изъ своихъ собратьевъ-музыкантовъ Шопенъ довольно близко сошелся съ Листомъ, тогда еще молодымъ, начинающимъ артистомъ, и съ Гиллеромъ, талантливымъ человѣкомъ, принадлежащимъ, впрочемъ, къ числу звѣздъ второго разряда. Они втроемъ часто бывали въ обществѣ и особенно любили посѣщать семью одного изъ соотечественниковъ Шопена—графа Платера. Разсказываютъ, что старая графиня Платеръ сказала однажды Шопену: «Если бы я была молода и красива, мой маленькій Шопенъ, я сдѣлала бы тебя моимъ мужемъ, Гиллера — другомъ, а Листа — любовникомъ».

Если эти слова дѣйствительно были сказаны, то они доказываютъ проницательность старой графини. Шопенъ былъ именно изъ тѣхъ людей, которые легко могутъ сдѣлаться обманутыми мужьями и впослѣдствіи ему пришлось испытать всѣ удовольствія подобнаго положенія, не будучи при этомъ законнымъ супругомъ любимой женщины.

Въ книгѣ Листа о Шопенѣ есть блестящая характеристика послѣдняго, которая воспроизводитъ передъ нами личность Шопена, какимъ онъ былъ въ то время, какъ его зналъ Листъ. Шопенъ очевидно очень измѣнился за тѣ нѣсколько лѣтъ, которые прошли со времени его окончанія варшавскаго лицея до знакомства съ Листомъ.

Прежній восторженный юноша превратился въ сдержаннаго, непроницаемаго человѣка, державшагося всегда на извѣстномъ разстояніи отъ всѣхъ окружающихъ. Листъ говоритъ, что «онъ не вмѣшивался ни въ какія дѣла, ни въ какія драмы, ни въ завязки, ни въ развязки. Онъ не властвовалъ ни надъ чьимъ сердцемъ и ни въ чьей судьбѣ не игралъ рѣшающей роли. Онъ ничего не искалъ и не унижался до просьбы... Готовый все отдать, онъ

никогда не отдавалъ своей души». Про свои личныя дѣла, про свои любовныя увлеченія и дружбу Шопенъ никогда ничего не говорилъ, такъ что многіе сомнѣвались даже, существовали-ли для него эти чувства. Въ разговорахъ онъ всегда занимался исключительно тѣмъ, что касалось его собесѣдниковъ и никогда не говорилъ о себѣ.

Въ обществѣ Шопенъ отличался ровнымъ, спокойнымъ настроеніемъ духа: казалось, артистъ былъ доволенъ всѣмъ, происходившимъ вокругъ него, и не разсчитывалъ встрѣтить что либо интересное. Обыкновенно онъ бывалъ даже веселъ и остроуменъ. Его чарующая грація и веселость всегда вносили оживленіе всюду, гдѣ онъ ни появлялся. Шопенъ прекрасно умѣлъ передразнивать, причемъ лицо его измѣнялось до неузнаваемости и дѣлалось похожимъ на того, кого онъ хотѣлъ представить. Но и при изображеніи комическихъ безобразныхъ фигуръ, артистъ не утрачивалъ своей обычной изящной красоты: «даже гримасѣ не удавалось его обезобразить»,—говоритъ Листъ.

Все это, вмѣстѣ съ громаднымъ талантомъ, дѣлало его центромъ общества и онъ всегда былъ окруженъ всеобщимъ поклоненіемъ. Его цѣнили не только какъ артиста, но и какъ обаятельнаго человѣка и пріятнаго собесѣдника.

Въ принципіальныхъ разговорахъ, касавшихся политики, философіи или искуства, Шопенъ тоже мало принималъ участія. Замѣчательно, что, проживши большую часть своей жизни въ Парижѣ и вращаясь среди артистическаго міра, Шопенъ до конца дней своихъ оставался вѣрующимъ католикомъ. Онъ никогда не говорилъ о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, но сдѣлавшись боленъ, позвалъ къ себѣ духовника, исповѣдался и причастился и каждый день подолгу бесѣдовалъ съ нимъ.

О своемъ патріотизмѣ Шопенъ говорилъ также мало, какъ и вообще о своей внутренней жизни. Тѣмъ не менѣе его любовь къ родинѣ сказывалась во всемъ: въ его отношеніяхъ къ своимъ соотечественникамъ, въ томъ постоянномъ предпочтеніи, которое онъ отдавалъ полякамъ передъ другими учениками, наконецъ, главнымъ образомъ, въ національномъ характерѣ многихъ его произведеній. Но при всей своей любви къ Польшѣ, Шопенъ былъ чуждъ всякой національной ненависти и жажды мести. Онъ по натурѣ былъ совершенно не способенъ къ такимъ чувствамъ и поэтому ограничивался тѣмъ, что оплакивалъ судьбу своего народа, не вдаваясь въ дипломатическіе и воинственные планы о возстановленіи Польши.

Листъ разсказываетъ, что часто, во время горячихъ споровъ о польскомъ вопросѣ, Шопенъ нервно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, прислушивался къ ожесточеннымъ и восторженнымъ рѣчамъ своихъ друзей и самъ не говорилъ ни единаго слова. Иногда, при какомъ нибудь особенно рѣзкомъ сужденіи, лицо его принимало такое выраженіе, какъ будто онъ физически страдалъ отъ слышаннаго, какъ отъ музыкальнаго диссонанса. Иногда же онъ дѣлался грустнымъ и задумчивымъ. «Въ такія минуты,—говоритъ Листъ,—Шопенъ напоминалъ путника, стоящаго на палубѣ корабля, носимаго бурей по волнамъ: онъ смотритъ на небо, на звѣзды, думаетъ о своей далекой родинѣ, слѣдитъ за работой матросовъ, считаетъ ихъ ошибки и молчитъ, не чувствуя въ себѣ достаточно силы, чтобы самому принять участіе въ спасеніи корабля».

Шопенъ рѣдко принималъ участіе въ этихъ дебатахъ и, если вмѣшивался въ нихъ, то указывалъ на ошибки въ чужихъ мнѣніяхъ, но своего собственнаго не высказывалъ. Вообще онъ не любилъ спорить: убѣждать, доказывать, проповѣдывать какія-нибудь идеи—все это было совершенно не по немъ. Онъ былъ слишкомъ погруженъ въ свою личную жизнь и слишкомъ мало интересовался всѣмъ, что происходило вокругъ него, чтобы давать себѣ трудъ спорить о чемъ-бы то ни было. Единственное, что заставляло его выдти изъ своего обычнаго, созерцательно-равнодушнаго состоянія — это искуство. Оно было для него предметомъ какого-то почти религіознаго поклоненія. Онъ гордился своимъ призваніемъ и ставилъ его выше всего въ жизни.

Мы уже говорили, что Шопенъ всегда съ особенной симпатіей относился къ своимъ соотечественникамъ. Всякій, кто пріѣзжалъ изъ Польши, могъ разсчитывать на самый любезный пріемъ у него. Ему не нужно было никакихъ рекомендательныхъ писемъ: одного того, что они пріѣхали изъ Польши, было достаточно, чтобы онъ дѣлалъ для нихъ то, чего не дѣлалъ ни для кого изъ своихъ парижскихъ знакомыхъ: артистъ позволялъ имъ разстраивать свои привычки. Онъ не уставалъ водить ихъ по Парижу, показывать то, что самъ уже двадцать разъ видѣлъ, угощалъ ихъ обѣдами и ужинами, не давалъ имъ нигдѣ платить за себя, даже давалъ взаймы денегъ. Онъ очень любилъ бывать въ польскомъ обществѣ и говорить на своемъ родномъ языкѣ.

Какъ всѣ люди съ сильно развитымъ эстетическимъ чувствомъ, Шопенъ очень любилъ красивую обстановку. Квартира его всегда была устроена съ большимъ вкусомъ и изяществомъ, хотя въ ней

не было той бьющей въ глаза роскоши, какой отличаются многія квартиры «знаменитостей» изъ музыкальнаго міра. Онъ имѣлъ особенную слабость къ цвѣтамъ и комнаты его обыкновенно бывали заставлены цвѣтами.

Какъ композиторъ, Шопенъ началъ пріобрѣтать извѣстность только въ 1833 г., когда появились въ печати нѣсколько его ноктюрновъ, тріо для фортепіано, віолончели и скрипки, концертъ E-moll, посвященный Калькбреннеру и др. Кромѣ этого тріо и сонаты для фортепіано и віолончели, Шопенъ ничего не писалъ для musique d'ensemble и ограничивался однимъ фортепіано. Старый учитель его, Эльснеръ, очень совѣтовалъ своему бывшему ученику написать оперу. Шопенъ одно время дѣйствительно задался этимъ намѣреніемъ и даже началъ подумывать о какомъ-нибудь національномъ сюжетѣ, но вскорѣ оставилъ всякую мысль объ оперѣ. Онъ сознавалъ, что эта задача ему не по силамъ: при всемъ своемъ громадномъ талантѣ, Шопенъ былъ слишкомъ субъективенъ, слишкомъ поглощенъ своимъ внутреннимъ міромъ, чтобы перенестись въ чужую душу и воплотить въ музыкѣ развитіе какого-нибудь драматическаго положенія. Характеръ его таланта былъ по преимуществу лирическій.

Первое время своей жизни въ Парижѣ Шопенъ много разъ игралъ въ концертахъ, но съ 1835 г. онъ совсѣмъ отказался отъ карьеры виртуоза и всецѣло отдался своимъ композиціямъ и урокамъ.

Мы уже говорили, что Шопенъ не былъ созданъ для трудной, хлопотливой карьеры виртуоза. Онъ не могъ быть самимъ собой въ большихъ концертныхъ залахъ, переполненныхъ публикой. Онъ самъ говорилъ Листу: «Я не способенъ давать концерты; толпа смущаетъ меня, я задыхаюсь отъ ея дыханія и чувствую себя парализованнымъ отъ ея любопытныхъ взглядовъ. Эта масса чужихъ лицъ дѣлаетъ меня нѣмымъ». Именно потому, что Шопенъ чувствовалъ себя такимъ чуждымъ всей этой толпѣ, онъ никогда не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, воодушевить ее и не имѣлъ такого успѣха, какъ напр. Листъ. Шумные тріумфы Листа были вѣроятно тоже одной изъ причинъ, побудившихъ Шопена отказаться отъ концертовъ.

Помимо нравственной брезгливости къ разнымъ дрязгамъ и мелкимъ интригамъ, неизбѣжно связаннымъ съ артистической дѣятельностью, помимо недостатка энергіи и предпріимчивости, который мѣшалъ ему объѣздить всю Европу, чтобы сдѣлать извѣстнымъ свое имя, помимо того смущенія и робости, какія онъ всегда испытывалъ въ публикѣ, самолюбіе его очень страдало отъ

предпочтенія, оказываемаго другимъ, потому что, несмотря на всѣ только что перечисленныя обстоятельства, Шопенъ всетаки не могъ не мечтать о славѣ виртуоза и жалѣлъ, что она не давалась ему.

Любовь къ женщинѣ играла большую роль въ жизни Шопена. При своемъ равнодушіи къ политикѣ и къ теоретическимъ разговорамъ, онъ всегда предпочиталъ женское общество мужскому. Съ женщинами у него было больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ съ мужчинами: неясные, мечтательно-нѣжные порывы, поэзія любви и страданія, мучительные сны и чудныя грезы, овладѣвавшія его душой и выливавшіяся въ его игрѣ и сочиненіяхъ, всегда находили откликъ въ женщинахъ. Шопенъ имѣлъ большой успѣхъ у женщинъ и самъ онъ очень увлекался ими. Романъ его съ Констанціей прекратился вскорѣ послѣ его переѣзда въ Парижъ, гдѣ онъ получилъ извѣстіе объ ея замужествѣ. Какъ отнесся Шопенъ къ этой новости—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ онъ скоро утѣшился отъ жестокой измѣны своего «идеала», о которомъ когда-то говорилъ, что позволитъ вырвать у себя по одному всѣ волосы съ головы, если когда-нибудь ее разлюбитъ. Но продолжительная разлука и новыя впечатлѣнія заслонили отъ него образъ «идеала» и замѣнили его новыми предметами увлеченій. Шопенъ почти постоянно былъ влюбленъ въ кого нибудь: это было ему необходимо для творчества. Конечно эти увлеченія бывали неглубоки. Жоржъ Зандъ говоритъ, что онъ втеченіе вечера сразу могъ быть страстно влюбленнымъ въ трехъ-четырехъ женщинъ и совершенно забывать объ нихъ, какъ только возвращался къ себѣ. Но увлеченія его не шли дальше платонической влюбленности: несмотря на свою власть надъ женскими сердцами, онъ не заводилъ свѣтскихъ интрижекъ и влюблялся преимущественно въ молодыхъ дѣвушекъ. Листъ разсказываетъ, что онъ очень любилъ болтать съ ними, смѣшилъ ихъ разными забавными исторіями и даже игралъ съ ними въ жмурки.

Въ отношеніяхъ къ женщинамъ, какъ и въ отношеніи къ людямъ вообще, симпатіи Шопена коренились въ самыхъ неуловимыхъ, тонкихъ оттѣнкахъ, и одного неловкаго слова или равнодушнаго взгляда было совершенно достаточно, чтобы разрушить все очарованіе. Жоржъ Зандъ разсказываетъ, что однажды онъ былъ довольно серьезно влюбленъ во внучку одного знаменитаго музыканта и даже думалъ жениться на ней. Молодая дѣвушка тоже была къ нему благосклонна и все шло прекрасно, до тѣхъ поръ, когда Шопенъ разъ пришелъ къ ней вмѣстѣ съ однимъ изъ

своихъ товарищей и она предложила тому сѣсть раньше, чѣмъ Шопену. Шопенъ никогда больше не навѣщалъ ее и съ того момента совершенно вычеркнулъ ее изъ своего сердца.

Изъ безчисленныхъ романическихъ увлеченій Шопена до его романа съ Жоржъ Зандъ сохранилась исторія его любви къ одной молодой полькѣ, Маріи Водзинской. Она была сестрой одного изъ товарищей Шопена по лицею и они съ дѣтства знали другъ друга. Они случайно встрѣтились въ Парижѣ, гдѣ Водзинскіе прожили одну зиму. Маленькая Марія превратилась въ красивую, привлекательную дѣвушку и вскорѣ ея прежній товарищъ дѣтства влюбился въ нее. Шопенъ бывалъ у нихъ каждый день и они проводили цѣлые вечера за фортепіано. Марія очень любила музыку и сама была немного музыкантшей. Потомъ Водзинскіе уѣхали изъ Парижа. Въ день ихъ отъѣзда, передъ прощаніемъ, Шопенъ сѣлъ за фортепіано и результатомъ его импровизаціи явился вальсъ, посвященный Маріи, который она потомъ назвала «L'Adieu». Слѣдующее лѣто они снова встрѣтились въ Маріенбадѣ и опять начались совмѣстные прогулки, разговоры и музыка. Наконецъ Шопенъ рѣшился сдѣлать предложеніе, но оно было отвергнуто, потому что родители Маріи не хотѣли согласиться на бракъ своей дочери съ артистомъ, а она, хотя повидимому и любила Шопена, не рѣшалась идти противъ ихъ воли. Спустя нѣкоторое время послѣ неудачнаго сватовства Шопена, она вышла замужъ за одного польскаго аристократа.

Такимъ образомъ окончилась единственная, извѣстная потомству, попытка Шопена наложить на себя брачныя узы. Но вѣроятно и любовь его къ Маріи не имѣла особенно-серьезнаго характера, потому что вскорѣ послѣ ея замужества—новая страсть уже овладѣла его душой, настоящая, глубокая, непреодолимая любовь, наполнившая всю его жизнь и потомъ окончательно надломившая его силы. Это была его любовь къ Жоржъ Зандъ.

ГЛАВА IV.

Шопенъ и Ж. Зандъ.—Характеристика ихъ отношеній.—Первое знакомство.—Зима на Майоркѣ.

Это было въ 1837 г. Шопенъ весь день чувствовалъ себя тоскливо. Унылая погода дѣйствовала на его настроеніе, никакія новыя мелодіи не приходили ему въ голову. Вечеромъ, чтобы развлечься, онъ отправился на вечеръ къ графинѣ С. и въ то время, какъ онъ подымался по лѣстницѣ, ему показалось, что мимо него промелькнула какая-то тѣнь, отъ которой на него повѣяло ароматомъ фіалокъ. Шопенъ былъ очень суевѣренъ и эта встрѣча такъ на него подѣйствовала, что онъ уже готовъ былъ вернуться домой, считая это дурнымъ предзнаменованіемъ. Но потомъ ему самому стало смѣшно надъ своимъ ребячествомъ и онъ, не взирая на предчувствіе, поднялся въ гостиную. Тамъ происходило одно изъ тѣхъ оживленныхъ, нарядныхъ свѣтскихъ собраній, которыя Шопенъ такъ любилъ, но въ тотъ день онъ не былъ расположенъ принимать участіе въ общемъ разговорѣ и молча сидѣлъ въ сторонѣ. Позднѣе, когда большая часть гостей уже разошлась, сумрачный артистъ сѣлъ за рояль и началъ импровизировать. Во время импровизаціи онъ вдругъ почувствовалъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ и, поднявъ голову, увидѣлъ высокую женщину въ темномъ платьѣ, которая стояла противъ него, облокотясь на рояль и восторженно смотрѣла на него своими большими, темными глазами. Кончивъ импровизацію, Шопенъ ушелъ въ сосѣднюю комнату и вскорѣ опять почувствовалъ около себя запахъ фіалокъ и увидѣлъ ту самую даму, глаза которой такъ смутили его во время игры, подходившую къ нему вмѣстѣ съ Листомъ. Листъ представилъ его и она тотчасъ же начала выражать ему свое восхищеніе его игрой.

Такъ описываетъ первую встрѣчу Шопена съ Жоржъ Зандъ

его польскій біографъ, Коразовскій. Другой біографъ Шопена, Никсъ, не придаетъ особеннаго довѣрія этому разсказу, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно и подтверждается всѣми очевидцами то, что они познакомились черезъ Листа и что это знакомство произошло въ 1837 г. Число это любопытно потому, что суевѣрный Шопенъ питалъ какой-то болѣзненный ужасъ передъ цифрой 7: онъ никогда не бралъ квартиры въ домѣ съ номеромъ, въ который входила эта цифра, избѣгалъ быть седьмымъ въ обществѣ, ничего не предпринималъ 7-го числа, и т. д. И по странной случайности въ его жизни эта цифра дѣйствительно оказалась роковой: онъ познакомился съ Жоржъ Зандъ въ 1837 г. и разошелся съ ней въ 1847 г.

Первое впечатлѣніе, произведенное Жоржъ Зандъ на Шопена, было самое неблагопріятное. Онъ находилъ ее некрасивой и непривлекательной. Ея рѣзкія черты лица и нѣсколько массивная фигура не соотвѣтствовали его идеалу женской красоты. Гиллеръ разсказываетъ, что когда они однажды возвращались вмѣстѣ съ Шопеномъ съ музыкальнаго вечера у Листа, на которомъ присутствовала и Жоржъ Зандъ, Шопенъ сказалъ ему: «Какая антипатичная женщина эта Зандъ! Да и женщина-ли она? Я право иногда склоненъ въ этомъ усумниться».

Но эти сомнѣнія очевидно продолжались недолго. Жоржъ Зандъ, когда хотѣла, умѣла быть просто неотразимой. Шопенъ съ перваго же разу чрезвычайно заинтересовалъ ее и она всячески старалась привлечь его къ себѣ. Она жила въ то время съ графиней д'Агу, которая незадолго передъ этимъ оставила своего мужа и поселилась одна въ Парижѣ. Графиня д'Агу писала довольно много подъ псевдонимомъ Даніель Стернъ, но главный интересъ ея личности заключается не въ ея литературной дѣятельности, а въ томъ, что у нея былъ довольно продолжительный романъ съ Листомъ. Черезъ нее Жоржъ Зандъ познакомилась съ Листомъ и другими музыкантами. Лѣтомъ 1837 г. они вмѣстѣ поѣхали въ Ноганъ, имѣніе Жоржъ Зандъ въ Берри, и Жоржъ Зандъ очень хотѣлось залучить туда Шопена. Она постоянно упоминаетъ объ этомъ въ своихъ письмахъ къ Листу. Такъ она пишетъ ему въ концѣ марта 1837 г.:

...«Мари (графиня д'Агу) говорила мнѣ, что есть нѣкоторая надежда на Шопена. Скажите ему, что я очень прошу его сопровождать васъ, что Мари не можетъ жить безъ него и что я его обожаю».

Трудно было устоять противъ такихъ любезныхъ приглашеній

и Шопенъ вмѣстѣ съ Листомъ поѣхалъ на время въ Ноганъ. Тамъ онъ имѣлъ случай ближе познакомиться съ Жоржъ Зандъ и скоро его прежняя антипатія смѣнилась любовью.

Трудно представить себѣ двухъ болѣе не похожихъ другъ на друга людей, чѣмъ Шопенъ и Жоржъ Зандъ. Какъ справедливо говоритъ Никсъ, въ исторіи ихъ любви Шопенъ былъ женщиной, нервной, причудливой, слабой и очаровательной женщиной, а Жоржъ Зандъ—сильнымъ, энергичнымъ мужчиной. Они во всемъ были противоположны. Жоржъ Зандъ была по преимуществу дѣятельной, активной натурой: она любила жизнь и движеніе, любила шумъ и суету человѣческой толпы; во время своего «литературнаго студенчества» она, переодѣвшись въ мужской костюмъ, ходила въ рабочіе кварталы, въ клубы, въ собранія и старалась ознакомиться съ людьми самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Она была большимъ психологомъ и умѣла заглядывать въ душу людей. Шопена же люди совершенно не интересовали: онъ жилъ въ фантастическомъ мірѣ поэзіи и музыки и не любилъ спускаться въ дѣйствительную жизнь. Онъ признавалъ только людей, способныхъ понимать искуство и, главное, людей благовоспитанныхъ. Всякое отступленіе отъ условныхъ формъ приличія приводило его въ ужасъ. И по странной ироніи судьбы, именно этотъ до щепетильности благовоспитанный человѣкъ, проникнутый уваженіемъ ко всему «принятому», долженъ былъ влюбиться въ женщину, которая бросила мужа, переодѣвалась мужчиной, курила папиросы, проповѣдывала въ романахъ и осуществляла въ жизни идеи свободной любви—словомъ, дѣлала то, что считалось совершенно непозволительнымъ для такъ-называемыхъ порядочныхъ женщинъ. Но относительно ея Шопенъ измѣнилъ самому себѣ, закрывалъ глаза на все, что внушило бы ему ужасъ въ комъ нибудь другомъ, и любилъ ее съ какой-то болѣзненной силой. Можетъ быть именно это крайнее несходство ихъ характеровъ и было одной изъ причинъ ихъ любви: ея сильная, жизненная натура импонировала ему; онъ искалъ у нея помощи и поддержки въ періоды унынія, часто овладѣвавшаго его душой, и она всегда умѣла ободрить и успокоить его. Хотя между ними было 5 лѣтъ разницы, но она чувствовала себя безконечно старше и зрѣлѣе Шопена, въ которомъ до конца его жизни всегда оставалось что-то наивное, дѣтское. Ей нравилось, что этотъ великій артистъ былъ такимъ ребенкомъ передъ ней, такъ всецѣло ей подчинялся.

Зиму 1838 г. Жоржъ Зандъ намѣревалась провести на островѣ Майоркѣ ради здоровья своего сына. Шопенъ рѣшилъ поѣхать съ ними, тѣмъ болѣе, что здоровье его было тоже очень нехорошо и доктора совѣтывали ему на время уѣхать изъ Парижа и пожить на югѣ. Онъ никому не говорилъ о своихъ планахъ и уѣхалъ неожиданно для всѣхъ: только трое изъ его наиболѣе близкихъ друзей знали объ его путешествіи.

Вначалѣ Шопенъ былъ въ полномъ восторгѣ отъ Майорки. Онъ пишетъ своему другу Фонтану: «Я нахожусь теперь въ Пальмѣ (названіе города на Майоркѣ), среди пальмъ, померанцевъ, кактусовъ, алоэ и оливъ, апельсинныхъ, лимонныхъ, фиговыхъ и гранатныхъ деревьевъ, какія произрастаютъ въ парижскомъ ботаническомъ саду, только благодаря его печамъ. Небо тутъ бирюзовое, море лазурное, а горы изумрудныя. Воздухъ? Воздухъ здѣсь совсѣмъ какъ въ раю. Днемъ свѣтитъ солнце, слѣдовательно тепло и всѣ ходятъ въ лѣтнихъ платьяхъ. Ночью вездѣ и всюду раздаются звуки пѣсенъ и гитары. Громадные балконы, перевитыя виноградными лозами, мавританскія колонны... Городъ обращенъ къ Африкѣ... Словомъ, восхитительная жизнь!.. Я вѣроятно поселюсь въ чудномъ монастырѣ въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ земного шара: море, горы, пальмы, кладбище, старинная церковь рыцарей креста, развалины монастырскихъ келій, старыя тысячелѣтнія оливковыя деревья! О, мой дорогой другъ, я теперь немного болѣе наслаждаюсь жизнью: я окруженъ тѣмъ, что прекраснѣе всего на землѣ и чувствую себя лучшимъ человѣкомъ».

Они поселились въ старинномъ, полуразвалившемся зданіи картезіанскаго монастыря Вальдемоза, въ которомъ раньше укрывался одинъ политическій преступникъ съ женой, бѣжавшій отъ преслѣдованій испанскаго правительства. Своеобразная красота этого уголка очень поразила Шопена и Жоржъ Зандъ, когда они осматривали монастырь и, узнавъ, что обитатели его собираются покинуть его въ самомъ непродолжительномъ времени, они купили у нихъ всю ихъ обстановку и рѣшили, послѣ ихъ отъѣзда, поселиться въ Вальдемозѣ. Для нихъ это было тѣмъ болѣе удобно, что Шопенъ, вскорѣ по пріѣздѣ на Майорку, расхворался и началъ кашлять кровью. Въ Испаніи всякая болѣзнь считается заразительной и хозяинъ ихъ гостиницы въ Пальмѣ началъ требовать, чтобы они тотчасъ же съѣхали съ квартиры. Такимъ образомъ Вальдемоза, кромѣ красоты мѣстоположенія, имѣлъ для нихъ и то преимущество, что освобождалъ ихъ отъ необходимыхъ сношеній съ мѣстными жителями, которые, при всей своей поэтической первобытности, имѣли и много темныхъ сторонъ.

Монастырь Вальдемоза, послужившій убѣжищемъ для Ж. Зандъ и Шопена, состоялъ изъ нѣсколькихъ каменныхъ строеній, расположенныхъ вокругъ стараго монастырскаго кладбища. Самое древнее изъ этихъ зданій было построено еще въ XV столѣтіи. Вотъ какъ Жоржъ Зандъ описываетъ въ своей книгѣ «Un hiverà Majorke» монастырскія развалины, среди которыхъ они поселились: «Я никогда не слышала завываній вѣтра, такъ похожихъ на мучительные стоны и отчаянные вопли, какъ въ этихъ пустынныхъ, мрачныхъ проходахъ! Шумъ потоковъ, быстрое движеніе облаковъ, величественный, монотонный гулъ моря, прерываемый завываніями бури и жалобными криками морскихъ птицъ, производили потрясающее впечатлѣніе подъ этими сводами. Иногда густые туманы проникали въ монастырскія келіи сквозь развалившіяся аркады и совершенно застилали всю внутренность зданія, такъ что мы не могли видѣть другъ друга и маленькій фонарь, который освѣщалъ намъ путь, казался какимъ то привидѣніемъ, блуждающимъ по развалинамъ».

Наши отшельники поселились въ болѣе новой части монастыря и занимали три просторныхъ, свѣтлыхъ комнаты, отдѣленныхъ отъ прочихъ строеній темнымъ проходомъ, заканчивающимся крѣпкой дубовой дверью. Эти комнаты прежде служили помѣщеніемъ для настоятеля монастыря. Онѣ выходили окнами въ цвѣтникъ, обсаженный апельсинными, лимонными и гранатовыми деревьями. Цвѣтникъ сообщался съ громаднымъ, запущеннымъ монастырскимъ садомъ и виноградниками. Вдали синѣло море.

Въ монастырѣ почти не было никакой мебели, кромѣ старинныхъ стульевъ и разныхъ приспособленій для молитвы, но съ помощью привезенныхъ съ собою и купленныхъ у испанскихъ эмигрантовъ вещей, Жоржъ Зандъ сумѣла придать комнатамъ уютный, жилой видъ и внести въ это древнее зданіе немного современнаго комфорта. Полъ былъ покрытъ привезенными съ собой козьими шкурами, большая индѣйская шаль изображала изъ себя драпировку для алькова, громадное готическое дубовое кресло съ высокой спинкой замѣняло книжный шкафъ; на маленькую желѣзную печку, заказанную ими въ Пальмѣ, была поставлена красивая металлическая ваза. Вотъ какъ описываетъ Шопенъ свое новое помѣщеніе: «Представьте себѣ меня съ незавитыми волосами, безъ бѣлыхъ перчатокъ, блѣднаго, какъ всегда, сидящимъ

между скалами и моремъ въ большомъ, заброшенномъ картезіанскомъ монастырѣ, въ кельѣ, двери которой больше чѣмъ ворота въ парижскихъ домахъ. Келья имѣетъ форму гроба, она очень высокая и своды ея покрыты густымъ слоемъ пыли. Окно маленькое, передъ окномъ померанцы, пальмы и кипарисы. Противъ окна, подъ стариннымъ балдахиномъ, стоитъ моя постель. Сбоку какая то старая четвероугольная штука, долженствующая изображать письменный столъ... Сочиненія Баха, мои ноты и разныя письменныя принадлежности—вотъ вся моя обстановка. Тишина... можно выстрѣлить и никто этого не услышитъ. Словомъ, я пишу вамъ изъ страннаго мѣста».

Въ такомъ странномъ мѣстѣ Шопенъ писалъ свои прелюдіи и баллады, а Жоржъ Зандъ—Консуэлло. Есть какая-то невыразимая поэзія въ этомъ отрывкѣ изъ жизни великаго артиста и великой писательницы въ старыхъ монастырскихъ развалинахъ: мы живо представляемъ себѣ высокую келью со сводами, Жоржъ Зандъ погруженную въ свою работу за старымъ письменнымъ столомъ, когда то служившимъ монахамъ, Шопена за фортепіано, звуки котораго такъ странно раздавались въ монастырскихъ стѣнахъ, и бѣгающихъ тутъ же дѣтей Жоржъ Зандъ, занятыхъ своими играми.

Но не все въ ихъ жизни была одна поэзія. Какъ уже сказано, вскорѣ по пріѣздѣ на Майорку, Шопенъ заболѣлъ и болѣзнь его принимала все болѣе и болѣе серьезные размѣры. Несмотря на чудный климатъ, болѣть на Майоркѣ было очень неудобно, потому что доктора были плохи и въ аптекѣ даже нельзя было достать нужныхъ лекарствъ. Жоржъ Зандъ созвала на консиліумъ всѣхъ лучшихъ докторовъ, какихъ только могла найти на Майоркѣ, но помощи отъ нихъ было мало. Тѣмъ не менѣе, благодаря ея неусыпному уходу и климату, кризисъ миновалъ благополучно и Шопенъ началъ выздоравливать. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ свою болѣзнь: «Втеченіи двухъ недѣль я былъ боленъ какъ собака, несмотря на страшную жару, розы, пальмы и цвѣтущія апельсинныя деревья. Я схватилъ серьезную простуду. Три доктора, самые знаменитые на всемъ островѣ, были позваны на консиліумъ. Одинъ обнюхивалъ мою мокроту, другой стукалъ меня по спинѣ въ то время, какъ я ее выплевывалъ, третій въ то же самое время выслушивалъ мое дыханіе. Первый сказалъ, что я умру, второй, что я умираю, третій,—что я уже умеръ. И тѣмъ не менѣе, я продолжаю жить, какъ жилъ раньше».

Но хотя острый періодъ болѣзни и прошелъ, эта простуда все-

таки очень расшатала здоровье Шопена. Онъ чувствовалъ себя нехорошо и постоянно прихварывалъ. Благодаря этому, вся красота и прелесть Майорки отступила на второй планъ передъ матеріальными неудобствами жизни на маленькомъ островкѣ среди почти некультурныхъ людей. Неудобствъ этихъ было очень много: прежде всего Шопенъ совсѣмъ не могъ выносить майоркской пищи, состоявшей большею частью изъ особенно приготовленной свинины и картофеля. Жоржъ Зандъ часто сама должна была готовить, потому что привезенная ею изъ Парижа горничная не могла одна со всѣмъ управиться, а мѣстная прислуга рѣшительно ничего не умѣла дѣлать. Жоржъ Зандъ разсказываетъ, что она дала бы тогда все на свѣтѣ, чтобы достать хорошаго вина и крѣпкаго бульона для своего больного, но это было совсѣмъ невозможно. Къ тому же, при всѣхъ этихъ неудобствахъ, жизнь была очень дорога, особенно для нихъ, такъ какъ жители Майорки смотрѣли на нихъ какъ на еретиковъ, вслѣдствіе того, что они не ходили въ церковь, и продавали имъ все втридорога. Но самой большой непріятностью для нихъ было то, что погода испортилась и начались проливные дожди.

Дурная погода и разстроенное здоровье приводили Шопена въ ужасное настроеніе и онъ, который еще такъ недавно былъ въ такомъ восторгѣ отъ Майорки, началъ страстно желать поскорѣе вернуться въ Парижъ. Но это было невозможно вслѣдствіе бурной погоды. Жоржъ Зандъ даетъ намъ слѣдующую картину изъ жизни, которая совсѣмъ не напоминаетъ больше ихъ прежнихъ, восторженныхъ описаній: «По мѣрѣ того какъ надвигалась зима, всѣ мои усилія разогнать тоску, овладѣвавшую Шопеномъ, стали тщетными. Состояніе его здоровья все ухудшалось: вѣтеръ завывалъ надъ моремъ, дождь билъ въ наши окна, раскаты грома проникали къ намъ сквозь толстыя монастырскія стѣны и смѣшивались со смѣхомъ и криками дѣтей. Орлы и ястребы, подстрекаемые туманами, спускались къ намъ за воробьями и схватывали ихъ даже на большомъ гранатовомъ деревѣ, которое бросало тѣнь на мое окно. Бушевавшее море удерживало корабли у пристани. Мы чувствовали себя какъ бы заключенными въ тюрьмѣ, далеко отъ всякой дружеской симпатіи и сочувствія. Казалось, что смерть паритъ надъ нашими головами, чтобы схватить одного изъ насъ, и я должна была одна бороться съ ней, отстаивая у нея ея добычу».

По словамъ Жоржъ Зандъ, Шопенъ былъ невыносимымъ больнымъ: физическія страданія онъ переносилъ довольно бодро но зато совсѣмъ не умѣлъ справляться со своими нервами, которые подъ влія-

ніемъ болѣзни и дурной погоды разстроились до послѣдней степени. Монастырь казался ему полнымъ всякихъ ужасовъ и привидѣній. Онъ цѣлыя ночи просиживалъ за фортепіано и воображеніе у него разыгрывалось до такой степени, что онъ самъ дѣлался похожимъ на призракъ. Ему мерещились тѣни монаховъ, встающихъ изъ своихъ гробовъ, въ ушахъ его звучали похоронные мотивы и онъ доходилъ до такого отчаянія, что ему часто казалось, что онъ сходитъ съ ума.

Однажды Жоржъ Зандъ со своимъ сыномъ отправилась въ Пальму за покупками. По дорогѣ ихъ застигъ страшный дождь, кучеръ отказался везти ихъ по размывшимся дорогамъ, они должны были пройти пѣшкомъ довольно большое разстояніе и вслѣдствіе этого вернулись домой только поздно ночью. Жоржъ Зандъ очень тревожилась о Шопенѣ, зная, что онъ будетъ волноваться и мучиться по поводу ихъ долгаго отсутствія. И она не ошиблась. Они застали его сидящимъ за фортепіано. Когда они вошли, онъ вскочилъ, посмотрѣлъ на нихъ дикимъ взглядомъ и, вскрикнувъ: «я зналъ, что вы умерли», упалъ безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то разсказалъ, что отъ страшнаго волненія и опасенія за нихъ, онъ, сидя за своимъ фортепьяно, впалъ въ почти безсознательное состояніе: ему казалось, что онъ умеръ и лежитъ на днѣ моря и что на грудь ему падаютъ одна за другой тяжелыя, холодныя, какъ ледъ, капли слезъ. Когда-же Жоржъ Зандъ обратила его вниманіе на то, что эта картина была навѣяна на него звукомъ дождевыхъ капель, ударявшихъ о крышу, онъ разсердился и сказалъ, что совсѣмъ не слышалъ паденія дождя. Въ эти часы мучительнаго ожиданія и страха за жизнь любимой женщины онъ написалъ свою чудную прелюдію B-moll, въ которой мѣрные звуки падающихъ дождевыхъ капель переплетаются съ колокольнымъ звономъ и съ раздирающими душу аккордами похороннаго марша.

Не трудно понять, что при такомъ напряженномъ нервномъ состояніи Шопенъ былъ чрезвычайно раздражителенъ и капризенъ и Жоржъ Зандъ нужно было запастись большой долей терпѣнія и кротости, чтобъ умиротворять его. Но тогда она настолько любила его, что не тяготилась этимъ и съ любовью выполняла всѣ обязанности сестры милосердія. Утромъ романистка помогала прислугѣ по хозяйству, потомъ занималась съ дѣтьми, и весь остальной день посвящала уходу за больнымъ. Для работы ей оставались только ночи, да и то она не могла вполнѣ ими пользоваться: Шопена часто мучили разные тяжелые сны и кошмары, онъ боялся оставаться одинъ и Ж. Зандъ должна была отрываться отъ своего писанія, чтобы идти успокаивать его. Мысль о смерти, съ ранней юности сверлившая его душу, теперь выступала впередъ съ особенной силой. Эти странныя развалины, гдѣ все говорило о далекомъ прошломъ и о могуществѣ смерти, его болѣзнь, невольно вызывавшая въ немъ мрачныя мысли—все это усиливало свойственную ему мелонхолію. Шопенъ вообще былъ очень мнителенъ и при каждой ничтожной простудѣ готовъ былъ думать о роковой развязкѣ. Но на Майоркѣ онъ въ первый разъ былъ на столько серьозно боленъ, что жизнь его была дѣйствительно въ опасности. Близость смерти произвела на него потрясающее впечатлѣніе. Говорятъ, что тутъ-же, на Майоркѣ, онъ задумалъ свой знаменитый похоронный маршъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ былъ изданъ какъ часть сонаты B-moll. Похоронные мотивы часто звучатъ въ разныхъ сочиненіяхъ Шопена—особенно въ его ноктюрнахъ и прелюдіяхъ. Видно, что мысль о смерти не давала ему покоя и была однимъ изъ важныхъ источниковъ его вдохновенія.

Наконецъ погода установилась и Ж. Зандъ со всей своей колоніей могла выбраться изъ Майорки. Въ Марселѣ они остановились и пробыли тамъ дольше, чѣмъ разсчитывали: Шопену опять стало хуже и доктора говорили, что при такомъ состояніи здоровья ему трудно будетъ продолжать путешествіе. Въ маѣ они наконецъ пріѣхали въ Ноганъ. Шопенъ отправился туда вмѣстѣ съ Ж. Зандъ и выражалъ желаніе провести тамъ все лѣто. Ж. Зандъ говоритъ по этому поводу: «Такая перспектива совмѣстной семейной жизни нѣсколько смущала меня. Я боялась новой обязанности, которую брала на себя и которая, какъ я думала раньше, ограничится одной Испаніей... Я не находилась подъ иллюзіей страсти. Я любила артиста благоговѣйной, материнской любовью, которая однако не была настолько сильна, чтобы стать рядомъ съ любовью къ моимъ дѣтямъ... Но эта любовь во всякомъ случаѣ могла предохранить меня отъ увлеченій страсти, которыхъ я больше не хотѣла знать».—Въ этихъ словахъ Ж. Зандъ старается дать понять, что она изъ безкорыстнаго состраданія согласилась взять на себя обязанность заботиться о Шопенѣ, возбуждавшемъ въ ней одни только материнскія чувства. Между тѣмъ послѣдующая исторія ихъ любви показываетъ, что это было несовсѣмъ вѣрно. Характерно тоже ея замѣчаніе относительно того, что она смотрѣла на свою связь съ Шопеномъ, какъ на «предохранительное средство» отъ другихъ, болѣе сильныхъ увлеченій. Шопенъ повидимому нѣсколько иначе понималъ ихъ отношенія.

ГЛАВА V.

Совмѣстная жизнь Шопена и Жоржъ Зандъ въ Парижѣ. — Артистическая среда, среди которой находился Шопенъ.—Листъ, Гейне, Делакруа.—Лѣтнія пребыванія въ Ноганѣ.—Процессъ творчества у Шопена.—Его взгляды на музыку и музыкантовъ.—Шопенъ, какъ композиторъ.

Вначалѣ Шопенъ поселился въ Парижѣ отдѣльно отъ Жоржъ Зандъ и каждый день бывалъ у нея. Но даже и это небольшое разстояніе, раздѣлявшее ихъ, тяготило его; онъ часто хворалъ, долженъ былъ сидѣть дома и страшно тосковалъ безъ нея. Жоржъ Зандъ приходила къ нему по нѣскольку разъ въ день и почти все ея время уходило на хожденіе взадъ и впередъ. Это было очень неудобно для нихъ обоихъ и они рѣшились устроиться вмѣстѣ. Они нашли себѣ удобное помѣщеніе въ спокойномъ уголкѣ Парижа—такъ называемомъ Cité d'Orléans. Это было излюбленное мѣсто артистовъ и литераторовъ, вслѣдствіе чего его даже прозвали «маленькими Аѳинами». Когда-то тутъ жилъ Александръ Дюма и другія знаменитости. Дома, въ которыхъ поселились Шопенъ и Жоржъ Зандъ, стояли рядомъ посреди большого сквера, съ прекрасной, обсаженной деревьями лужайкой. Шумъ съ улицы не доносился въ этотъ тихій скверъ и зелень передъ окнами напоминала деревню. Въ домѣ рядомъ съ ними жила семья испанскаго консула въ Парижѣ Марліани, съ которой оба они были очень дружны. Мадамъ Марліани вела общее хозяйство и обѣ семьи обѣдали вмѣстѣ, такъ что Жоржъ Зандъ была избавлена отъ всякихъ хозяйственныхъ заботъ. По вечерамъ они постоянно ходили другъ къ другу въ гости, какъ какіе нибудь добрые провинціальные сосѣди. У Шопена была прекрасная, изящно убранная квартира, уставленная цвѣтами и разными бездѣлушками, поднесенными ему его многочисленными поклонницами. Но въ первые годы своего романа съ Жоржъ Зандъ онъ, по ея собственнымъ словамъ, мало пользовался своей квартирой и только давалъ тамъ уроки, а большую часть времени проводилъ у нея.

Исторія любви какого нибудь великаго человѣка всегда очень интересна, потому что тутъ съ особенной яркостью раскрывается передъ нами весь его внутренній міръ, а исторія любви Ж. Зандъ и Шопена тѣмъ болѣе интересна, что тутъ обѣ стороны являются такими выдающимися личностями. Обыкновенно великіе артисты и поэты влюбляются въ совершенно ничтожныхъ женщинъ. Жоржъ Зандъ-же была одна изъ немногихъ женщинъ, которая совмѣщала въ себѣ талантъ съ красотой и женскимъ очарованіемъ и поэтому въ нее могли влюбляться такіе люди, какъ Альфредъ Мюссе и Шопенъ. Къ сожалѣнію, настоящая правда ихъ отношеній до сихъ поръ еще не выяснена. Переписка ихъ, которая могла бы бросить свѣтъ на эту важную сторону жизни ихъ обоихъ, еще не обнародована. По поводу писемъ Жоржъ Зандъ къ Шопену существуетъ слѣдующій фантастическій анекдотъ: разсказываютъ, что сестра Шопена послѣ его смерти вмѣстѣ съ разными другими его бумагами увезла съ собой въ Польшу около 800 писемъ Жоржъ Зандъ къ нему. На границѣ ея вещи, въ томъ числѣ и ящичекъ съ письмами, были задержаны и письма затерялись. Черезъ нѣсколько лѣтъ они были найдены однимъ таможеннымъ чиновникомъ, который хранилъ ихъ у себя, не зная имени потерявшей ихъ дамы. Этотъ фактъ какимъ-то образомъ дошелъ до свѣдѣнія Дюма-сына и онъ, во время своего путешествія по Россіи, убѣдилъ чиновника отдать ему письма; когда-же чиновникъ сталъ ссылаться на свои служебныя обязанности, Дюма заявилъ ему, что въ случаѣ, если бы кто нибудь потребовалъ эти письма, онъ даетъ ему разрѣшеніе сказать, что онъ, Дюма, укралъ ихъ. Такимъ образомъ письма Ж. Зандъ очутились въ рукахъ у Дюма и онъ, вернувшись въ Парижъ, передалъ ей ихъ обратно. Насколько эта исторія справедлива—сказать трудно; достовѣрно только то, что до сихъ поръ обнародовано одно единственное письмо Ж. Зандъ къ Шопену. Англійскій біографъ Шопена, Никсъ, почерпнулъ свѣдѣнія объ ихъ отношеніяхъ главнымъ образомъ изъ личныхъ разговоровъ съ учениками Шопена и изъ разныхъ воспоминаній о немъ, изданныхъ послѣ его смерти.

Друзья Шопена, говоря о его романѣ съ Ж. Зандъ, обыкновенно выставляютъ его какимъ-то мученикомъ, которому эта любовь доставляла одни страданія. Но по собраннымъ Никсомъ свѣдѣніямъ оказывается, что такое мнѣніе во всякомъ случаѣ сильно преуве-

личено. Несомнѣнно, что любовь къ Ж. Зандъ доставила Шопену много горя, но она дала ему также столько счастья, особенно въ первое время ихъ связи, что нельзя рисовать всю исторію ихъ любви одинаково мрачными красками. Вначалѣ Шопенъ былъ очень счастливъ. Любимый ученикъ его, Гутманъ, имѣвшій возможность близко наблюдать домашнюю жизнь своего учителя и вовсе не принадлежащій къ числу друзей Ж. Зандъ, тѣмъ не менѣе рѣшительно утверждаетъ, что всѣ разсказы о томъ, будто Ж. Зандъ третировала Шопена и обращалась съ нимъ грубо и пренебрежительно, совершенно ложны. Онъ говоритъ, что хотя отношенія ихъ были всѣмъ извѣстны, хотя они жили вмѣстѣ, вмѣстѣ дѣлали визиты и принимали гостей, самъ Шопенъ держался въ ея домѣ какъ простой гость и ничѣмъ не выдавалъ своей близости къ хозяйкѣ. Онъ всегда былъ рыцарски любезенъ и почтителенъ съ Ж. Зандъ; она тоже была съ нимъ неизмѣнно ласкова и, дѣйствительно, первое время относилась къ нему съ чисто-материнской заботливостью. Онъ говоритъ, что они никогда не ссорились. Сохранилось одно ея письмо къ сыну, гдѣ она упоминаетъ о Шопенѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Напиши мнѣ, не боленъ-ли Шопенъ? Письма его короткія и грустныя. Позаботься о немъ, если ему нездоровится. Постарайся немного замѣнить меня. Если тебя интересуетъ письмо, гдѣ я писала о Соланжъ (ея дочь), спроси его у Шопена. Я писала его для васъ обоихъ и ему оно повидимому не доставило особеннаго удовольствія. Онъ принялъ его очень къ сердцу, а между тѣмъ, видитъ Богъ, что мнѣ вовсе не хотѣлось огорчать его»...

Луи Эно, часто посѣщавшій Жоржъ Зандъ и Шопена, приводитъ нѣсколько мелкихъ эпизодовъ изъ ихъ жизни, показывающихъ, что въ этой жизни было много поэзіи и что было время, когда они оба чувствовали себя хорошо другъ съ другомъ. Онъ разсказываетъ, что однажды вечеромъ они сидѣли втроемъ—онъ, Жоржъ Зандъ и Шопенъ—передъ горящимъ каминомъ. Жоржъ Зандъ начала, какъ она это часто дѣлывала, оставаясь одна съ Шопеномъ, думать вслухъ: она вспоминала свою возлюбленную деревню въ Берри и нарисовала цѣлую картину прелестей мирной деревенской жизни.

— Какъ вы хорошо говорили,— наивно сказалъ Шопенъ.

— Вы находите? — отвѣтила она. — Ну, такъ переложите мои слова на музыку.

Шопенъ тотчасъ-же сѣлъ за рояль и принялся импровизировать настоящую пасторальную симфонію.

Жоржъ Зандъ стала около него и, ласково положивъ ему руку на плечо, сказала: «Courage doigts de velours.»

У Жоржъ Зандъ была маленькая собачка, съ которой она любила играть и возиться. Однажды, во время своей возни съ собаченкой, она сказала Шопену: «если-бы у меня былъ вашъ талантъ, я-бы сочинила какое-нибудь музыкальное произведеніе въ честь этой собаки». Шопенъ послушно направился къ фортепьяно и сочинилъ свой прелестный вальсъ ор. 64, который среди его друзей и учениковъ такъ и назывался: Valse du petit chien.

Подъ вліяніемъ своей любви къ Жоржъ Зандъ Шопенъ на время даже отказался отъ аристократическихъ салоновъ и проводилъ свои вечера въ кружкѣ артистовъ и писателей, собиравшихся у нея. Тутъ онъ познакомился съ Пьеромъ Леру, Бальзакомъ, Делакруа, Луи Бланомъ и др. Луи Бланъ въ своей «Исторіи революціи 1848 г.» разсказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ своего знакомства съ Шопеномъ.

Разсказывая о предсмертной болѣзни одного, теперь уже совсѣмъ забытаго, республиканскаго писателя Годфруа Кавеньяка, онъ говоритъ: «Незадолго до смерти имъ вдругъ овладѣло необыкновенное желаніе еще разъ услышать музыку. Я зналъ Шопена и предложилъ привезти его, если доктора ничего не будутъ имѣть противъ этого. Получивъ ихъ согласіе, я отправился за Шопеномъ и засталъ у него мадамъ Зандъ. Она была очень растрогана моимъ разсказомъ и Шопенъ тотчасъ-же съ полной готовностью рѣшился слѣдовать за мной. Я повелъ его въ комнату умирающаго, гдѣ стояло плохое фортепіано. Великій артистъ началъ играть, но внезапно игра его была прервана рыданіями. Годфруа, въ порывѣ восторга, который на мгновеніе вернулъ ему физическія силы, приподнялся на постели и слезы текли по его лицу. Шопенъ остановился очень встревоженный. Больной сдѣлалъ надъ собой усиліе, постарался улыбнуться и сказалъ обратясь къ матери: «Не безпокойся, мама, это ничего... О какъ прекрасна музыка въ такомъ исполненіи!»

Всѣ посѣщавшіе Жоржъ Зандъ артисты были большими поклонниками Шопена; многіе, напр. Делакруа, искренно любили его какъ человѣка, но онъ холодно относился къ нимъ ко всѣмъ и чувствовалъ себя не въ своей сферѣ въ этомъ обществѣ. Его тянуло въ большой свѣтъ и только любовь къ Жоржъ Зандъ заставляла его нѣкоторое время вращаться въ артистическомъ кругу.

Когда у Жоржъ Зандъ собирались гости, она тотчасъ-же посылала за Шопеномъ. Онъ былъ всегда героемъ вечера. Жоржъ Зандъ умѣла подмѣчать его настроеніе и когда настроеніе оказывалось

подходящимъ, она заставляла его играть, но это не всегда удавалось: часто Шопенъ былъ не въ расположеніи играть и занималъ общество разными мимическими представленіями. Мы уже говорили про его мимическій талантъ: онъ могъ передразнивать кого угодно и однажды изображалъ даже Фридриха Великаго. Въ этихъ передразниваніяхъ онъ обнаруживалъ неистощимый юморъ и заставлялъ смѣяться до слезъ. По поводу его передразниваній разсказываютъ слѣдующій уморительный эпизодъ:

Когда одинъ польскій музыкантъ, Новаковскій, пріѣхалъ въ Парижъ, онъ просилъ Шопена познакомить его съ Листомъ и Пиксисомъ. Шопенъ, смѣясь, отвѣтилъ, что не стоитъ съ ними знакомиться, потому что онъ сейчасъ-же можетъ ихъ ему показать. Онъ сѣлъ за фортепьяно и началъ изображать сначала Листа, потомъ Пиксиса. Вечеромъ они вмѣстѣ пошли въ театръ. Во время антракта Шопенъ вышелъ изъ ложи и Новаковскій остался одинъ. Вдругъ въ ложу вошелъ Пиксисъ. Новаковскій, думая, что это Шопенъ опять началъ свои передразниванія, дружески хлопнулъ новоприбывшаго по плечу и сказалъ: «перестань, не передразнивай больше».

Можно себѣ представить изумленіе Пиксиса. Въ эту минуту какъ разъ подоспѣлъ Шопенъ и со свойственнымъ ему тактомъ и граціей сумѣлъ уладить дѣло такъ, что Пиксисъ даже не обидѣлся.

Среди новыхъ знакомыхъ Шопена находился и Гейне, который былъ его восторженнымъ поклонникомъ. Приведемъ то, что онъ говоритъ о Шопенѣ въ своей Lutezia (письма о парижскомъ искуствѣ). Эти нѣсколько строчекъ лучше обрисовываютъ самую сущность личности Шопена, чѣмъ разныя безконечныя характеристики и многотомныя біографіи: «Шопенъ родился въ Польшѣ отъ французскихъ родителей и довольно много путешествовалъ по Германіи. Такое совмѣстное вліяніе трехъ различныхъ національностей дѣлаетъ его личность въ высшей степени интересной. Онъ соединяетъ въ себѣ все то лучшее, что есть въ каждой изъ этихъ трехъ націй: Польша дала ему свой рыцарскій духъ и свою историческую скорбь; Франція—свою легкую грацію и привлекательность; Германія—свою романтическую глубину. Природа дала ему красивую, стройную, нѣсколько сухощавую фигуру, благородное сердце и геній. Да, у Шопена нельзя отрицать генія въ полномъ смыслѣ этого слова: онъ не только виртуозъ, онъ поэтъ, онъ умѣетъ воспроизводить передъ нами ту поэзію, которая живетъ въ его душѣ. Онъ композиторъ и ничто не можетъ сравниться съ наслажденіемъ, которое доставляютъ его импровизаціи. Тогда онъ перестаетъ быть и полякомъ, и нѣмцемъ, и

французомъ и обнаруживаетъ свое болѣе высокое происхожденіе. Тогда тотчасъ-же становится ясно, что онъ уроженецъ той страны, откуда происходятъ Моцартъ, Рафаэль, Гете, что его настоящая родина—волшебный міръ поэзіи. Когда онъ сидитъ за фортепьяно и импровизируетъ, мнѣ кажется всегда, что меня посѣщаетъ соотечественникъ изъ той далекой дорогой родины и разсказываетъ мнѣ про удивительныя событія, происходящія тамъ во время моего отсутствія. Иногда мнѣ хочется прервать его вопросомъ: «А какъ поживаетъ та прекрасная нимфа, которая такъ кокетливо набрасывала серебристый вуаль на свои зеленые локоны? Что сѣдовласый морской богъ все также преслѣдуетъ её своей глупой любовью? Что гордыя розы у насъ все также ярко горятъ и деревья также чудно поютъ, озаренныя луннымъ свѣтомъ?»

Лѣто Шопенъ обыкновенно проводилъ въ имѣньи Жоржъ Зандъ, въ замкѣ Ноганъ, въ Берри. Здѣсь онъ написалъ почти всѣ произведенія, изданныя имъ въ періодъ отъ 39 до 47 г. Въ Парижѣ ему трудно было заниматься: уроки и масса знакомыхъ постоянно отвлекали его. Въ деревнѣ же онъ старался наверстать потерянное зимой время.

Шопенъ всегда очень любилъ деревню, но Жоржъ Зандъ разсказываетъ намъ, что эта любовь имѣла нѣсколько платоническій характеръ. Въ Парижѣ онъ всегда страстно стремился въ Ноганъ и первое время, когда пріѣзжалъ туда, дѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ: физическія силы его укрѣплялись и онъ становился веселъ, какъ ребенокъ, радуясь всему, что его окружаетъ. Но долго прожить въ деревенской тишинѣ онъ не могъ: его начинало опять тянуть въ Парижъ, въ его обычную, свѣтскую обстановку и онъ не могъ дождаться отъѣзда изъ Ногана.

Замокъ Ноганъ былъ простой домъ незатѣйливой архитектуры, окруженный большимъ паркомъ. Неподалеку отъ парка протекала, окаймленная тѣнистыми вязами, рѣка Индра. Кругомъ во всѣ стороны разстилались поля и зеленѣющіе холмы. Этотъ мирный уголокъ былъ какъ бы созданъ для отдыха и работы.

Жизнь здѣсь постоянно разнообразилась пріѣздами гостей. Жоржъ Зандъ была очень гостепріимной хозяйкой и въ Ноганѣ у нея обыкновенно гостило нѣсколько человѣкъ ея парижскихъ друзей. Наиболѣе частыми посѣтителями ея бывали Листъ и графиня д'Асу, знаменитая пѣвица Віардо со своимъ мужемъ, Делакруа и др. Днемъ всѣ обыкновенно занимались чѣмъ нибудь—мужчины охотились, дамы читали, Листъ и Шопенъ предавались своимъ сочине-

ніямъ, Жоржъ Зандъ—писала. Вечеромъ всѣ сходились вмѣстѣ, гуляли по берегу Индры или устраивали домашніе концерты. Однимъ изъ любимыхъ развлеченій всей компаніи былъ домашній театръ, на которомъ ставились шарады, пантомимы и даже серьезныя комедіи и драмы. Особенно любили всѣ разныя драматическія импровизаціи: давалась главная тема пьесы, а затѣмъ каждый уже по-своему долженъ былъ разработывать свою роль. Листъ и Шопенъ изображали оркестръ и старались приспособлять свою игру къ тому, что происходило на сценѣ. Шопенъ первый ввелъ въ моду эти представленія, предложивши однажды устроить пантомиму, которую онъ сопровождалъ музыкальной импровизаціей. Отъ пантомимы перешли и къ другого рода представленіямъ.

Одинъ близкій другъ Ж. Зандъ, Роллинà, разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Ноганѣ» много любопытныхъ подробностей объ образѣ жизни въ имѣньи Ж. Зандъ. Онъ разсказываетъ между прочимъ о томъ, какъ однажды вечеромъ рояль вынесли на террасу, откуда было сильное эхо, и какое чарующее впечатлѣніе производила игра Листа и Шопена и пѣніе мадамъ Віардо, повторяемыя эхомъ. Казалось, что вся природа откликается на эти чудные звуки и вторитъ имъ.

Ролина даетъ также нѣсколько любопытныхъ подробностей, характеризующихъ взаимныя отношенія Шопена и Листа. Онъ разсказываетъ, что однажды Листъ игралъ какое-то произведеніе Шопена и позволилъ себѣ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія по своему вкусу. Шопенъ былъ очень щепетиленъ на этотъ счетъ и не могъ удержаться, чтобы не сказать ему: «Мой дорогой другъ, если вы дѣлаете мнѣ честь играть мои сочиненія, то я просилъ бы васъ играть ихъ такъ, какъ они написаны, или же играть что нибудь другое». Листъ, немного разсерженный, всталъ изъ за фортепьяно и предложилъ Шопену занять его мѣсто. Шопенъ началъ играть и игралъ такъ удивительно-хорошо, что Листъ забылъ свое недавнее неудовольствіе и сказалъ ему: «Вы были правы. Произведенія генія должны быть священны и всякое прикосновеніе къ нимъ есть профанація. Вы настоящій поэтъ и я не могу съ вами равняться». «У каждаго изъ насъ свой жанръ»—отвѣтилъ Шопенъ.

Но самолюбивый Листъ не могъ забыть этого эпизода и рѣшился отомстить Шопену за его торжество надъ нимъ. На другой день вечеромъ, когда всѣ опять собрались вмѣстѣ, Листъ началъ просить Шопена сыграть что нибудь. Шопенъ согласился и по своему обыкновенію спустилъ шторы и потушилъ лампы, чтобы играть въ темнотѣ. Но въ то время какъ онъ направлялся къ роялю, Листъ подошелъ къ нему, шепнулъ ему что-то на ухо и сѣлъ вмѣсто него за фортепьяно. Онъ сыгралъ ту самую пьесу, которую Шопенъ игралъ наканунѣ; всѣ остались въ восторгѣ и были убѣждены, что слышатъ Шопена. Послѣ окончательнаго аккорда Листъ внезапно зажегъ свѣчи и присутствовавшіе, къ своему большому изумленію, увидѣли, что за фортепьяно сидитъ не Шопенъ, а Листъ.

— Ну, что вы на это скажете?—спросилъ Листъ своего соперника.

— Я скажу тоже, что всѣ: я самъ думалъ, что слышу Шопена.

— Вы видите, сказалъ виртуозъ, поднимаясь съ своего мѣста, что Листъ можетъ быть Шопеномъ, когда пожелаетъ. Но можетъ ли Шопенъ быть Листомъ»?

Насколько можно довѣрять этому разсказу—трудно сказать. Вѣроятно—въ немъ много преувеличеннаго и можетъ быть даже прямо выдуманнаго, но что нибудь въ этомъ родѣ повидимому дѣйствительно было. Несмотря на восторженную книгу Листа о Шопенѣ и на его постоянныя увѣренія въ дружбѣ къ нему, они врядъ ли были настоящими друзьями. Они чрезвычайно уважали другъ друга, какъ артисты, но между ними всегда существовала извѣстная jalousie de métier, мѣшавшая ихъ близости. Особенно Шопенъ мучительно завидовалъ Листу и его шумнымъ тріумфамъ. Во многихъ мимолетныхъ словахъ Шопена объ Листѣ звучитъ какая-то горечь. Такъ напримѣръ, когда онъ узналъ, что Листъ собирается написать рецензію объ одномъ изъ концертовъ, онъ сказалъ съ ироническою усмѣшкой: «Онъ удѣлитъ мнѣ маленькое королевство въ своемъ громадномъ царствѣ». (Il me donnera petit royaume dans son immense empire). Листъ, какъ побѣдитель, относился къ нему съ большей благосклонностью и можетъ быть даже искренно чувствовалъ къ нему симпатію, но близости между ними никакой не было. Листъ самъ говоритъ, что сдержанный Шопенъ никогда не давалъ ему заглянуть въ свой внутренній міръ.

Въ Ноганѣ Шопенъ большую часть времени отдавалъ своимъ сочиненіямъ. Интересно, что̀ говоритъ такая тонкая наблюдательница, какъ Жоржъ Зандъ, о его работѣ и процессѣ творчества. Она разсказываетъ, что главная тема всегда внезапно возникала въ его душѣ уже совсѣмъ въ законченномъ видѣ. Часто она звучала вокругъ него во время какой-нибудь прогулки и онъ спѣшилъ домой, чтобы поскорѣе сыграть ее себѣ.—«Но потомъ, говоритъ Жоржъ Зандъ, начиналась самая ужасная, мучительно-напряженная ра-

бота, какую я когда-либо видала. Ему стоило безконечныхъ усилій разработать эту тему, схватить всѣ ея оттѣнки и возстановить ее въ томъ видѣ, въ какомъ она первоначально прозвучала въ его душѣ. Онъ на цѣлые дни заперался въ своей комнатѣ, рыдалъ какъ ребенокъ, ломалъ перья, тысячу разъ писалъ и перечеркивалъ какой-нибудь одинъ тактъ и на другое утро снова принимался за тоже самое. Иногда онъ бился втеченіе нѣсколькихъ недѣль надъ одной страницей и въ концѣ концовъ писалъ ее такъ, какъ она была у него первоначально набросана».

Жоржъ Зандъ говоритъ, что она постяннно старалась убѣдить его довѣряться своему первоначальному настроенію. Иногда онъ слушался ее и переставалъ такъ отчаянно биться надъ работой. Но большей частью она бывала не въ силахъ переубѣдить его. Тогда, видя, что онъ совершенно изнуряетъ себя, она часто насильно отрывала его отъ работы и на нѣсколько дней увозила его куда-нибудь въ сосѣднюю деревню, въ красивую мѣстность. Послѣ продолжительнаго путешествія въ солнце и въ дождь по ужаснымъ дорогамъ, Шопенъ какъ-будто начиналъ оживать и отдыхалъ отъ преслѣдовавшихъ его музыкальныхъ кошмаровъ. Возвращаясь въ Ноганъ съ такой экскурсіи, онъ опять принимался со свѣжими силами за работу, и безъ особеннаго труда достигалъ того, чего хотѣлъ. Но не всегда удавалось отвлечь его отъ фортепіано. Временами онъ раздражался, когда ему мѣшали. и тогда Ж. Зандъ не рѣшалась настаивать. Она говоритъ, что Шопенъ, когда онъ сердился, дѣлался ужасно жалокъ; съ нею онъ всегда сдерживался и дѣлалъ надъ собой такія усилія, что она всегда оставляла его въ покоѣ въ эти минуты.

Зимой Шопенъ былъ преимущественно занятъ уроками. Хотя сочиненія его расходились довольно хорошо и приносили ему большіе доходы, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ *). Онъ совсѣмъ не умѣлъ справляться съ деньгами и не придавалъ имъ никакого значенія, хотя любилъ роскошь и никогда ни въ чемъ себѣ не отказывалъ. Кромѣ своихъ прихотей, онъ тратилъ много денегъ на благотворительность—въ особенности разные бѣдные соотечественники постоянно стоили ему большихъ денегъ. Онъ вообще былъ

*) У отца одного изъ учениковъ Шопена сохранилось его письмо, въ которомъ онъ проситъ заплатить ему впередъ за 5 уроковъ (100 франковъ). У этого человѣка, заработывавшаго нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ въ годъ, иногда не хватало такой ничтожной суммы, какъ 100 франковъ (около 40 рублей).

очень щедръ въ всѣхъ отношеніяхъ: любилъ дѣлать подарки своимъ друзьямъ, постоянно посылалъ цѣлые транспорты дорогихъ бездѣлушекъ роднымъ въ Польшу и разбрасывалъ деньги направо и налѣво. Лакею онъ платилъ такое огромное жалованье, что въ одномъ изъ писемъ къ своему сыну Ж. Зандъ шутя говоритъ, что нужно отдать Шопена подъ опеку, потому что онъ платитъ своему лакею болѣе, чѣмъ получаетъ средній журналистъ. Изъ другого письма Ж. Зандъ мы знаемъ, что Шопенъ однажды подарилъ ея старой служанкѣ, которую онъ очень любилъ, шаль, стоившую около 100 франковъ. Все это мелочи, но онѣ очень характерны для Шопена. Да и дѣйствительно, трудно было-бы представить себѣ автора такихъ прелюдій и ноктюрновъ экономнымъ, разсчетливымъ человѣкомъ.

Уроковъ у Шопена было много и онъ не бралъ меньше 20 франковъ за часъ, такъ что съ уроковъ тоже зарабатывалъ довольно много денегъ. Впрочемъ у него было много и даровыхъ учениковъ. Съ особенно-талантливыхъ учениковъ онъ почти никогда не бралъ денегъ *). Были и такіе, которыхъ онъ училъ даромъ, потому что они не могли платить ему. Но большинство его учениковъ были люди вполнѣ достаточные и не затруднялись назначенной имъ высокой платой. Онъ могъ-бы гораздо больше заработывать уроками, но не хотѣлъ утомлять себя и ежедневно занимался не болѣе пяти часовъ. Кромѣ того, нѣсколько мѣсяцевъ въ году онъ всегда проводилъ въ деревнѣ.

Шопенъ съ большой любовью относился къ своимъ урокамъ. Попасть къ нему въ ученики было чрезвычайно трудно: онъ отличался большей требовательностью и бралъ только тѣхъ, которые казались ему талантливыми. Но несмотря на то, что артистъ съ такимъ разборомъ принималъ къ себѣ учениковъ и вкладывалъ всю свою душу въ занятія съ ними, никто изъ нихъ не сдѣлался настоящимъ, большимъ артистомъ. Въ этомъ отношеніи онъ опять таки оказался менѣе счастливымъ, чѣмъ Листъ, который насчитываетъ среди своихъ учениковъ такихъ людей, какъ Бюловъ, Тальбергъ, и др. Главная причина этого явленія заключается въ томъ, что большинство изъ учениковъ и ученицъ Шопена принадлежали къ аристократическому кругу и не готовились къ артистической карьерѣ. Среди нихъ было

*) Одна изъ его любимыхъ ученицъ, Мадамъ Дюбуа, разсказываетъ, что когда она однажды дала ему деньги за цѣлый рядъ уроковъ, онъ отказался отъ нихъ и взялъ только 20 фр., которыя записалъ на ея имя въ число пожертвованій въ пользу бѣдныхъ поляковъ.

много талантливыхъ пьянистовъ, и особенно пьянистокъ, но имъ никогда не пришлось выступать публично. Помимо этого, Шопену особенно не везло съ талантливыми учениками. У него былъ одинъ ученикъ—маленькій венгерецъ Фильтчъ, который обладалъ такимъ феноменальнымъ талантомъ, что Листъ говорилъ про него: «когда этотъ ребенокъ начнетъ концертировать, мнѣ придется закрыть свою лавочку». И этотъ маленькій артистъ, бывшій такой гордостью своего учителя, умеръ еще ребенкомъ, не успѣвши прославиться. Другой, очень талантливый ученикъ Шопена, Гунсбергъ, тоже умеръ еще совсѣмъ молодымъ.

Любимымъ ученикомъ Шопена былъ Гутманъ, сдѣлавшійся потомъ довольно извѣстнымъ композиторомъ и учителемъ музыки. Онъ былъ очень преданъ своему учителю и неотлучно ухаживалъ за нимъ во время его послѣдней болѣзни.

Какъ учитель, Шопенъ обращалъ главное вниманіе на туше и на фразировку. Грубая и неотчетливая игра выводила его изъ себя. Одна изъ его ученицъ разсказываетъ, что когда въ классѣ кто то небрежно сыгралъ начало экзерсисовъ Клементи, Шопенъ поморщился и сказалъ: «Что это, здѣсь только что залаяла собака»?

Онъ настаивалъ на томъ, чтобы ученики его упражнялись не болѣе трехъ часовъ въ день; иначе, говорилъ онъ, они отупѣютъ отъ безконечнаго разыгрыванія того же самаго. Онъ заставлялъ ихъ заниматься теоріей музыки и играть musique d'ensemble. Особенно важнымъ для пьяниста онъ считалъ частое слушаніе пѣнія и постоянно совѣтывалъ своимъ ученикамъ почаще ходить въ Итальянскую оперу. Нѣкоторымъ онъ даже совѣтывалъ брать уроки пѣнія, находя это очень полезнымъ для фортепьянной игры. Принципомъ всей его преподавательской методы было: играть такъ, какъ чувствуешь. Онъ не выносилъ безжизненной игры и говорилъ всегда: «вкладывайте же свою душу въ то, что вы играете». Несмотря на свою сдержанность, Шопенъ въ сущности былъ очень раздражителенъ и часто сердился на своихъ учениковъ. Особенно доставалось отъ него разнымъ барышнямъ-любительницамъ, занимавшимся музыкой для времяпрепровожденія. Онѣ часто въ слезахъ уходили съ урока. Гутманъ разсказываетъ, что у него во время урока всегда была наготовѣ пачка карандашей, которые онъ ломалъ въ минуты раздраженія, что бы дать какой нибудь выходъ кипѣвшему въ немъ негодованію. Иногда послѣ урока карандашъ оказывался разломаннымъ на маленькіе кусочки. И тѣмъ не менѣе ученики просто боготворили его.

Въ концертахъ Шопенъ выступалъ очень рѣдко. Въ 1841 г. онъ далъ два концерта въ Парижѣ. Мы уже нѣсколько разъ говорили, что Шопенъ не любилъ выступать въ концертахъ: большая зала и публика смущали его и мѣшали развернуться во всемъ своемъ блескѣ. Чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ рѣзче выступала у него эта нелюбовь къ концертамъ. Къ тому же вслѣдствіе разстроеннаго здоровья игра его дѣлалась все слабѣе и слабѣе, такъ что въ большой залѣ его иногда почти не было слышно. Своихъ вещей онъ не разучивалъ передъ концертами, а только иногда проигрывалъ ихъ для памяти, но недѣли за двѣ до концерта онъ принимался серьезно штудировать Баха.

Моцартъ и Бахъ были его любимыми композиторами. Характерно, что несмотря на все свое благоговѣніе передъ Бетховеномъ, нѣкоторыя вещи въ его произведеніяхъ казались ему слишкомъ грубыми и необузданными. Точно также онъ относился и къ другому титану, который въ литературѣ занимаетъ такое же мѣсто, какъ Бетховенъ въ музыкѣ—къ Шекспиру. И въ томъ, и въ другомъ было слишкомъ много огня и могущества для его женственной, болѣзненно-меланхолической натуры. Листъ говоритъ, что Шопену не нравился слишкомъ бурный, страстный характеръ многихъ произведеній Бетховена; ему казалось, что въ каждой фразѣ Бетховена проглядываетъ какая то «львиная мощь, которая угнетаетъ душу и подавляетъ ее своимъ величіемъ». Нѣкоторыя вещи, какъ напримѣръ первую часть Mondscheinsonate, онъ очень любилъ, и часто игралъ ее.

Мендельсона и Шумана Шопенъ совсѣмъ не признавалъ, никогда самъ не игралъ ихъ и ученикамъ своимъ давалъ играть только нѣкоторыя «Пѣсни безъ словъ» Мендельсона. Вообще кромѣ классиковъ онъ неблагосклонно относился къ нѣмецкой музыкѣ и предпочиталъ ей итальянскую: онъ былъ большимъ поклонникомъ Беллини и Россини и постоянно ходилъ слушать ихъ оперы.

Періодъ отъ 37 до 47 года былъ самымъ плодовитымъ періодомъ въ жизни Шопена. Большинство своихъ лучшихъ произведеній онъ написалъ за это время, въ лѣтніе мѣсяцы, проведенные имъ въ Ноганѣ. Всѣ сочиненія Шопена можно раздѣлить на два отдѣла: тѣ, которыя написаны имъ въ молодости, имѣютъ преимущественно виртуозный характеръ и на нихъ лежитъ сильный національный отпечатокъ; тѣ же, которыя написаны имъ въ Парижѣ, имѣютъ болѣе субъективный, нѣжный, поэтическій характеръ. Вообще же хотя у Шопена и попадаются нѣкоторыя бравурныя и граціозно-веселыя

вещи (напримѣръ полонезъ A-dur, нѣсколько этюдовъ, три передовыя баллады и др.), общій тонъ его сочиненій всегда мучительно-грустный. Даже и въ сочиненіяхъ перваго періода, въ мазуркахъ и краковякахъ, въ фантазіи на польскіе мотивы, звенитъ эта грустная, щемящая душу нотка. Самъ Шопенъ говорилъ про себя, что настоящей сутью его души было чувство, которое никогда, даже въ минуты самаго глубокаго счастья, не покидало его, отъ котораго онъ никогда не могъ отдѣлаться и которое сказывалось во всѣхъ его сочиненіяхъ; для этого чувства онъ не могъ подыскать другого выраженія, кромѣ непереводимаго польскаго слова zal (русское «жалость» имѣетъ болѣе узкій смыслъ; попольски оно значитъ—и сожалѣніе, и тоска, и неудовлетворенное стремленіе, и грусть). Шопенъ любилъ повторять это слово и дѣйствительно оно наложило свой отпечатокъ на всѣ его произведенія.

Всѣ критики Шопена единогласно сходятся въ томъ, что Шопенъ былъ великій, національный музыкантъ, что онъ явился въ музыкѣ выразителемъ національнаго характера польскаго народа. Многіе основные мотивы польскихъ народныхъ пѣсенъ цѣликомъ вошли въ его произведенія. И не по формѣ, а именно по духу всѣхъ своихъ сочиненій, онъ являлся настоящимъ національнымъ музыкантомъ. Листъ говоритъ про него, что онъ «никогда не старался писать польскую музыку и вѣроятно былъ бы удивленъ, еслибы его назвали польскимъ музыкантомъ. А между тѣмъ онъ былъ таковымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ его музыкѣ выражалось то поэтическое чувство, которое свойственно всей его націи и живетъ въ сердцѣ каждаго изъ его соотечественниковъ. Какъ всѣ истинные національные музыканты, онъ безсознательно, безъ всякаго предвзятаго намѣренія, вкладывалъ въ свои произведенія тѣ чувства и тѣ страданія, которыя онъ видѣлъ вокругъ себя въ дѣтствѣ и которыя вошли ему въ плоть и кровь». Особенно много національнаго элемента въ полонезахъ и мазуркахъ Шопена.

Онъ написалъ 41 мазурку и 8 полонезовъ. Въ раннихъ его мазуркахъ больше наивности и свѣжести, чѣмъ въ позднѣйшихъ, но всѣ онѣ полны оригинальными и разнообразными красотами. Шуманъ говорилъ, что въ каждой изъ многочисленныхъ мазурокъ Шопена можно найдти какую-нибудь новую, поэтическую черту.

Полонезъ, «этотъ историческій танецъ королей и рыцарей», тоже много разъ привлекалъ къ себѣ Шопена. Онъ писалъ полонезы въ молодости, еще живя въ Варшавѣ, и писалъ ихъ незадолго передъ смертью (Полонезъ A-dur, op. 61—одно изъ послѣднихъ произведеній Шопена). Особенно замѣчателенъ его второй полонезъ, op. 26, напечатанный въ 1836 г. Въ немъ слышится сдержанный ропотъ народнаго недовольства, постепенно усиливающійся и доходящій наконецъ до взрыва, слышатся мирные звуки марша, призывающіе къ борьбѣ и побѣдѣ. Начинается ожесточенная, отчаянная борьба за свободу и національную независимость. И вдругъ все сразу обрывается и замираетъ. Въ этомъ полонезѣ вылилась вся вѣковая, историческая скорбь Польши, кратковременный подъемъ ея національнаго духа и послѣдовавшая затѣмъ трагическая развязка. Совершенно въ другомъ родѣ написанъ полонезъ op. 40 (A-dur)—самый извѣстный изъ всѣхъ полонезовъ Шопена. Въ немъ какъ-бы проносится дуновеніе прежняго величія Польши.

Одинъ изъ учениковъ Шопена разсказываетъ, что ночью, въ то время когда Шопенъ сочинялъ этотъ полонезъ, ему вдругъ почудилось, что двери его комнаты открываются и передъ нимъ проходитъ длинное шествіе польскихъ рыцарей и красавицъ-полекъ въ старинныхъ національныхъ костюмахъ. Это видѣніе преисполнило Шопена такимъ ужасомъ, что онъ выбѣжалъ изъ своей комнаты, какъ помѣшанный, и потомъ всю ночь не могъ рѣшиться вернуться въ нее.

Другое національное произведеніе Шопена—Польская фантазія—(op. 61) является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ его произведеній. Листъ говоритъ, что по красотѣ и величію эта Польская фантазія превосходитъ все остальное, написанное имъ; но въ ней столько болѣзненнаго, патологическаго, что Листъ считаетъ даже возможнымъ исключить ее изъ сферы искусства: это не музыка, а одно непрерывное рыданіе. Какое-то безконечное, безпросвѣтное отчаяніе разлито по всей этой фантазіи. Нѣкоторые этюды Шопена также проникнуты національной скорбью. Таковъ уже упомянутый этюдъ № 12, op. 10 (C-dur), написанный подъ вліяніемъ извѣстія объ исходѣ Польскаго возстанія, и этюдъ № 3 изъ той-же серіи. Послѣдній этюдъ былъ однимъ изъ любимыхъ произведеній самого Шопена. Гутманъ разсказываетъ, что когда онъ однажды сыгралъ его своему учителю, тотъ сжалъ свои руки и съ тоской воскликнулъ: «О, моя родина! моя родина!».

Но будучи національнымъ музыкантомъ и изливая въ музыкѣ страданія своей родины, Шопенъ въ тоже время воплощалъ въ музыкѣ свою личную жизнь, со всѣми ея стремленіями, скорбями, тревогами и т. д. Ни у одного артиста музыка такъ тѣсно не соприка-

салась съ поэзіей, какъ у него: слушая его прелюдіи, вальсы или ноктюрны, кажется, будто слышишь какое нибудь чудное лирическое стихотвореніе; эти звуки, яснѣе всякихъ словъ, говорятъ о вѣчномъ стремленіи «dahin, dahin», о той непонятной поэзіи, которая заключена въ слезахъ и страданіи, о разныхъ мучительныхъ снахъ и видѣніяхъ, овладѣвавшихъ временами больной душой Шопена. Особенно фантастическій характеръ имѣютъ нѣкоторыя его прелюдіи, написанныя въ старомъ монастырѣ на островѣ Майоркѣ, когда ему казалось, что кругомъ его изъ могилъ встаютъ тѣни монаховъ и что воздухъ оглашается ихъ страшнымъ, замогильнымъ пѣніемъ. Другія прелюдіи имѣютъ совсѣмъ другой, болѣе спокойный, мелодическій характеръ и написаны очевидно подъ примиряющимъ впечатлѣніемъ южной природы, яркаго солнечнаго неба и спокойнаго моря. По своему общему тону къ прелюдіямъ болѣе всего приближаются ноктюрны и баркаролла ор. 60, которую извѣстный піанистъ Тауэтъ опредѣлилъ какъ любовную сцену въ гондолѣ. Ему въ этой баркароллѣ слышались и объятья, и поцѣлуи, и нѣжный шопотъ влюбленной пары.

Изъ крупныхъ произведеній Шопена слѣдуетъ упомянуть его двѣ сонаты, сонату для фортепіано и віолончели, посвященную его другу віолончелисту Франшому, его скерцо и баллады. Его знаменитую сонату B-moll съ траурнымъ маршемъ Шуманъ сравнивалъ со сфинксомъ, потому что она оставляетъ въ душѣ впечатлѣніе какой то мрачной, неразгаданной тайны. Баллады Шопена были навѣяны на него поэмами Мицкевича и, по словамъ Шумана, какой-нибудь поэтъ легко могъ бы подобрать къ нимъ стихи. Это именно музыкальныя сказки, которыя невольно наводятъ на мысль о старыхъ, поросшихъ мхомъ замкахъ, о красавицахъ, томящихся въ этихъ замкахъ, о рыцаряхъ и ихъ оруженосцахъ.

Вальсы Шопена, которые являются одними изъ самыхъ популярныхъ его произведеній, носятъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ его польскіе танцы, ноктюрны и пр. Это блестящія элегантныя вещицы, принадлежащія скорѣе къ типу салонной музыки. Шуманъ замѣчаетъ про одинъ изъ этихъ вальсовъ, что его можно играть только въ томъ случаѣ, если по крайней мѣрѣ половина изъ присутствующихъ дамъ будетъ княгинями. Но и въ эти небольшіе, свѣтскіе продукты своей музы Шопенъ влагалъ свойственную ему поэзію и грусть, и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ изъ себя настоящія маленькія поэмы; таковъ напримѣръ вальсъ A-dur, бывшій любимымъ вальсомъ самаго Шопена. Самый извѣстный изъ его вальсовъ—прелестный, граціозный вальсъ D-moll (ор. 64), такъ называемый valse du petit chien, написанный въ честь собачки Жоржъ Зандъ.

Четыре скерцо Шопена совсѣмъ не оправдываютъ своего названія: въ нихъ нѣтъ того живого, свѣтлаго элемента, который обыкновенно характеризуетъ скерцо. «Въ какое же одѣяніе должна облечься *печаль*, если *веселье* закутывается въ траурное покрывало?» —восклицаетъ по этому поводу Шуманъ. И дѣйствительно скерцо Шопена совершенно лишены всякаго веселья и жизнерадостности. Въ нихъ есть то, чего нѣтъ въ его прочихъ произведеніяхъ—въ нихъ звучить не поэтическая тоска или нѣжная грусть, а слышится сильный, могучій гнѣвъ. Шуманъ сравниваетъ второе скерцо съ «поэмами Байрона, такими нѣжными и смѣлыми, полными и любви и злобы».

Этотъ краткій очеркъ сочиненій Шопена конечно не имѣетъ въ виду служить характеристикой Шопена какъ музыканта: мнѣ хотѣлось только отмѣтить основные мотивы Шопеновской музыки и показать, въ какой тѣсной связи она находится съ личностью самого автора.

ГЛАВА VI.

Разрывъ Шопена съ Жоржъ Зандъ.—Психологическіе мотивы, обусловливающіе этотъ разрывъ.—Поводъ къ нему.—Отъѣздъ Шопена въ Англію.—Состояніе его духа въ послѣдніе годы жизни.—Разстроенное здоровье.—Послѣдняя болѣзнь Шопена.—Его смерть.

Въ 1847 г. произошла страшная катастрофа въ жизни Шопена—онъ разошелся съ Жоржъ Зандъ. Эта развязка давно уже подготовлялась и не для кого изъ знавшихъ ихъ не была неожиданностью. За послѣдніе годы отношенія между ними значительно ухудшились. Когда первая поэзія любви прошла, то разница въ ихъ характерахъ и въ ихъ міровоззрѣніи стала выступать на первый планъ. Они были слишкомъ разные люди, чтобы долго быть счастливыми вмѣстѣ: все, что составляло смыслъ жизни для Жоржъ Зандъ, для Шопена не имѣло никакого значенія. Она понимала его музыку и преклонялась передъ его талантомъ, но онъ всегда стоялъ въ сторонѣ отъ литературы и не интересовался ею. Онъ очень мало читалъ, и то преимущественно по-польски; Мицкевичъ былъ его любимымъ поэтомъ. Говорятъ, что даже романы Жоржъ Зандъ онъ читалъ не всѣ. Одинъ изъ друзей Жоржъ Зандъ, философъ Пьеръ Леру, очень любившій Шопена, постоянно дарилъ ему свои сочиненія, но они такъ и лежали у него на столѣ неразрѣзанными. Между тѣмъ извѣстно, какое вліяніе имѣли идеи Пьера Леру на умственное развитіе Жоржъ Зандъ. Вообще, политика и философія для него не существовали. Такимъ образомъ Шопенъ оставался совершенно чуждымъ тому, что̀ поглощало всѣ мысли любимой имъ женщины, что составляло содержаніе ея духовной жизни. Конечно это должно было охлаждающимъ образомъ дѣйствовать на нее, послѣ того какъ миновалъ періодъ страсти и настало трудное время повседневной, совмѣстной жизни. Кромѣ того всѣ, даже лучшіе друзья Шопена соглашаются, что у него былъ очень тяжелый характеръ. Онъ былъ неотразимо милъ и обаятеленъ

въ обществѣ, но дома часто раздражался по пустякамъ, впадалъ въ ипохондрію, цѣлыми днями бывалъ не въ духѣ. Особенно капризенъ, раздражителенъ и невыносимъ онъ бывалъ во время болѣзни, а хворалъ онъ очень часто. Много нужно было имѣть терпѣнія и кротости, чтобы справляться съ нимъ. Пока Жоржъ Зандъ любила его, она удивительно умѣла за нимъ ухаживать, предупреждала всѣ его прихоти и смиряла его капризы. Но когда любовь начала проходить, она другими глазами взглянула на все это и ея «m?'ade ordinaire», какъ въ шутку называлъ себя Шопенъ, попросту гc оря, надоѣлъ ей. Онъ требовалъ слишкомъ много вниманія и заботъ, слишкомъ исключительной, самоотверженной преданности, а на это Жоржъ Зандъ была не способна. Да и нельзя обвинять ее за это: она сама была слишкомъ талантливымъ человѣкомъ, у нея было свое, дорогое ей дѣло, которое она не хотѣла бросать ради того, чтобы сдѣлаться сидѣлкой Шопена. Онъ самъ понималъ это и никогда ничего отъ нея не требовалъ. Жоржъ Зандъ говоритъ, что они никогда не ссорились и не упрекали другъ друга и что ихъ послѣдняя ссора передъ разрывомъ была и первой. Но тѣмъ не менѣе Шопенъ мучительно страдалъ, что любимая имъ женщина не вполнѣ отдавалась ему. Ему хотѣлось, чтобы она была занята исключительно имъ, все время проводила бы съ нимъ и ни на кого другого не смотрѣла. Литературная богема, окружавшая ее, неизбѣжныя для писательницы столкновенія съ издателями, журналистами, актерами, театральными воротилами, наконецъ ея прошлое и постоянная возможность повторенія того же самаго въ будущемъ—все это не давало ему покоя. Онъ начиналъ тяготиться парижской жизнью, вспоминалъ свою мирную, хорошую семью въ Польшѣ и мечталъ о чистой, безупречной женщинѣ, всецѣло преданной мужу и дѣтямъ, какою была его мать. Жоржъ Зандъ говоритъ, что онъ постоянно вспоминалъ о своей матери и замѣчаетъ даже, что мать была его единственной страстью. Но во всякомъ случаѣ страсть его къ Жоржъ Зандъ очевидно была сильнѣе этой страсти къ матери, потому что, несмотря на свою тоску по семьѣ, онъ все таки не могъ рѣшиться разстаться съ Жоржъ Зандъ. Послѣдніе годы, по выраженію Гейне, должность его при Жоржъ Зандъ была синекурой: его замѣнили другіе. Шопенъ все это видѣлъ, ревновалъ до безумія, сознавалъ всю унизительность своего положенія и все таки не могъ найти въ себѣ силы порвать свои отношенія съ нею. Уже этого одного факта достаточно, чтобы показать, насколько Шопенъ любилъ ее, если онъ, этотъ гордый, избалованный женщинами человѣкъ, бывшій всегда такимъ безупречнымъ джентльменомъ,

могъ прощать Жоржъ Зандъ ея измѣны. Гутманъ разсказываетъ, что однажды, узнавъ о новомъ увлеченіи Жоржъ Зандъ, онъ сказалъ ему съ отчаяніемъ: «Я бы на все это закрывалъ глаза, только бы она позволила мнѣ жить въ Ноганѣ».

Будь Ж. Зандъ другой женщиной, она никогда не рѣшилась бы разойтись съ Шопеномъ, зная, какъ это тяжело на немъ отразится. Она, которая постоянно такъ настаивала на своихъ «материнскихъ чувствахъ» къ Шопену, въ данномъ случаѣ поступила совсѣмъ не по-матерински: мать не бросила бы своего больного, почти умирающаго ребенка. Но еслибы Ж. Зандъ была другой женщиной, можетъ быть Шопенъ не любилъ бы ее такой непреодолимой, всепрощающей любовью. Постепенно они начали удаляться другъ отъ друга. Шопенъ опять сталъ бывать въ аристократическомъ обществѣ, которое онъ на время забросилъ, предпочитая проводить вечера въ артистическомъ кругѣ, собиравшемся у Ж. Зандъ; но всѣ его успѣхи у свѣтскихъ красавицъ, у разныхъ княгинь и графинь не могли примирить его съ мыслью объ охлажденіи къ нему любимой женщины, и онъ почувствовалъ себя очень несчастнымъ. Ж. Зандъ въ это время была занята совсѣмъ другимъ: приближалась революція 48 г., и въ кружкѣ писателей, среди котораго она вращалась, всѣ только и говорили о соціальныхъ и политическихъ вопросахъ. Ей некогда было думать о Шопенѣ и его страданіяхъ. Кромѣ того у нея было много хлопотъ и непріятностей съ дѣтьми, съ родными. У нея было также достаточно своего горя и Шопенъ опять таки оставался совсѣмъ чуждымъ всему этому. Ж. Зандъ сама говоритъ, что дружба Шопена (она всегда говоритъ только о «дружбѣ») никогда не служила ей поддержкой въ горѣ: онъ былъ такъ поглощенъ тѣмъ, что происходило у него на душѣ, что не въ состояніи былъ думать ни о чемъ и ни о комъ другомъ. И дѣйствительно, трудно себѣ представить Шопена въ роли утѣшающаго друга и помощника въ житейскихъ невзгодахъ. Онъ самъ постоянно нуждался въ утѣшеніи и не умѣлъ поддерживать другихъ.

Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ разрыву ихъ отношеній послужило появленіе въ свѣтъ романа Жоржъ Зандъ «Лукреція Флоріани», сюжетомъ котораго служитъ любовная исторія, чрезвычайно напоминающая, по своему настроенію, исторію любви Шопена и Ж. Зандъ. Сама Ж. Зандъ увѣряетъ, что этотъ романъ не имѣетъ ничего общаго съ романомъ, разыгрывавшимся въ ея жизни, что самыя основанія ея любви къ Шопену были совсѣмъ другія, и что князь Кароль нисколько не походитъ на Шопена; но тѣмъ не менѣе всякій

читатель, немного знакомый съ біографіей Шопена, увидитъ, что Кароль очень походитъ на него, хотя конечно онъ не исчерпываетъ собою всѣхъ сторонъ характера великаго артиста и дѣлаетъ его отчасти каррикатурной фигурой. Да и самая постановка дѣйствія въ романѣ невольно напрашивается на сравненіе съ дѣйствительностью: изнѣженный, избалованный, аристократически-воспитанный князь Кароль влюбляется въ извѣстную актрису Лукрецію Флоріани, которая, не будучи замужемъ, имѣетъ трехъ дѣтей отъ различныхъ отцовъ.

Разныя мелкія черты характера Кароля, прямо списанныя съ Шопена, были узнаны всѣми и прежде всего имъ самимъ. Да еслибы онъ какъ нибудь случайно и не узналъ себя въ этомъ героѣ, то во всякомъ случаѣ это не долго могло остаться для него тайной, благодаря прозрачнымъ намекамъ и пересмѣиваньямъ разныхъ милыхъ друзей. Можно себѣ представить, какъ страдало его самолюбіе, видя исторію ихъ любви, отданную на всеобщій судъ. Но онъ снесъ и этотъ ударъ и всетаки не рѣшался порвать своей связи.

Первая и послѣдняя ссора ихъ, повлекшая за собою разлуку, произошла по слѣдующему поводу: Жоржъ Зандъ поссорилась со своей, недавно вышедшей замужъ, дочерью, отказала ей отъ дома и написала Шопену, который въ то время былъ въ Парижѣ и собирался ѣхать въ Ноганъ, чтобы онъ тоже не принималъ ихъ. Франшомъ, бывшій у Шопена, когда тотъ получилъ это письмо, разсказываетъ, что Шопенъ сказалъ ему: «У нихъ (т. е. у дочери Ж. Зандъ и ея мужа) теперь никого нѣтъ кромѣ меня. Неужели-же я отвернусь отъ нихъ? Нѣтъ, я этого не сдѣлаю». И онъ дѣйствительно не сдѣлалъ этого, изъ за-чего и произошла его послѣдняя, окончательная ссора съ Ж. Зандъ. «Бѣдный другъ, какимъ страдающимъ я видѣлъ его»,—прибавляетъ Франшомъ.

Жоржъ Зандъ нѣсколько иначе, чѣмъ всѣ другіе, разсказываетъ это дѣло. Она говоритъ, что причиной ихъ разлуки была ссора Шопена съ ея сыномъ: «Шопенъ не хотѣлъ перенести моего необходимаго и законнаго вмѣшательства въ ихъ ссору. Онъ опустилъ голову и сказалъ, что я больше не люблю его. Какое оскорбленіе послѣ этихъ восьми лѣтъ материнскихъ попеченій! Его бѣдное, измученное сердце не сознавало своего бреда. Я думала, что нѣсколько мѣсяцевъ, проведенные въ разлукѣ и спокойствіи, залечатъ рану и вернутъ ему память и прежнюю спокойную дружбу ко мнѣ. Но тутъ наступила Февральская революція и Парижъ сдѣлался ему невыносимъ».

Такимъ образомъ, по объясненію Ж. Зандъ, главной причиной ихъ разрыва была Февральская революція, заставившая Шопена выѣхать изъ Парижа. Едва-ли это было такъ: не Февральская революція, а она сама побуждала Шопена уѣхать въ Англію, гдѣ онъ пробылъ всего около года и затѣмъ опять вернулся во Францію.

Послѣ ссоры, они разъ только мелькомъ видѣлись въ обществѣ. Ж. Зандъ разсказываетъ, что она хотѣла заговорить съ нимъ, но онъ ускользнулъ отъ нея.

Интимныя отношенія людей никогда не могутъ быть вполнѣ понятными для постороннихъ, особенно если нѣтъ какихъ нибудь подлинныхъ документовъ вродѣ писемъ и дневниковъ, а есть противорѣчивыя и пристрастныя показанія знакомыхъ. Тутъ трудно быть судьей, трудно сказать, кто правъ, кто виноватъ. Но сочувствіе невольно обращается на сторону того, кто больше страдаетъ, а въ данномъ случаѣ несомнѣнно, что Шопену ихъ разлука обошлась несравненно труднѣе, чѣмъ Ж. Зандъ. Конечно, Ж. Зандъ имѣла свои причины быть недовольной Шопеномъ и вѣроятно онъ доставлялъ ей много горькихъ минутъ, но когда читаешь письма Шопена, писанныя имъ изъ Англіи, то невольно чувствуешь нѣкоторую злобу противъ этой женщины, бросившей такого больного, истерзаннаго человѣка на произволъ судьбы и доставившей ему столько мученій. Разрывъ съ Ж. Зандъ совершенно подломилъ его силы: онъ не могъ даже сочинять и ничего больше не писалъ съ тѣхъ поръ. Это былъ конченный человѣкъ, совершенно разбитый и физически, и нравственно. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ его писемъ изъ Англіи, куда онъ поѣхалъ вскорѣ послѣ своей разлуки съ Ж. Зандъ. Онъ пишетъ Гржималѣ: «Спасибо вамъ за ваши милыя строчки и за приложенное къ нимъ письмо отъ моихъ. Слава Богу, что они всѣ здоровы, только зачѣмъ они безпокоятся обо мнѣ? Мнѣ не можетъ быть тяжелѣе чѣмъ теперь и настоящей радости я уже давно не испытывалъ. Я больше ничего не чувствую, я только прозябаю и терпѣливо жду своего конца... Не буду писать вамъ іереміады, не потому, что вы не можете меня успокоить, а потому, что вы единственный человѣкъ, который все знаетъ; еслибы я началъ жаловаться, то этому-бы не было конца, и все въ одномъ тонѣ. Впрочемъ я не правъ, когда говорю, что все въ одномъ тонѣ, потому что мнѣ со дня на день дѣлается все тяжелѣе и тяжелѣе. Я чувствую себя слабѣе, я не могу сочинять... Я никогда не проклиналъ, но теперь я чувствую такую усталость и такое отвращеніе къ жизни, что я почти готовъ проклинать Лукрецію*). Но она тоже страдаетъ и старѣется въ своей злобѣ». Эта фраза о «проклятіи Лукреціи» очень характерна для обыкновенно столь сдержаннаго, изысканнаго въ своихъ выраженіяхъ Шопена: должно быть, очень ужь у него наболѣло на душѣ, разъ у него вырываются такія сильныя слова.

Зачѣмъ Шопенъ поѣхалъ именно въ Англію, онъ и самъ хорошенько не зналъ. Ему хотѣлось просто перемѣнить обстановку и быть подальше отъ Парижа. Въ Англіи у него было много друзей и онъ былъ увѣренъ, что найдетъ тамъ хорошій пріемъ.

Въ концѣ апрѣля 1848 г. онъ прибылъ въ Лондонъ и намѣревался провести тамъ неопредѣленно-долгое время. Онъ имѣлъ въ виду дать тамъ нѣсколько концертовъ, но потомъ раздумалъ: здоровье его было слишкомъ разстроено, онъ боялся волненій и хлопотъ, связанныхъ съ концертами, и не хотѣлъ въ первый разъ неудачно выступить передъ англійской публикой, въ которой вообще былъ очень мало извѣстенъ. Сочиненія его тогда еще не были популярны въ Англіи и большинство музыкальныхъ критиковъ относилось къ нимъ не особенно благосклонно. Но такъ какъ ему очень нужны были деньги, то онъ устроилъ два музыкальныхъ утра въ частномъ домѣ у своихъ знакомыхъ. Онъ зналъ, что можетъ разсчитывать на большій успѣхъ въ маленькой залѣ, среди привычной ему обстановки аристократическаго дома, чѣмъ въ какомъ нибудь обширномъ концертномъ помѣщеніи. И онъ не ошибся: фешенебельная публика осталась очень довольна его изящной, поэтической игрой и онъ собралъ довольно значительную сумму денегъ.

Но даже и такія на половину публичныя музыкальныя утра были для Шопена настоящей пыткой; да это и неудивительно, если вспомнить, что онъ былъ тогда уже такъ слабъ, что не могъ самъ всходить на лѣстницу: его должны были на рукахъ вносить въ залу, гдѣ онъ игралъ.

Вскорѣ послѣ своихъ дебютовъ, Шопенъ уѣхалъ въ Шотландію въ имѣніе лорда Торнишена — родственника одной его большой поклонницы—миссъ Стирлингъ. Миссъ Джэнъ Стирлингъ происходила изъ старинной шотландской семьи, была очень богата и замѣчательно хороша собой. Говорятъ, что Эри-Шефферъ нѣсколько разъ списывалъ съ нея свои женскія фигуры. Въ 46 г. она пріѣхала въ Парижъ, чтобы заниматься музыкой, тамъ познакомилась съ Шо-

*) Такъ звали героиню послѣдняго романа Ж. Зандъ «Лукреція Флоріани», о которомъ уже была рѣчь выше.

пеномъ и съ тѣхъ поръ сдѣлалась его неизмѣнной, горячей поклонницей. Говорятъ, что она была очень влюблена въ него и съ удовольствіемъ вышла бы за него замужъ. Но самъ Шопенъ совершенно не раздѣлялъ ея чувствъ: онъ хорошо относился къ ней, но совсѣмъ не любилъ ея и о бракѣ съ ней не думалъ. Да и вообще не до любви ему тогда было. Докторъ Лещинскій, близко знавшій Шопена во время его пребыванія въ Англіи, разсказываетъ, что Шопенъ однажды сказалъ ему: «Они хотятъ женить меня на миссъ Стирлингъ! Она съ такимъ же успѣхомъ могла бы выдти замужъ за смерть». Нужно замѣтить, что миссъ Стирлингъ была значительно старше Шопена и этимъ отчасти объясняется его полное равнодушіе къ ней: Жоржъ Зандъ была единственной женщиной, которую онъ любилъ, несмотря на то, что она была старше его. Вообще же онъ признавалъ только очень молодыхъ женщинъ.

Въ Шотландіи онъ, по его собственному выраженію, «кочевалъ отъ одного лорда къ другому, отъ одного герцога къ другому и всюду носилъ съ собою свою хандру и нездоровье». Въ Шотландіи, какъ и вездѣ, онъ скоро сдѣлался общимъ любимцемъ и баловнемъ и разные лорды и герцоги наперерывъ старались хоть на время завлечь его въ свои помѣстья. Изысканная роскошь и комфортъ, царившіе въ ихъ старинныхъ замкахъ, очень нравились Шопену: чудные рояли, картины, библіотеки, изящная обстановка, прекрасный столъ, дорогія вина и, главное, необыкновенная любезность и радушное гостепріимство хозяевъ—все это вполнѣ соотвѣтствовало его вкусамъ и привычкамъ и не оставляло желать ничего лучшаго. И тѣмъ не менѣе онъ страшно скучалъ въ Англіи и чуть ли не съ первыхъ дней своего пріѣзда туда началъ стремиться обратно въ Парижъ. Англичане, не смотря на всю ихъ любезность, были ему не по душѣ, и климатъ туманнаго Альбіона губительно дѣйствовалъ на его здоровье. Вотъ какъ самъ онъ описываетъ свое времяпровожденіе въ Шотландскомъ замкѣ (въ письмѣ къ Гржимала): «Все утро я чувствую себя неспособнымъ что либо дѣлать; процессъ одѣванія такъ утомляетъ меня, что послѣ него я долженъ отдыхать нѣкоторое время. Послѣ обѣда я долженъ часа два сидѣть съ мужчинами, слушать, какъ они разговариваютъ, и смотрѣть, какъ они пьютъ вино, въ то время какъ я чувствую себя усталымъ и мнѣ скучно до смерти— я стараюсь думать о чемъ нибудь другомъ и затѣмъ долженъ идти въ гостиную, гдѣ прилагаю всѣ усилія къ тому, чтобы немного оживиться, такъ какъ они жаждутъ слышать мою игру. Потомъ мой добрый Даніель (его лакей) вноситъ меня наверхъ, въ мою комнату, раздѣваетъ меня, кладетъ въ постель, зажигаетъ свѣчу и тогда наконецъ я остаюсь на свободѣ: могу вздыхать и мечтать до утра, затѣмъ опять начинается день, совершенно такой же, какъ предыдущіе. Когда я начинаю немного привыкать къ какому нибудь замку и чувствовать себя въ немъ дома, я опять долженъ ѣхать въ другое мѣсто. Мои шотландскія дамы не даютъ мнѣ ни минуты покоя— конечно дѣлая это съ самыми лучшими намѣреніями. Онѣ пріѣзжаютъ за мной и увозятъ, чтобы показывать своимъ безчисленнымъ родственникамъ. Въ концѣ концевъ онѣ убьютъ меня своей добротой и я изъ любезности долженъ все это переносить».

Въ Шотландіи Шопенъ нѣсколько разъ выступалъ публично: онъ игралъ въ Эдинбургѣ и въ Глазго. Концерты его хорошо посѣщались, но большую часть публики составляли все тѣ же аристократы, изъ которыхъ многіе даже пріѣзжали изъ окрестныхъ помѣстій, чтобы послушать своего излюбленнаго піаниста. Цѣна билетамъ была назначена высокая (по полъ гинеи, около 5 р. на наши деньги) и разсказываютъ, что миссъ Стирлингъ, боясь, что не найдется охотниковъ платить за билетъ столько денегъ, скупила полъ-залы въ Эдинбургскомъ концертѣ, такъ что въ матеріальномъ отношеніи концертъ тоже былъ изъ удачныхъ.

Въ концѣ октября Шопенъ вернулся въ Лондонъ и пробылъ тамъ всего около 3 мѣсяцевъ; здоровье его все болѣе и болѣе растраивалось и англичане дѣлались ему все болѣе невыносимыми. Онъ отдыхалъ только въ обществѣ своихъ соотечественниковъ — поляковъ и единственный разъ рѣшился публично выступить въ Лондонѣ въ благотворительномъ концертѣ въ пользу бѣдныхъ поляковъ.—За концертомъ слѣдовалъ балъ и большинство публики пріѣхало ради танцевъ: музыкой никто не интересовался и ему пришлось играть почти въ пустой залѣ. Онъ чувствовалъ себя очень нехорошо въ этотъ вечеръ, силы совсѣмъ оставили его и его исполненіе производило удручающее, жалкое впечатлѣніе.

Друзьямъ его, присутствовавшимъ въ залѣ, было мучительно больно за великаго артиста, которому пришлось пережить такой упадокъ своего таланта.

Это былъ послѣдній концертъ въ жизни Шопена.

Понятно, что послѣ своей неудачи на польскомъ балу Шопенъ еще сильнѣе началъ стремиться въ Парижъ. Онъ писалъ Гржималѣ длинныя письма съ подробными инструкціями, какъ ему устроить квартиру, какой рояль ему поставить въ комнату, и т. д. Между

прочимъ онъ проситъ купить букетъ фіалокъ и поставить его въ гостиной, чтобы тамъ хорошо пахло. «И такъ въ четвергъ я наконецъ уѣду изъ этого невыносимаго Лондона,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ:—въ пятницу я буду уже въ Парижѣ. Еще одинъ день здѣсь и я сойду съ ума или умру! Мои шотландскія дамы очень добры, но такъ скучны, что... Боже, сжалься надо мной! Онѣ такъ ко мнѣ пристали, что мнѣ не легко отъ нихъ избавиться.»..

Одинъ изъ знакомыхъ Шопена, ѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ Лондона въ Парижъ, разсказываетъ, что Шопенъ всю дорогу волновался и радовался, какъ ребенокъ, и былъ въ необыкновенномъ восторгѣ, когда они издали увидали берегъ Франціи. Проѣзжая мимо поля, по близости отъ Булони, Шопенъ сказалъ своему спутнику, указывая на пасущееся стадо: «Видите этихъ овецъ: онѣ всѣ умнѣе англичанъ!»

Уѣзжая изъ Англіи, Шопенъ все еще надѣялся, что здоровье его можетъ поправиться и что Парижъ вернетъ ему силы. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. Послѣдніе мѣсяцы его жизни (онъ умеръ въ октябрѣ 49 г.) представляли изъ себя медленное, мучительное угасаніе: Шопенъ уже давно былъ боленъ. Будучи отъ природы слабымъ и обладая наслѣдственнымъ предрасположеніемъ къ грудным болѣзнямъ (его младшая сестра умерла въ чахоткѣ), онъ постоянно хворалъ; каждая незначительная простуда разыгрывалась у него въ серьезную грудную болѣзнь, каждое волненіе и непріятность вызывали упадокъ силъ, нервное разстройство, безсонницу и головныя боли. Жюль Жанэнъ говоритъ, что «послѣднія десять лѣтъ онъ прожилъ какимъ-то чудомъ, въ такомъ состояніи, что онъ каждую минуту могъ-бы умереть». У него былъ такой изнуренный, страдальческій видъ, что его давно уже считали добычей смерти и удивлялись, какъ онъ еще можетъ жить. Еще задолго до его смерти слухи о томъ, что онъ умеръ, нѣсколько разъ распространялись въ обществѣ. Но, какъ у всѣхъ очень нервныхъ людей, періоды слабости временами смѣнялись у него періодами нервнаго подъема силы и бодрости. Геллеръ говоритъ, что «сегодня онъ лежалъ больной у себя въ комнатѣ, а завтра въ легкомъ пальто весело разгуливалъ по бульвару».

Но по возвращеніи изъ Англіи, его обычная грудная болѣзнь обострилась и приняла очень серьезный характеръ. О прогулкахъ по бульвару нечего было и думать. Онъ почти уже не выходилъ изъ дому и цѣлые дни былъ прикованъ къ своему дивану. Кромѣ физическихъ страданій, его страшно мучила неспособность работать и

связанныя съ этимъ матеріальныя затрудненія. Онъ уже не былъ въ состояніи ничего сочинять и послѣ своего разрыва съ Жоржъ Зандъ не написалъ ни одной вещи. Играть публично онъ конечно тоже не могъ. Наконецъ послѣдній источникъ доходовъ—частные уроки—тоже исчезъ: онъ былъ слишкомъ боленъ, чтобы заниматься съ учениками. Деньги, привезенныя изъ Англіи, скоро всѣ были истрачены и умирающій человѣкъ остался безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Віолончелистъ Франшомъ, бывшій близкимъ другомъ Шопена и завѣдывавшій его денежными дѣлами, былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, какъ ему помочь въ этомъ случаѣ и рѣшилъ наконецъ черезъ посредство знакомыхъ обратиться къ миссъ Стирлингъ. Онъ написалъ ей, въ какомъ положеніи находится великій артистъ, которому она такъ поклонялась, и миссъ Стирлингъ тотчасъ же прислала на имя Шопена 25.000 франковъ. Но деньги не сразу дошли до назначенія, а вокругъ этого факта изъ жизни Шопена сложилась цѣлая легенда. Новѣйшій біографъ Шопена Никсъ, который вообще съ необыкновенной осторожностью относится къ своему матеріалу, говоритъ, что самъ онъ слышалъ отъ одной изъ ученицъ Шопена, бывшей свидѣтельницей всего дѣла и, по его мнѣнію, заслуживающей полнаго довѣрія, слѣдующій разсказъ: Эта ученица, мадамъ Рубіо, по просьбѣ Франшома, написала письмо миссъ Стирлингъ и вскорѣ получила отъ нея отвѣтъ съ увѣдомленіемъ, что Шопену уже давно посланы 25.000 франковъ. Мадамъ Рубіо и Франшомъ были очень удивлены этимъ извѣстіемъ, такъ какъ оба они несомнѣнно знали, что Шопенъ никакихъ денегъ не получалъ. Они начали изслѣдовать это дѣло, но всѣ ихъ попытки оказались тщетными. Тогда кто то посовѣтовалъ мадамъ Рубіо обратиться къ проживавшему въ Парижѣ медіуму и ясновидцу Александру. Александръ сказалъ, что деньги находятся у привратницы дома, въ которомъ жилъ Шопенъ, но что онъ не можетъ указать мѣсто, гдѣ онѣ скрыты, не имѣя въ рукахъ пряди ея волосъ. Мадамъ Рубіо слѣдующій разъ принесла ему небольшую прядку ея волосъ и онъ сказалъ, что деньги находятся въ ея стѣнныхъ часахъ. Такъ оно въ дѣйствительности и оказалось. Пакетъ былъ нераспечатанъ и привратница объяснила свой поступокъ тѣмъ, что первое время она просто забыла отдать его, а потомъ уже ей было совѣстно и она боялась быть заподозрѣнною въ воровствѣ. Мадамъ Рубіо говоритъ, что привратница вѣроятно разсчитывала на то, что Шопенъ скоро умретъ и деньги останутся ей, но изъ осторожности не распечатывала пакетъ,

думая, что Шопенъ можетъ случайно узнать о посланныхъ ему деньгахъ и тогда начнутся розыски. Конечно достовѣрность всего этого эпизода находится подъ большимъ сомнѣніемъ. Изъ присланныхъ денегъ Шопенъ удержалъ себѣ только 1.000 франковъ, а остальныя послалъ назадъ миссъ Стирлингъ.

Послѣдніе мѣсяцы своей жизни Шопенъ уже не могъ ничѣмъ заниматься. Онъ былъ такъ слабъ, что порой ему даже трудно было говорить и онъ объяснялся жестами. За это время онъ очень пристрастился къ чтенію и любилъ, чтобы ему читали вслухъ. Одинъ изъ его друзей разсказываетъ, что онъ часто читалъ ему отрывки изъ «Dictionnaire philosophique» Вольтера и что Шопенъ восторгался ихъ сжатымъ, рѣзкимъ языкомъ и оригинальностью содержанія. Особенно нравилась ему статья о «Вкусѣ».

Передъ смертью Шопенъ очень измѣнился. Онъ, этотъ капризный, слабый человѣкъ, всю жизнь такъ мучительно боявшійся смерти, съ удивительнымъ мужествомъ и спокойствіемъ готовился къ концу, когда созналъ его неизбѣжную близость. Когда ему стало очень плохо, онъ позвалъ польскаго аббата Іеловича и долго говорилъ съ нимъ. Самъ Іеловичъ слѣдующимъ образомъ разсказываетъ о своемъ послѣднемъ свиданіи съ нимъ: «...Я далъ ему распятіе, онъ крѣпко сжалъ его въ своихъ рукахъ, не говоря ни одного слова. Крупныя слезы текли изъ его глазъ. «Вѣрите ли вы»? спросилъ я его. «Да, я вѣрю».—Вѣрите ли вы такъ, какъ васъ учила ваша мать»?—«Да, такъ, какъ меня учила моя мать». И съ глазами, устремленными на распятіе, онъ началъ свою исповѣдь. Тотчасъ послѣ причастія, онъ выразилъ желаніе, чтобы причту было заплачено въ двадцать разъ болѣе того, что ему обыкновенно полагается. Когда я сказалъ ему, что это будетъ слишкомъ много, онъ отвѣтилъ: «нѣтъ, нѣтъ, это не слишкомъ много. То, что я получилъ, ничѣмъ не можетъ быть оплачено».

Листъ, со словъ Зеловскаго, разсказываетъ, что послѣ исповѣди, Шопенъ обнялъ аббата и сказалъ: «Спасибо вамъ, теперь я по крайней мѣрѣ не умру какъ свинья».

Квартира Шопена постоянно была наполнена его многочисленными друзьями и поклонниками, приходившими справляться о его здоровьѣ. Они, по нѣскольку человѣкъ, допускались въ комнату, гдѣ лежалъ больной. Шопенъ страшно мучился припадками удушья и отъ времени до времени приподнимался на своей постели, поддерживаемый кѣмъ нибудь изъ присутствующихъ. Въ такомъ положеніи ему легче было дышать. Уходъ за больнымъ лежалъ главнымъ

образомъ на его старшей сестрѣ, спеціально ради этого пріѣхавшей изъ Польши, и на его ученикѣ Гутманѣ, проводившемъ дни и ночи у постели больного. Имъ помогала княгиня Чарторижская, бывшая однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ друзей Шопена. Еще нѣкоторые изъ его близкихъ друзей иногда старались облегчать трудъ этихъ трехъ лицъ, но большинство изъ нихъ оставались въ сосѣднихъ комнатахъ и даже не показывались больному.

Узнавъ о болѣзни Шопена, Ж. Зандъ рѣшилась пойти навѣстить его, но друзья не допустили ее къ нему, боясь, что слишкомъ сильное волненіе вредно отзовется на его состояніи. Между тѣмъ Шопенъ очень скучалъ безъ нея и хотѣлъ ее видѣть. За нѣсколько дней до смерти онъ со слезами на глазахъ говорилъ Франшому: «Она говорила мнѣ, что не дастъ мнѣ умереть безъ нея, что я умру у нея на рукахъ».

Агонія продолжалась четверо сутокъ. Разсказываютъ, что Шопенъ самъ почувствовалъ ея приближеніе. Онъ сидѣлъ на постели, опираясь на плечо друга, и долго молчалъ. Молчаніе внезапно было прервано словами: «вотъ начинается агонія». Докторъ, щупавшій его пульсъ, сталъ говорить ему какія то банальныя утѣшенія, но онъ прервалъ его, говоря: «Богъ оказываетъ человѣку величайшую милость, открывая ему минуту, когда наступаетъ смерть. Мнѣ онъ оказалъ эту милость. Не мѣшайте мнѣ». Эти слова были сказаны такимъ твердымъ и спокойнымъ тономъ, что никто изъ присутствовавшихъ не рѣшился возражать ему.

15 октября, наканунѣ смерти, Шопенъ чувствовалъ себя немного лучше. Въ этотъ день его навѣстила графиня Потоцкая, пріѣхавшая изъ Ниццы спеціально для того, чтобы повидаться со своимъ больнымъ другомъ. Шопенъ очень ей обрадовался и слабымъ, прерывающимся голосомъ сказалъ: «Теперь я знаю, почему Богъ такъ долго не бралъ меня къ себѣ: Онъ хотѣлъ доставить мнѣ радость, еще разъ увидать васъ». Шопенъ, даже и въ агоніи, оставался рыцарски-любезнымъ и привѣтливымъ человѣкомъ. Поздоровавшись со своей гостьей, онъ тотчасъ же началъ просить ее спѣть ему что нибудь. У графини Потоцкой былъ прекрасный голосъ и Шопенъ очень любилъ слушать ее пѣнье. Изъ другой комнаты внесли рояль и поставили его у постели умирающаго. Графиня дѣлая надъ собой усилія, чтобы не разрыдаться, начала пѣть гимнъ Страделлы. Шопенъ лежалъ неподвижно, закрывъ глаза, и казался совершеннымъ мертвецомъ. Но когда она кончила, онъ открылъ глаза и сталъ ее просить спѣть еще что нибудь. Она запѣла

псалмъ Марчеллы, но вскорѣ пѣнье ея было прервано хрипами умирающаго. Рояль тотчасъ же вынесли изъ комнаты и всѣ поспѣшили уйти, оставивъ больного одного съ докторомъ и съ аббатомъ. Всѣ присутствовавшіе разсказывали, что эта сцена производила потрясающее впечатлѣніе: то было послѣднее прощаніе великаго артиста съ искуствомъ, которому онъ служилъ всю свою жизнь.

Всю ночь Шопенъ провелъ въ страшныхъ мученіяхъ, но утромъ 16 октября ему опять стало нѣсколько легче. Онъ позвалъ къ себѣ въ комнату всѣхъ пришедшихъ справиться о его здоровьѣ и простился съ ними. Для каждаго у него нашлось какое нибудь ласковое слово. Онъ познакомилъ свою любимую ученицу М-lle Гаваръ съ княгиней Чарторыжской и сказалъ имъ: «Вы будете вмѣстѣ заниматься музыкой и вспоминать обо мнѣ, а я буду васъ слушать». Своему другу Франшому онъ сказалъ: «Играйте Моцарта въ память обо мнѣ». Послѣднія мысли его опять-таки были направлены къ музыкѣ.

Къ вечеру онъ сталъ просить, чтобы ему читали отходную. Онъ лежалъ совершенно неподвижно и только по легкому приподниманію и опусканію груди можно было заключать, что онъ живъ. Доктора думали, что онъ уже потерялъ сознаніе. Одинъ изъ нихъ нагнулся къ нему и спросилъ, страдаетъ ли онъ. Шопенъ совершенно явственно отвѣтилъ: «plus». Это было его послѣднее слово.

Въ 3 часа ночи онъ умеръ.

Шопена похоронили на кладбищѣ Père-Lachaise, около Беллини и Керубини. Незадолго до смерти онъ говорилъ, что хочетъ быть похороненнымъ въ томъ платьѣ, въ которомъ онъ выступалъ въ концертахъ, и это желаніе его было исполнено. На похороны его пріѣхало много народа изъ разныхъ далекихъ мѣстъ. Между прочимъ пріѣхала изъ Лондона миссъ Стирлингъ.

Друзья Шопена вскорѣ послѣ его смерти собрали денегъ для его памятника и комитетъ художниковъ и скульпторовъ, подъ предсѣдательствомъ Делакруа, выработалъ очень красивый проэктъ памятника. На передней сторонѣ его изображена плачущая муза, у ногъ которой лежитъ разбитая лира. Этотъ памятникъ былъ поставленъ надъ его могилой.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ВЫБОРЪ
ШОПЕНОВСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ
ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

СОСТАВИЛА

А. М. Померанцева.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) **НОКТЮРНЪ** № XI, ор. 37, № 1.

2) **МАЗУРКА** № 22, ор. 33, № 1.

3) **ВАЛЬСЪ** ор. 64, № 2.

4) **ПОХОРОННЫЙ МАРШЪ** (изъ. сонаты, ор. 35).

5) **ЭТЮДЪ** № 12, ор. 10, часть 2-я.

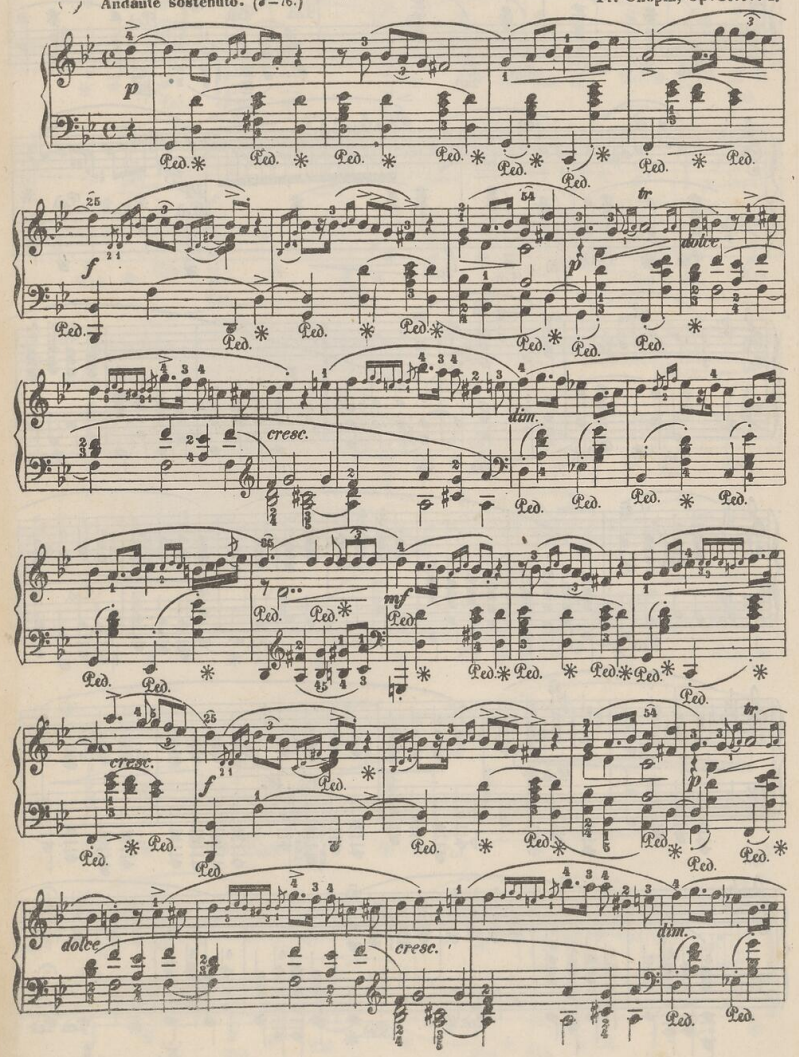
6) **ПРЕЛЮДІЯ** № 15, ор. 28.
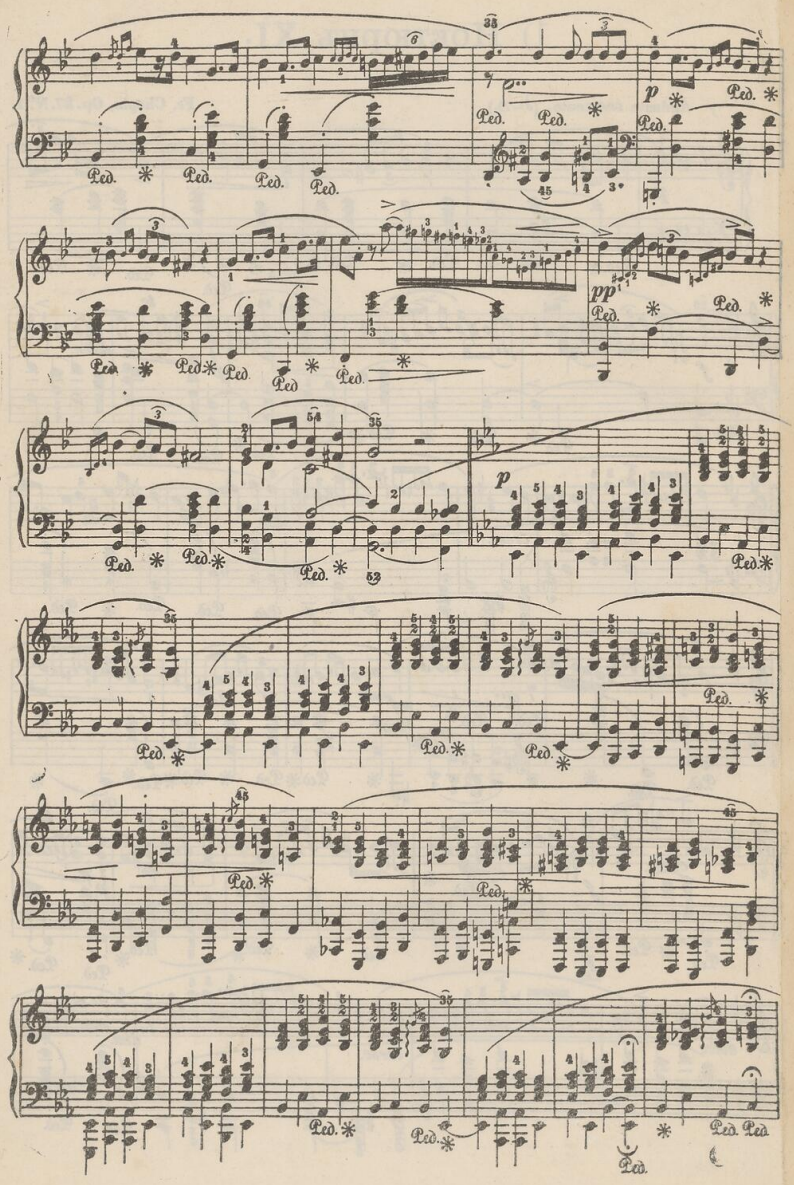
7) **ПОЛОНЕЗЪ** № 4, ор. 40, № 1.

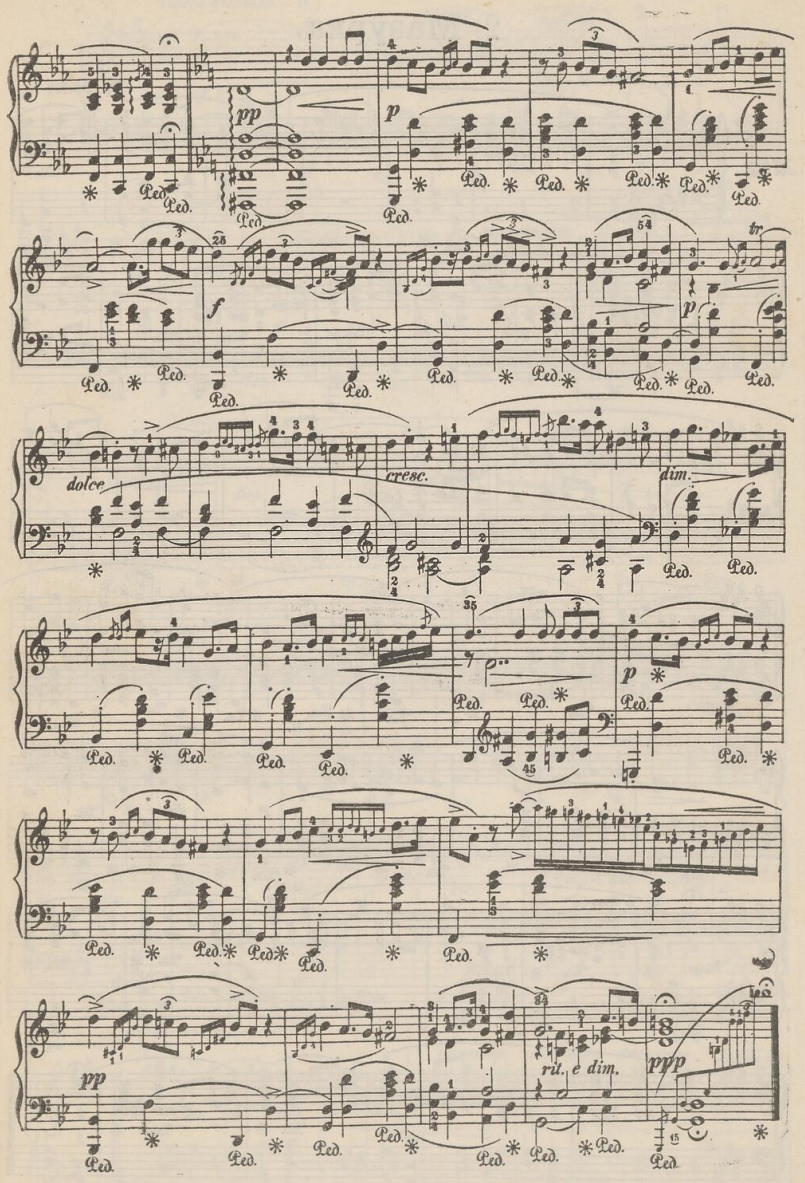
NB. За недостаткомъ мѣста изъ 3-ей части „Похороннаго Марша", представляющей повтореніе 1-ой части, приведены только 1-ый и послѣдній такты, такъ какъ различіе 3-ей ч. отъ 1-ой состоитъ лишь въ заключительномъ аккордѣ послѣдняго такта.

1) Ноктюрнъ XI.

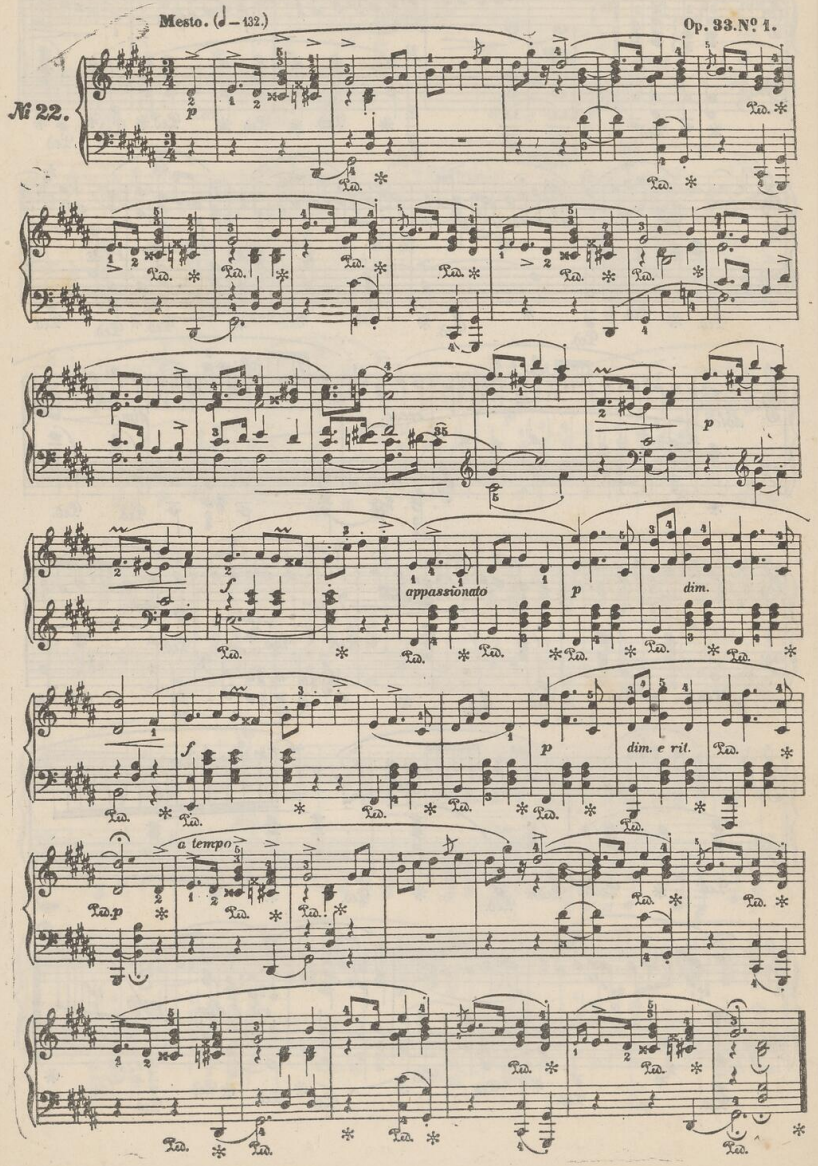
Andante sostenuto. (♩=76.) Fr. Chopin, Op. 37. № 1.

Ped.
p
pp
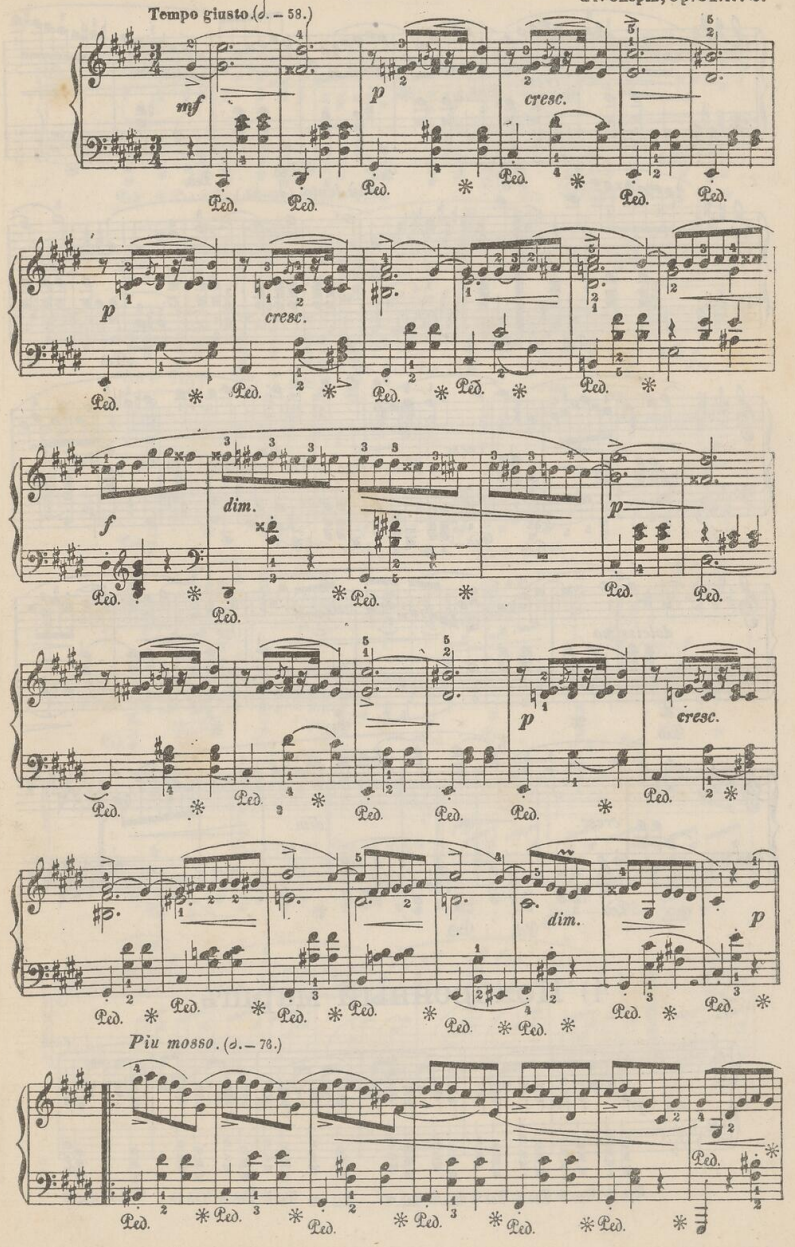

pp
p
f
dolce
cresc.
dim.
tr
rit. e dim.
ppp
Ped.
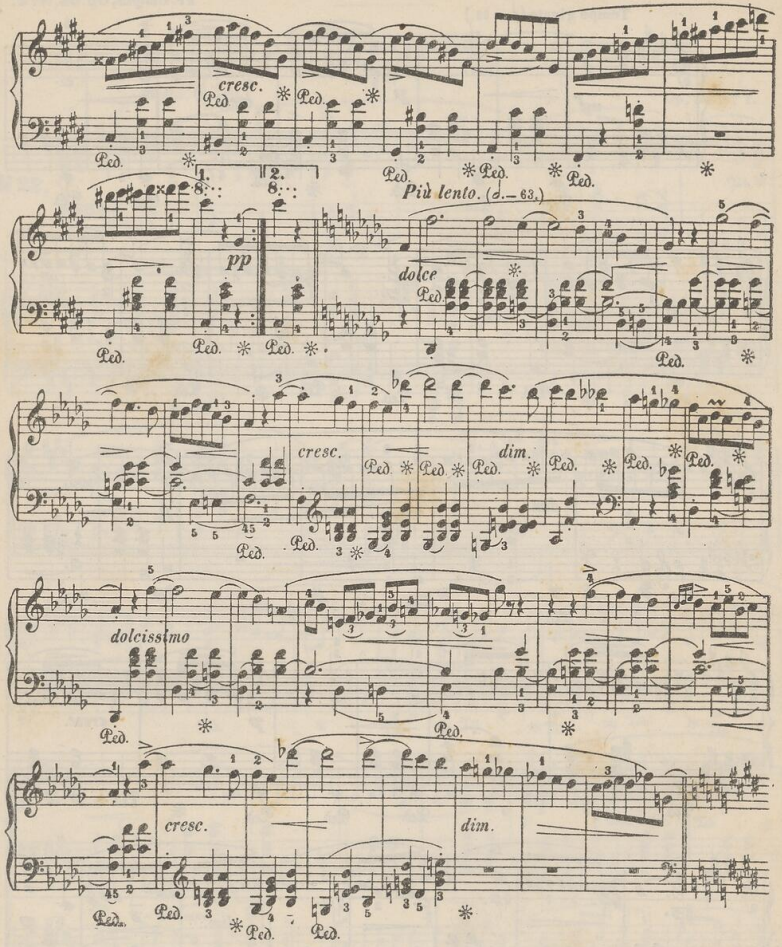
2) Мазурка.
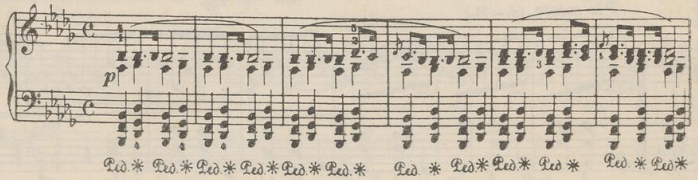

3) ВАЛЬСЪ.
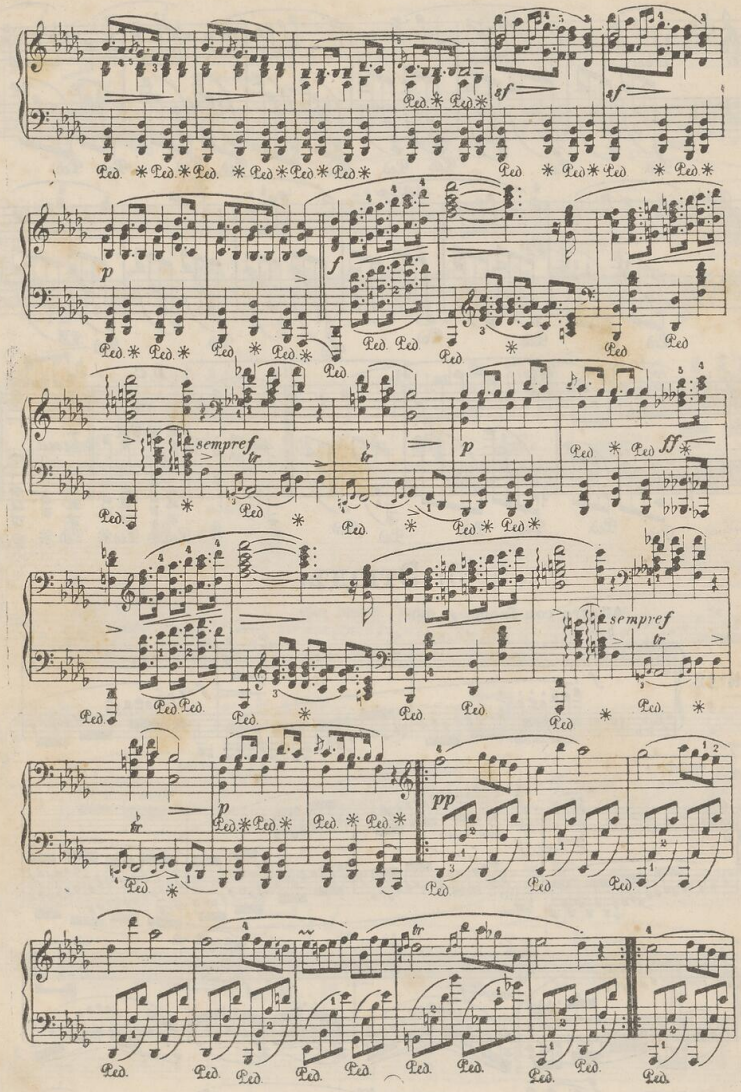
Fr. Chopin, Op. 64. № 2.
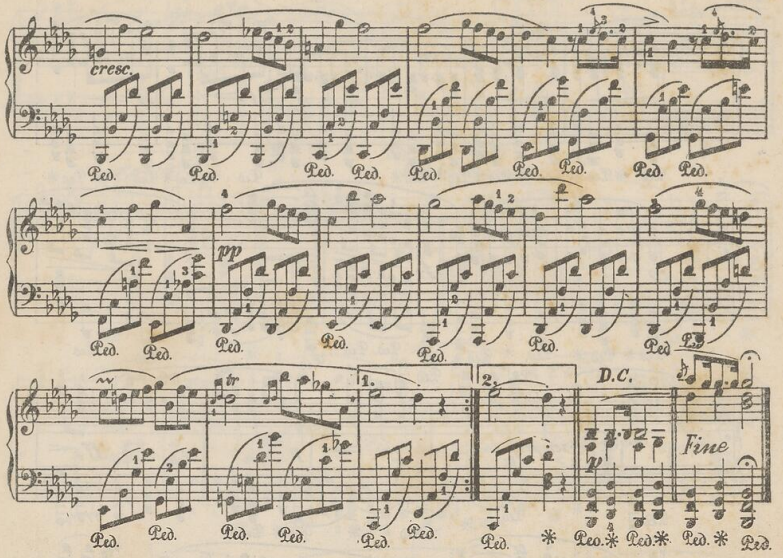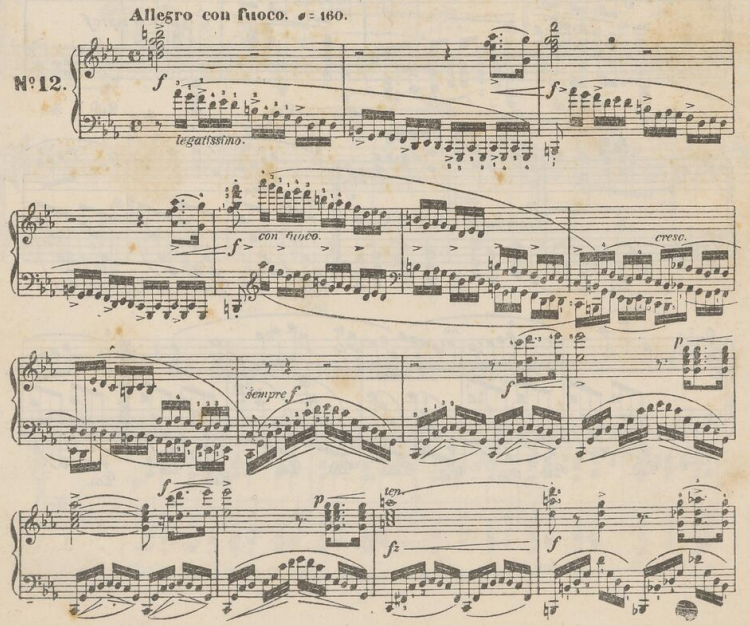

4) Похоронный маршъ.
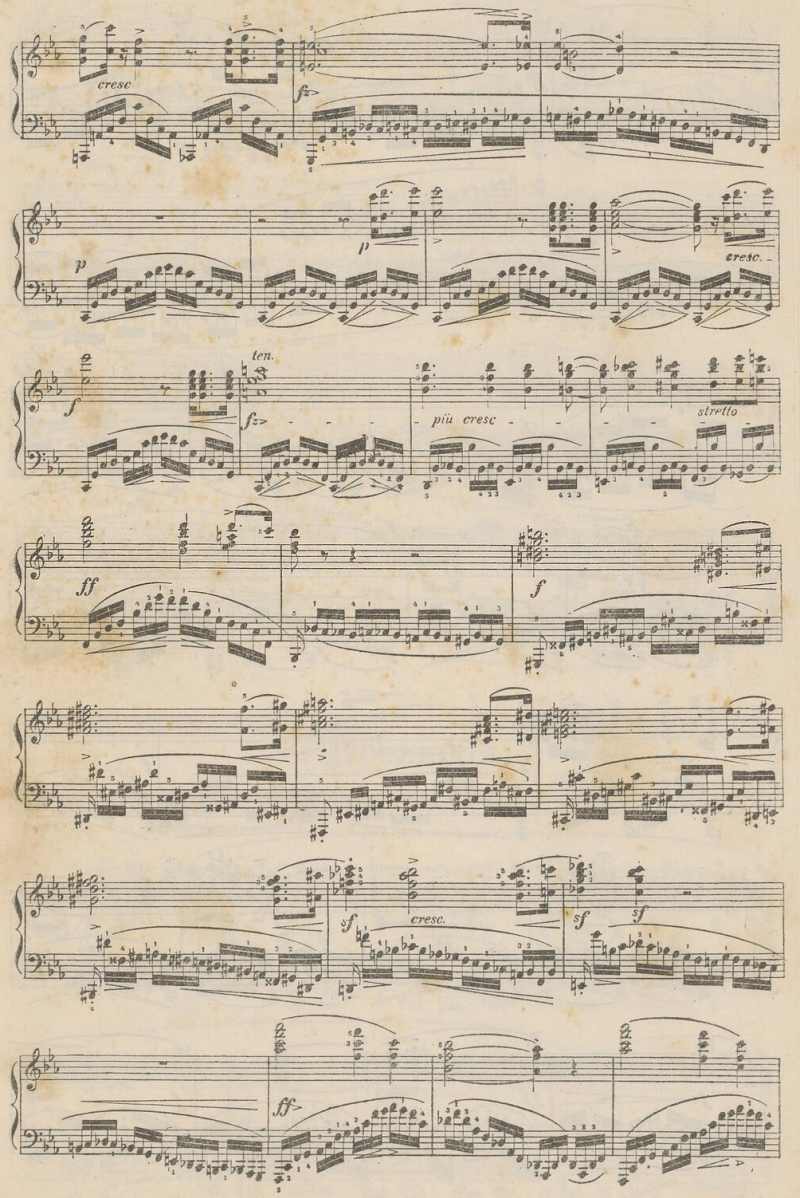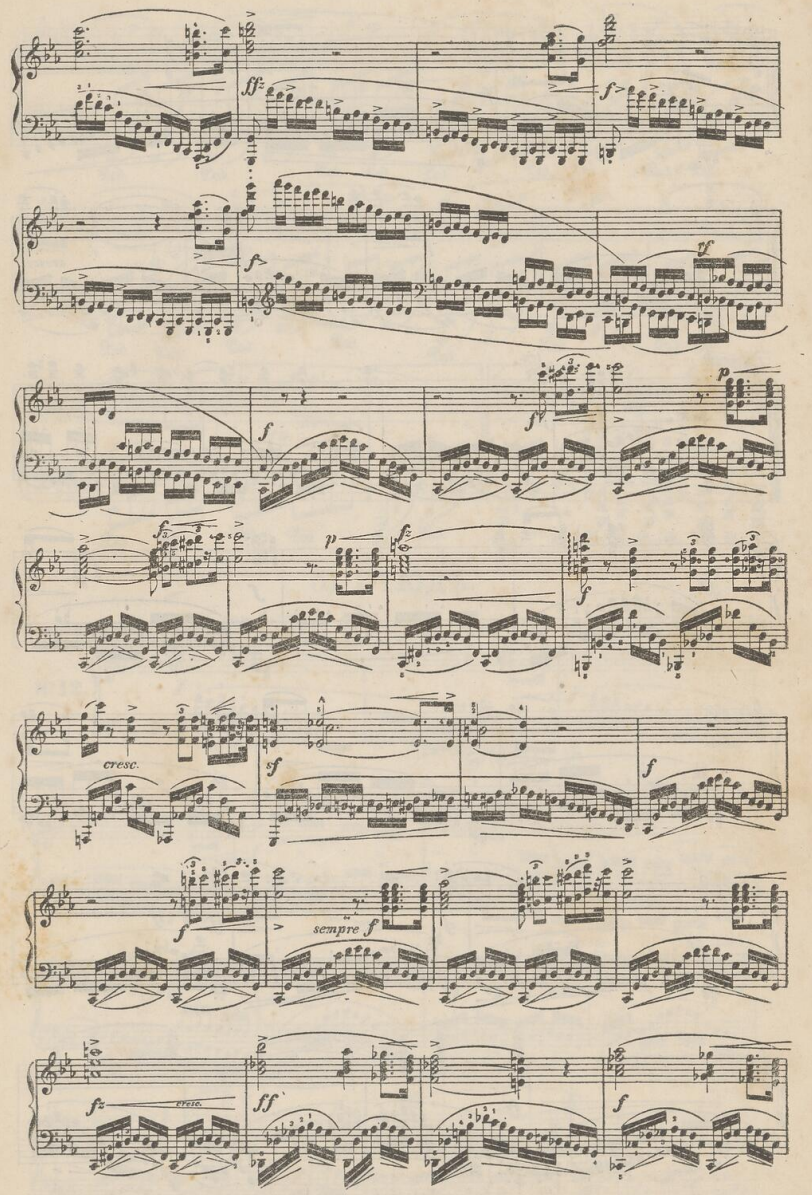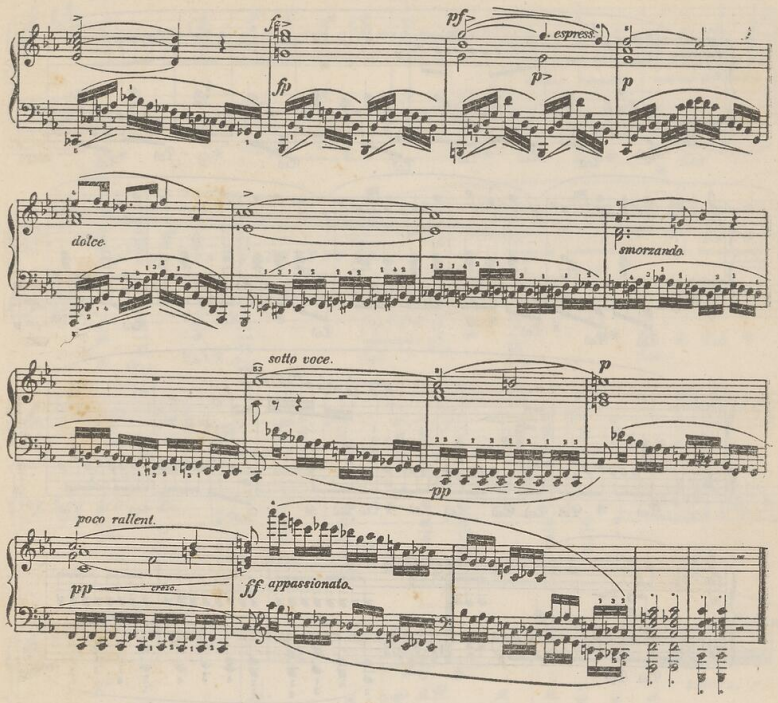

cresc.
pp
D.C.
Fine

5) Этюдъ.

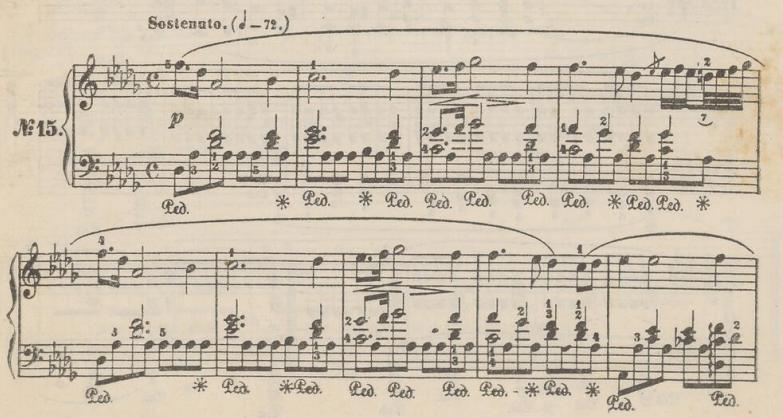

Allegro con fuoco. ♩= 160.
№12.
legatissimo.
con fuoco.
cresc.
sempre f
ten.
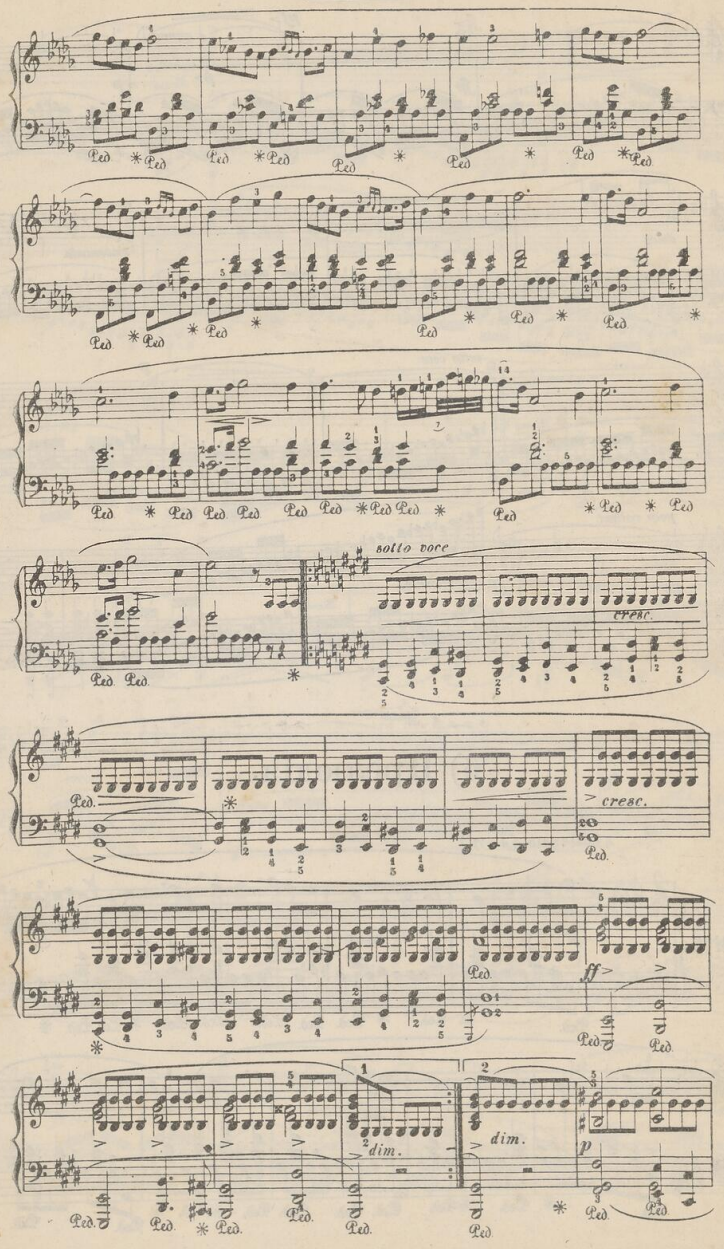

cresc.
ten.
più cresc
stretto
cresc.
cresc.
ff
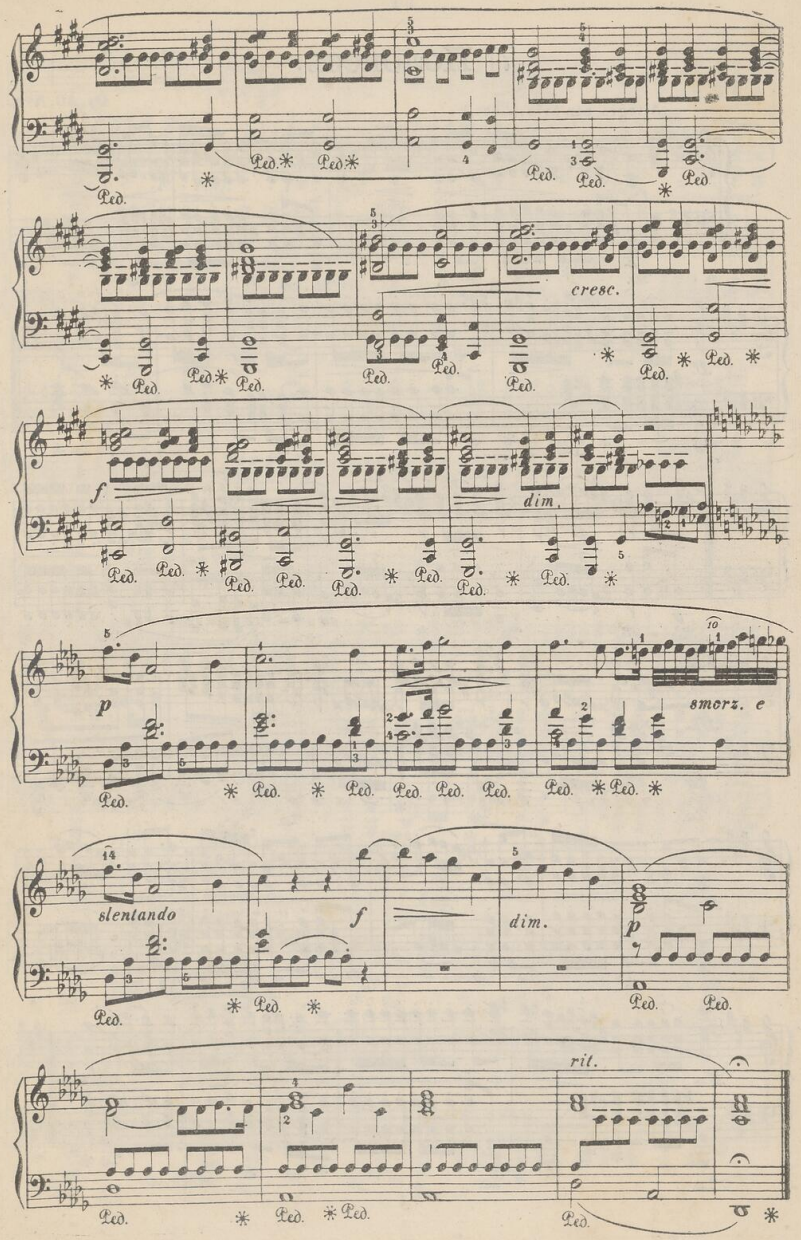

ff
f
f
ff
f
p
f
f
p
f
cresc.
sf
f
f
sempre f
fz
cresc.
ff
f

fz
pf
espress.
fp
p
p
dolce.
smorzando.
sotto voce.
p
pp
poco rallent.
p
cresc.
pp
ff appassionato.

6) Прелюдія.

Sostenuto. (♩ – 72.)
№15.
p
Ped.
* Ped. * Ped. Ped. Ped. Ped. Ped. * Ped. Ped. *
Ped. * Ped. * Ped. Ped. Ped. Ped. Ped. * Ped. *
Ped. Ped.
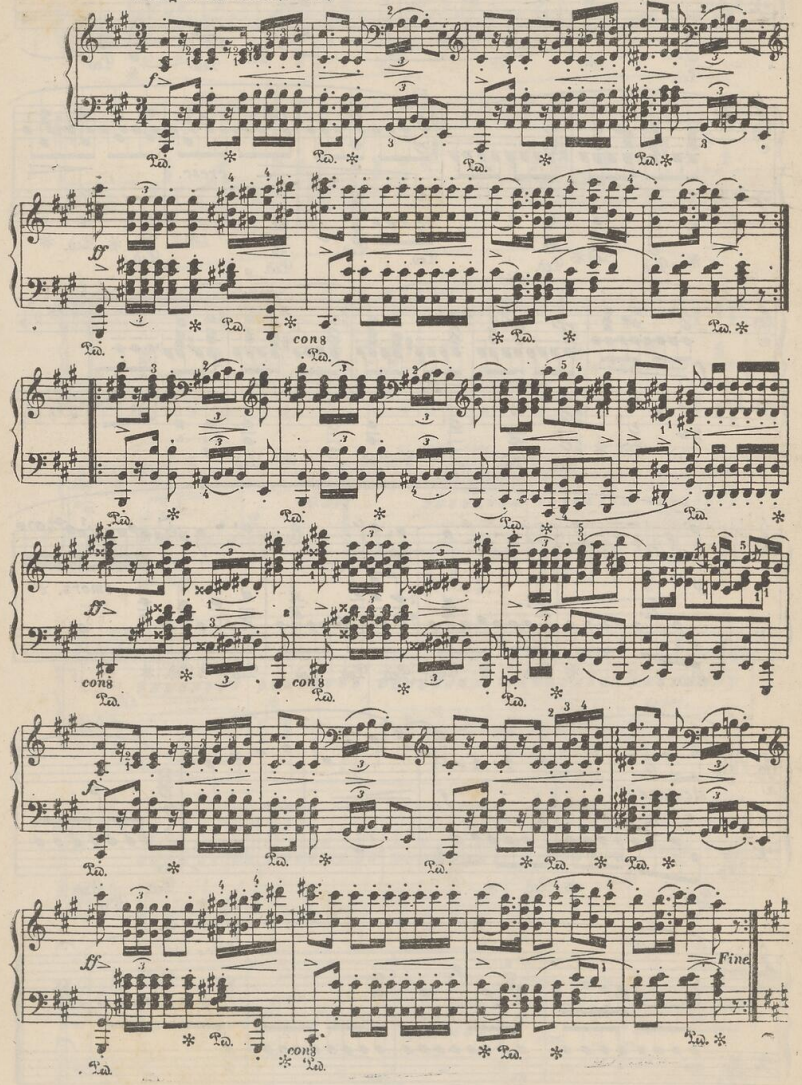

sotto voce
cresc.
cresc.
ff
dim.
dim.
p
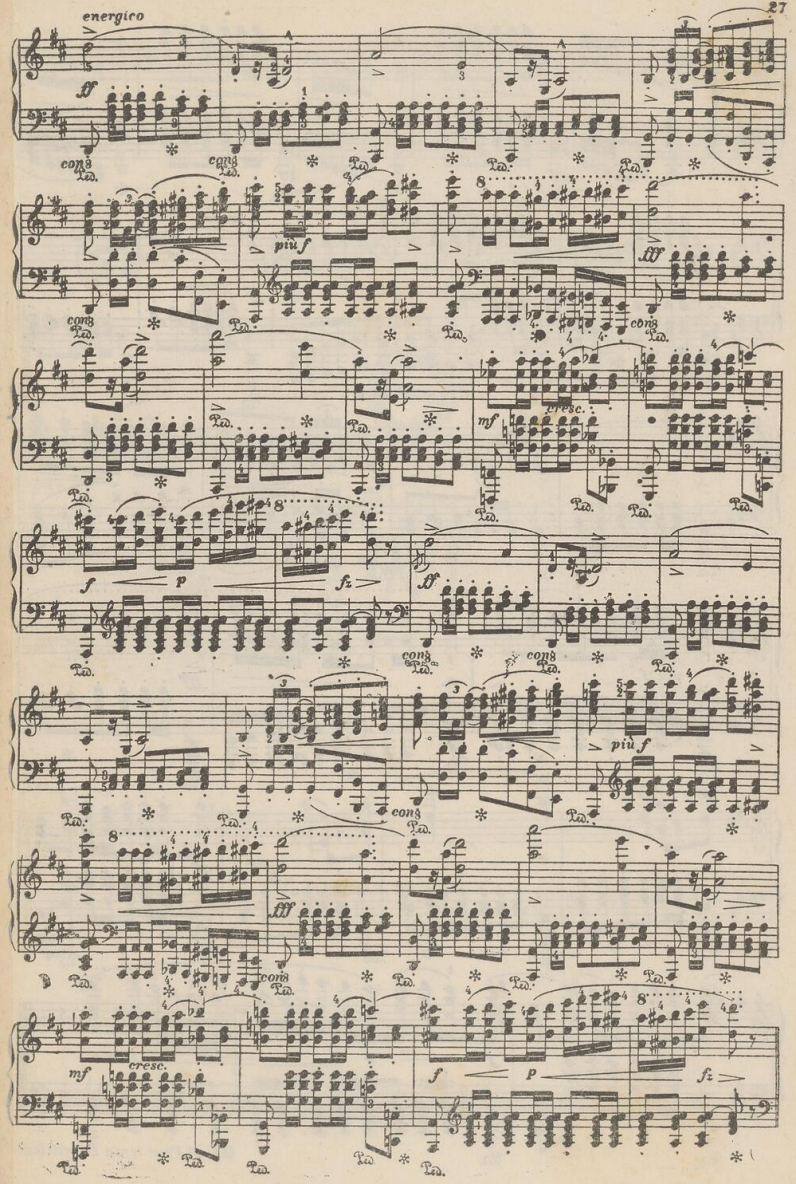

cresc.
f
dim.
p
smorz. e
slentando
f
dim.
p
rit.

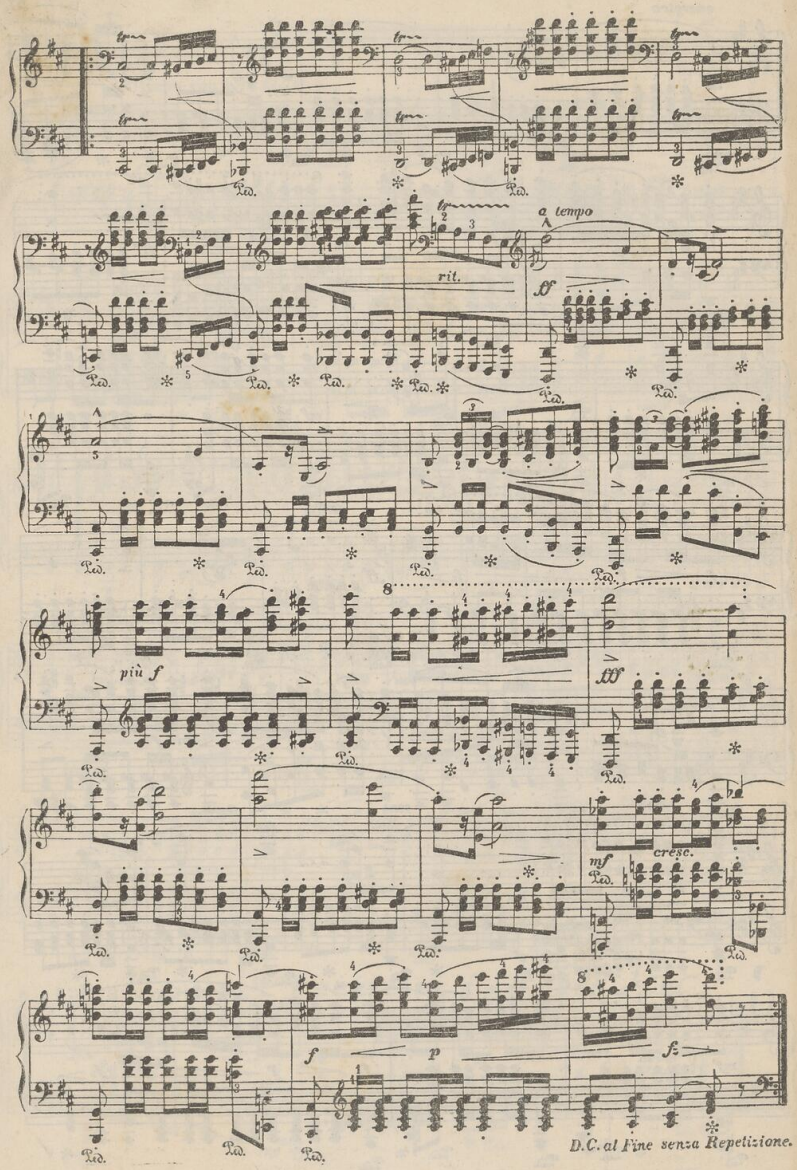
7) Полонезъ.

Op. 40. № 1.

Allegro con brio. (♩= 96.)

INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA NARODOWY BIBLIOTEKA
Zbiory Stowarzyszenia I. F. C.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ФР. ШОПЕНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И МУЗЫКАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Л. К. Давыдовой.

Съ портретомъ Шопена и музыкальнымъ приложеніемъ, состоящимъ изъ выбора его произведеній для фортепіано.

INSTYTUT FRYDERYKA CHOPINA NARODOWY BIBLIOTEKA

ЦѢНА 25 КОП.

Zbiory Stowarzyszenia I. F. C. 1044

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1892.